

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского государственного
технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

VESTNIK

of Samara State
Technical University

Series "PHILOSOPHY"

Том
Volume **6**

№
No. **3**

2024

ВЕСТНИК

Самарского государственного технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2024

Том 6

№ 3

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия,
свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Адрес издательства и редакции:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru

Тел.: +7 (846) 339-14-95

Распространяется по подписке:

Подписной индекс в каталоге

«Пресса России» – И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 11,98.

Тираж 500 экз. Цена свободная

Редактор *Т.Г. Воробьева*

Компьютерная верстка *Н.А. Козырева*

Рег. № 130/24

Отпечатано в типографии Самарского
государственного технического
университета. 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8
Заказ № 425

Подписано в печать 31.10.24

Выход в свет 21.11.24

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2024

© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф.
(Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

И.С. Панин, ассистент (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев – д-р филос. наук (Уральск, Республика Казахстан)

И.И. Докучаев – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия)

В.В. Костецкий – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов – д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев – д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич – канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман – д-р техн. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков – д-р филос. наук, проф. (главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман – д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Дёмин – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Малышев – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина – д-р филос. наук, проф. (Казань, Россия)

В.Т. Фаритов – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов – д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика
Казахстан)

М. Чарноцкая – Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова – Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура – Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Диско-Шуман – канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

2024
Volume 6
No. 3

Series "PHILOSOPHY"

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University
Registered in the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation
E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Tel.: +7 (846) 339-14-95

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian Post"
service with index **И 41340**

Editor *T.G. Vorobyova*
Computer layout *N.A. Kozyreva*

© Samara State Technical University, 2024

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

I.S. Panin, Assistant (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)
I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)
V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)
V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)
A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)
V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic
of Belarus)
V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)
L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)
E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)
I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)
E.A. Taysina, Dr. of Sciences, Prof. (Kazan, Russia)
V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)
A.A. Khamidov, Dr. of Sciences, Prof. (Alma-Ata, Republic
of Kazakhstan)
M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)
M.V. Yusupova, Ph. D. (Lancaster, United Kingdom of Great
Britain and Northern Ireland)
M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)
M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk,
Republic of Belarus)

© Authors, 2024

© Samara State Technical University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

Специфика постсекулярных дискурсов о чуде.....	5
<i>Астапов С.Н.</i>	
О роли цивилизационных факторов во внешней политике Запада	10
<i>Цыганков П.А.</i>	
Оборотная сторона цивилизации	15
<i>Костецкий В.В.</i>	
Современные вызовы информационно-коммуникативных технологий.....	27
<i>Елхова О.И., Кудряшев А.Ф.</i>	
Потенциал искусственного интеллекта в искусстве	35
<i>Тонковидова А.В.</i>	
Гражданско-патриотические ориентиры вузовской подготовки специалистов как приоритет развития образовательной системы	40
<i>Сугаинова Э.И.</i>	
Основные тенденции военного насилия.....	44
<i>Ксенофонтов В.А.</i>	
Роль личной исторической памяти в формировании исторического сознания российской молодежи	51
<i>Свинцова М.Н.</i>	
Социально-мифологические метафоры медиапамяти.....	56
<i>Суслов И.В.</i>	
Конструирование прошлого: между историей и памятью	61
<i>Цымбал А.Г.</i>	

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

К вопросу о включенности искусственного интеллекта в систему социальных отношений.....	68
<i>Шалагин С.В., Шалагина Г.Э.</i>	
Методологические подходы к проблеме зарождения философии: интернализм, экстернализм, презентизм, антикваризм, кумулятивизм, катастрофизм	74
<i>Кожевников Н.Н., Данилова В.С.</i>	
К вопросу об адаптации поведенческих программ на пути к технологическому укладу будущего.....	80
<i>Звездин Л.А.</i>	
Процессный подход к определению и моделированию свободы воли.....	86
<i>Иващенко А.В., Сериков А.Е., Головнин О.К.</i>	
Феномен междисциплинарного лабораторного эксперимента: попытка философского осмысления	94
<i>Гузенков С.А.</i>	

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Русская идентичность в современной России	101
<i>Маслихин А.В.</i>	

■ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию С.Ю. Колчигина «Итака: метафизический дневник».....	107
<i>Фаритов В.Т.</i>	
Зерна жизненного смысла в академическом курсе философии. Рецензия на «Иллюстрированное введение в философию» д.ф.н., профессора В.И. Курашова.....	112
<i>Мальшиев В.Б.</i>	
Классические философские идеи: опыт сопричастности. Рецензия на книгу Э.А. Тайсиной «Очерки о философской классике».....	115
<i>Беляев И.А.</i>	
Рецензия на учебное пособие Ю.Е. Пермякова «Современная философия права: обзор основных проблем»	126
<i>Шестакова Л.А.</i>	
Наши авторы	131
Правила представления авторами рукописей в журнал «Вестник СамГТУ». Серия «Философия».....	134

CONTENTS

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

The specifics of post-secular discourses on the miracle.....	5
<i>Astapov S.N.</i>	
On the role of civilizational factors in the foreign policy of the West.....	10
<i>Tsygankov P.A.</i>	
The downside of civilization	15
<i>Kostetsky V.V.</i>	
Modern challenges of information and communication technologies.....	27
<i>Elkhova O.I., Kudryashev A.F.</i>	
The potential of artificial intelligence in art.....	35
<i>Tonkovidova A.V.</i>	
Civil and patriotic guidelines of university training of specialists as a priority of the development of the educational system	40
<i>Sugaipova E.I.</i>	
Major trends of military violence.....	44
<i>Ksenofontov V.A.</i>	
The role of personal historical memory in the formation of historical consciousness of Russian youth.....	51
<i>Svintsova M.N.</i>	
Socio-mythological metaphors of media memory.....	56
<i>Suslov I.V.</i>	
Constructing the past: between history and memory.....	61
<i>Tsymbal A.G.</i>	

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

On the issue of artificial intelligence inclusion in the social relations system.....	68
<i>Shalagin S.V., Shalagina G.E.</i>	
Methodological approaches to the problem of the origin of philosophy: internalism, externalism, presentism, antiquarism, cummulativism, catastrophism.....	74
<i>Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.</i>	
To the question of adaptation of behavioral programs on the way to the technological way of the future.....	80
<i>Zvezdin L.A.</i>	
Process approach to definition and modeling of free will	86
<i>Ivashchenko A.V., Serikov A.E., Golovnin O.K.</i>	
Phenomenon of the interdisciplinary laboratory experiment (case study): philosophical reflection attempt.....	94
<i>Guzenkov S.A.</i>	

■ ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Russian identity in modern Russia	101
<i>Maslikhin A.V.</i>	

■ SCIENTIFIC LIFE. REVIEWS

The review of the monograph by S.Yu. Kolchigin "Ithaca: A Metaphysical Diary".....	107
<i>Faritov V.T.</i>	
Grains of life's meaning in the academic course of philosophy. The review of "An Illustrated Introduction to Philosophy" by Doctor of Philosophy, Professor V.I. Kurashov	112
<i>Malyshv V.B.</i>	
Classical philosophical ideas: the experience of complicity. Review of E.A. Taysina's book "Essays on philosophical classics"	115
<i>Belyaev I.A.</i>	
Review of the textbook by Yu.E. Permyakova "Modern philosophy of law: an overview of the main problems" ...	126
<i>Shestakova L.A.</i>	
Our authors	131
Requirements for manuscript submission to the journal "Vestnik SamSTU. Series: Philosophy" by authors.....	134

УДК 231.73

СПЕЦИФИКА ПОСТСЕКУЛЯРНЫХ ДИСКУРСОВ О ЧУДЕ *

С.Н. Астапов

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Поступила в редакцию: 15.08.24

В окончательном варианте: 27.08.24

Аннотация. Исследование посвящено типологии современных дискурсов о чуде. Главным основанием типологии предлагается считать понимание причины и источника чуда, вспомогательным – результат переживания чудесного события. Типология дискурсов о чуде позволяет определить интенциональную специфику каждого из них.

Ключевые слова: сакральное, секуляризованное, секулярное, чудесное, чудо.

THE SPECIFICS OF POST-SECULAR DISCOURSES ON THE MIRACLE

S.N. Astapov

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Original article submitted: 15.08.24

Revision submitted: 27.08.24

Abstract. The paper is devoted to the typology of modern discourses on the miracle. The understanding of the cause and source of the miracle is proposed as the main basis of the typology, the effect of experiencing a miraculous event – as its auxiliary basis. The typology of discourses is considered as a way to recognize intentional specificity of each of them.

Keywords: miracle, miraculous, sacred, secular, secularized.

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00254, <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>

Долгое время в публичном пространстве тема чуда находилась на периферии, так как секуляризация, сделавшая научное знание эпистемологическим эталоном, произвела «демираклизацию» общественного сознания. Рассказы о чудесах, распространявшиеся в религиозной среде, рассматривались в качестве суеверий или чего-то подобного им. Дискуссии о чуде – его природе, агентах, результатах – были интересны узкому кругу специалистов в области философии религии. Но в настоящее время, которое называют постсекулярной эпохой, тема чуда благодаря СМИ, ориентированным на сенсационность информации, возвращается в публичное пространство.

Примечательно, что общего понимания чуда не существует. Можно с уверенностью утверждать, что содержание понятия «чудо» конституируется дискурсами. О чудесных событиях рассказывают, и именно в рассказе событие предстаёт в качестве чудесного. Дискурсом мы называем речь или текст, рассматриваемые в их социальном контексте, т. е. ситуацию, при исследовании которой обращается внимание не только на содержание речи (текста), но и на социокультурные обстоятельства коммуникации, мировоззренческие позиции и интенции её участников, а также цели высказываний.

Дискурсов о чуде может быть сколь угодно много, это разнообразие зависит от всех элементов каждого из них. Тем не менее можно произвести типологизацию дискурсов о чуде, взяв за основу оппозицию «сакральное – секулярное». Эта оппозиция позволяет различать дискурсы о чуде как на основе понимания причины и источника чуда (главный признак), так и на основе результата чудесного события (вспомогательный признак), каковым, в конечном счёте, выступает воздействие этого события на личность. Типология дискурсов о чуде позволяет определить интенциональную специфику каждого из них.

1. *Сакральные дискурсы о чуде.* Отличаются тем, что причиной и источником чудес в них считается нечто сакральное, то есть превосходящее повседневное бытие, господствующее над ним и в силу этого требующее особого к себе отношения. Используя терминологию М. Элиаде, можно сказать, что это чудеса-иерофании, то есть манифестации священного [1, с. 18]. Вариативность понимания сакрального является одной из причин многообразия сакральных дискурсов. Однако это многообразие можно разделить на две группы: религиозные дискурсы и мифо-магические.

Религиозные дискурсы в современном постсекулярном обществе представлены главным образом дискурсами теистическими. Чудо в них понимается как явление божественной силы, действующей либо непосредственно – в природных явлениях или судьбе человека, либо опосредованно – через предметы культа или праведников. Таким образом, источник чуда – Бог, причина – божественный промысел, независимо от того, кто является агентом чуда (ангелы, святые чудотворцы или природные стихии). Чудесное событие – это манифестация божественного действия в форме экстраординарного феномена, целью которой выступает трансформация поведения религиозного индивида или религиозной группы. Целью же религиозных дискурсов, которая достигается путем рассказывания о чудесном событии, является демонстрация значимости религиозного переживания и исключительного значения того вероисповедания, в рамках которого данный рассказ осуществляется. Иначе говоря, религиозный нарратив о чуде – это повод для укрепления веры или, если реципиенты оказываются не единоверцами, – для убеждения их в необходимости религиозного обращения.

Мифо-магические дискурсы следует считать исторически первыми дискурсами о чуде, исходя из того, что миф – наиболее ранняя форма выражения представлений о мире, а магия – одна из ранних форм религии (или деятельность, изначально включённая в религию). О том, что мифологическое мышление не исчезает с развитием научного знания и сохраняется по сей день, написано достаточно много работ. О сохранении, разумеется, в трансформированном виде, магии и интереса к ней можно судить, оценив количество предложений «магических услуг» на современном рынке. В мифо-магических дискурсах источником чуда выступает агент-чудотворец: дух или человек. Результат, к которому приводит чудесное событие, понимается как внезапное, целенаправленное или неожиданное изменение естественной среды или хода событий, т. е. материальное превращение, от которого зависит жизнь личности или сообщества. Цель мифо-магических дискурсов в современности, в отличие от архаического прошлого, представляет собой не объяснение нарушения привычного миропорядка (этиологическая функция мифа), а демонстрацию превосходства агента чуда над другими людьми, его сверхъестественных способностей или связи со сверхъестественными силами, а значит, его способности влиять если не на судьбы, то на благополучие респондентов.

2. *Секуляризованные дискурсы о чуде.* Этот тип дискурсов отличается тем, что сакральное в них имеет неопределённый статус: это нечто превосходящее устойчивые связи и отношения мира, т. е. естественные закономерности, но не вызывающее радикальной трансформации личности или условий её существования, а значит, не устанавливающее прямого господства над личностью. Можно сказать, что секуляризованные дискурсы – это сниженный, профанизированный вариант сакральных дискурсов, в котором сакральное ещё мыслится, но как-то неопределённо, с точки зрения стратегий взаимодействия с ним. Секуляризованные дискурсы о чуде также делятся на две группы: эзотерические и фантастические.

Эзотерические дискурсы представляют собой профанизированные варианты религиозных дискурсов. В них причиной и источником чуда выступает некая внешняя сила, имеющая способность радикально изменять действительность или отдельные её элементы. Но это не сила персонифицированного Бога в разных религиях, где между Богом и людьми устанавливаются строго регламентированные отношения. Чаще всего она объясняется как сила всего космоса или каких-то его «наприродных» сфер, иных, внеположенных нашему миру уровней бытия, и тогда «все превращения, воскресения, левитации, реинкарнационные воспоминания, воспринимаемые как потрясающие воображение чудеса, оказываются как бы и не совсем чудесами, а разными формами проявления холономной (голографической) Вселенной. Они вырастают из её внутренних пластов, которые далеко не всегда очевидны» [2, с. 30]. Эта сила требует не почитания, а специфического познания. Если в религиозных дискурсах чудо можно назвать, по Элиаде, иерофанией, то в эзотерических оно – кратофания [1, с. 37–38]. Результат чудесного события здесь мыслится как воздействие на личность с целью её трансформации, по крайней мере, пересмотра её мировоззренческих устоев. Вследствие этого цель эзотерических дискурсов состоит в демонстрации значимости исключительного значения эзотерического знания и способов его получения. Таким образом, цели эзотерического и религиозного дискурсов также близки: нарратив о чуде служит поводом для укрепления веры – в одном случае религиозной, в другом – веры в истинность учения того или иного эзотерика.

Фантастические дискурсы – результат профанизации мифа. Миф, который утратил в силу ряда исторических причин сакральный характер и этиологическую функцию, а вместе с тем и «достоверность» для социального сообщества, стал сказкой [3, с. 142–148]. Источником чуда в сказочном нарративе может быть всё что угодно, но чаще всего, как в мифе, причиной чуда являются воля и активность его агента. Так же, как и в мифе, результатом чуда является превращение, то есть радикальная материальная трансформация. Чудо в сказке сверхъестественно, но не имеет отношения к повседневной действительности, происходит не в реальной жизни, а в вымышленном мире. Сказочный дискурс имеет дидактическую интенцию, реализуемую в развлекательной форме. Сказка не предполагает веры в нарратив о чуде, не обязывает к каким-либо действиям, она оценочно сообщает об одобряемом или неодобряемом традицией поведении в определённой ситуации, функция чуда – привлечение внимания как к самому повествованию, так и к «урокам», ради которых оно совершается.

Фантастика и фэнтези как жанры художественной литературы, киноискусства в понимании чуда близки к сказке. Но в этих жанрах по воле автора может усиливаться развлекательный момент и минимизироваться дидактический. В таком случае цель нарратива о чуде – просто привлечение внимания читателя или зрителя. Примечательно, что произведения, относящиеся к этим жанрам, в отличие от традиционной сказки могут вызывать веру в происходящие в них события (чудесные в том числе), формировать религиозные чувства и служить основой для появления квазирелигий и новых религиозных движений – джедаизм, возникший на основе идей «Звёздных войн», тому пример.

3. *Секулярные дискурсы о чуде*. Специфика данного типа дискурсов состоит в том, что чудо в них утрачивает характер манифестации какой-либо сверхъестественной сущности, не нарушает природные процессы, а просто является непредсказуемым событием, вызывающим удивление и восторг. Оно, по сути дела, перестаёт быть чудом и становится «дивом» (в фольклоре «диво» и «чудо» являются синонимами). Иначе говоря, секулярные дискурсы о чуде – это дискурсы о событии из ряда тех, что происходят в повседневной действительности, а их экстраординарность обусловлена их новизной, несоответствием сложившимся представлениям, привычной обстановке, рутинным процессам и т. п. Важным моментом в характеристике секулярного чуда является то, что оно вызывает сильные положительные эмоции, его приятно переживать, о нём приятно рассказывать и слушать. Секулярные дискурсы о чуде также делятся на две группы: эстетические и творческие.

Эстетические дискурсы сообщают о чуде как о встрече с прекрасным: внезапно открывшийся пейзаж, поразительное природное явление, невиданный ранее объект, свойства которого не соответствуют имеющимся представлениям, и т. п. Событие такого рода вызывает эмоциональные трансформации, хотя может инициировать и трансформации личностного плана. Дискурсы о таком «чуде» предполагают позитивный эмоциональный отклик реципиентов!

Творческие дискурсы – это дискурсы о создании или достижении чего-то принципиально нового, невиданного, поразительного, казавшегося в имеющихся условиях невозможным: «чудо научного открытия», «чудо живописи»,

«чудо архитектуры», «чудо техники», «чудо победы», «экономическое чудо» и т. п. Это удивление перед возможностями человека, изумление, радость, восторг и прочие позитивные явления эмоционального плана. Цель такого рода дискурсов состоит в появлении не только положительной эмоциональной реакции реципиентов, но и чувства гордости за достигнутые результаты, а также мотивации к творческой и производительной деятельности.

Итак, в современном постсекулярном обществе религиозные дискурсы не являются единственным типом дискурсов о чуде. Кроме них, в публичном пространстве представлены мифо-магические, эзотерические, фантастические, эстетические и творческие дискурсы. В каждом из них своеобразно понимаются и само чудо, и его причины, и результаты. Дискурсы о чуде различаются не только тем, как они конституируют чудесное событие, но и тем, какие интенции и цели в них реализуются. Особенностью дискурсов о чуде в постсекулярную эпоху является не их разнообразие, а их одинаковый ценностный статус – среди них невозможно выделить ведущий тип дискурса.

Список литературы

1. Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – Москва: Ладомир, 1999. – 48 с.
2. Золотухина-Аболина, Е.В. «Чудо, лежащее в основе мира»: голографический дискурс / Е.В. Золотухина-Аболина // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 1. – С. 27–35.
3. Мелетинский, Е.М. Сказка и миф / Е.М. Мелетинский // Фольклор и этнография. – Ленинград: Наука, 1970. – С. 139–148.

References

1. Eliade M. Essays on comparative religious studies. Moscow: Ladomir, 1999. 48 p.
2. Zolotukhina-Abolina EV. "The miracle that underlies the world": holographic discourse. Scientific thought of the Caucasus. 2023;1:27-35. (In Russ.)
3. Meletinsky EM. Fairy tale and myth. Folklore and ethnography. Leningrad: Science, 1970. Pp. 139–148. (In Russ.)

Информация об авторе

АСТАПОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия; eLibrary SPIN: 2732-9237. **E-mail:** snastapov@sfnu.ru

Information about the author

ASTAPOV Sergey N. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; eLibrary SPIN: 2732-9237. **E-mail:** snastapov@sfnu.ru

УДК 372.8

О РОЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА

П.А. Цыганков

Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.08.24

В окончательном варианте: 05.09.24

Аннотация. Сегодня уже очевидно, что антиросийская и антикитайская внешняя политика стран коллективного Запада наносит серьезный ущерб им самим. В данной связи важным является вопрос о причинах ее продолжения. Автор утверждает, что существенную роль в этом играют не только цивилизационные факторы, но и давление со стороны США.

Ключевые слова: Запад, ценностно-цивилизационное измерение внешней политики, рычаги влияния.

ON THE ROLE OF CIVILIZATIONAL FACTORS IN THE FOREIGN POLICY OF THE WEST

P.A. Tsygankov

Moscow State University (MSU) named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

Original article submitted: 15.08.24

Revision submitted: 05.09.24

Abstract. Today it is already obvious that the anti-Russian and anti-Chinese foreign policy of the countries of the collective West is causing serious damage to themselves. In this regard, the question of the reasons for its continuation is important. The author argues that not only civilizational factors play a significant role in this, but also pressure from the United States.

Keywords: The West, the value-civilizational dimension of foreign policy, levers of influence.

Внешняя политика государств издревле испытывает на себе влияние цивилизационных факторов. Не случайно уже античный историк Геродот объяснял конфликт между греками и персами непреодолимостью культурных различий между двумя народами. В числе причин завоевательных походов крестоносцев в средние века, экспансии Османской империи (1299–1922), Тридцатилетней войны в Священной Римской империи (1618–1648) были культурные и религиозные противоречия, конфликты или факторы. В этом смысле цивилизационное измерение современной мировой и внешней политики не является чем-то исключительным. Однако, оценивая его влияние на внешнеполитические решения, следует иметь в виду прежде всего неоднозначность понятия «цивилизация». Под ним может пониматься человечество в целом, культура и традиции, отличающие данное общество от других, наиболее распространенная в нем религия, ступень достигнутого обществом социально-экономического и технологического развития. Каждый из этих аспектов способен, хотя и по-разному, выступать в роли фактора внешней политики (ВП), оказывая воздействие на государственные внешнеполитические установки, решения и действия.

Каждый народ имеет свою историю и историческую память, традиции, культуру, религиозные верования и многие другие факторы, формирующие определенный набор ценностей. В зависимости от значения, которое придается тем или иным факторам, исследователи выделяют разное количество *мировых* цивилизаций. Так, О. Шпенглер говорит о восьми типах культур и завершающих их цивилизаций, А. Тойнби, исходящий из признаков религии, – о двадцати одной. А с точки зрения С. Хантингтона, считающего, что цивилизацию определяет «культурная общность наивысшего ранга», облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций.

Отечественный ученый Н.Я. Данилевский – один из первых исследователей цивилизаций и влияния цивилизационного фактора на характер отношений между народами – утверждал, что цивилизация – «понятие более обширное, нежели науки, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает» [1, с. 156–157]. Через пять десятилетий О. Шпенглер фактически повторил основные идеи Н.Я. Данилевского, в том числе его мысли об отношении Запада к другим цивилизациям. А в самом конце XX в. С. Хантингтон, опираясь на работы английского историка А. Тойнби, использует формулу «The West and the Rest», смысл которой состоит в противопоставлении Запада всему остальному миру: «Запад в действительности использует международные институты, военное могущество и экономические ресурсы, чтобы управлять миром, поддерживая западное превосходство, защищая западные интересы и распространяя западные экономические и политические ценности» [2, p. 40].

Понимание Запада как относительно целостного культурно-исторического образования, одной из мировых цивилизаций, которая проводит относительно единую внешнюю политику, характерно и для современного политического дискурса [3; 4]. Применительно к международным взаимодействиям оно находит свое подтверждение в согласованности внешнеполитического

курса США и их союзников по отношению к Незападу. При этом согласованность внешней политики государств Западной цивилизации, разумеется, не означает отсутствия разногласий в рамках коллективного Запада. В какой-то мере они связаны с тем, что современное понятие Запада включает в себя преимущественно политические основы государственных институтов, межгосударственных союзов и приоритетов международной деятельности. По своему содержанию оно шире понятия «западная цивилизация», поскольку под «Западом» имеются в виду США и их союзники. В число последних входят не только англо-саксонские страны – Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия, но и государства с иной историей, культурой, традициями, доминирующими религиозными верованиями, такие как Южная Корея или Япония. При этом «Западная цивилизация» и в более узком понимании, чем «Запад», характеризуется геополитической разнородностью, так как включает в себя морские державы англосаксонского мира и континентальные государства Евросоюза. Уже эти два аспекта, будучи незначительными на первый взгляд, объясняют различия (пусть иногда это только нюансы) в особенностях принятия внешнеполитических решений в рамках «коллективного Запада». Вместе с тем, разумеется, было бы ошибкой отрицать влияние национальных интересов стран Запада на разногласия между ними.

Они заметны в отношениях между США и Южной Кореей, в отличиях оценок и действий на уровне региональной и мировой политики Америки и Японии, Австралии и европейских стран, США и Евросоюза. В самом Евросоюзе наблюдаются расхождения интересов и ценностей (соответственно), а также решений между «старой Европой» и «новой Европой», между государствами севера и юга континента. Существуют противоречия между континентальной Европой и Великобританией. Единство Европы ослабляется периодическими проявлениями национального эгоизма и усилением межгосударственной конкуренции. Характерными примерами в этом плане стали обострения противоречий между европейскими государствами на фоне финансового кризиса 2008–2009 гг., в условиях масштабного миграционного прилива 2015 года, в обстановке распространения коронавирусной инфекции после 2019 года. Не были лишены противоречий межгосударственные отношения в Евросоюзе и в последующие годы. Так, стремление венгерского руководства сохранить жизненно важную самостоятельность в выборе поставщиков энергоресурсов вызывает недовольство со стороны большинства стран ЕС и евробюрократии, осуждение со стороны Великобритании и, конечно, со стороны США. Резкую критику вызывают антиамериканские высказывания французского президента Э. Макрона, «одномоментные» заявления на эту же тему итальянского премьера Дж. Мелони, других европейских политиков.

Однако все эти разногласия, споры и противоречия отступают на второй план на фоне общего последовательного курса на противостояние «китайской экономической экспансии» и «российской агрессии», который проводит Запад под руководством США.

Факты говорят о том, что соответствующие указанному курсу решения принимаются в ущерб населению стран Запада. Достаточно сказать,

что объем взаимной торговли ЕС и Китая составляет более 800 млрд долларов, поэтому присоединение к курсу, проводимому США в отношении Китая, наносит ущерб имиджу и экономике европейских стран. Так, например, открыв в Вильнюсе представительство Тайваня, Литва не только столкнулась с понижением уровня дипломатических отношений с Пекином, – литовские бизнес-структуры утратили возможность работать с КНР. Последствием отказа европейских стран (по настоянию США) от совместной реализации с Китаем проектов в сфере высоких технологий может стать их отставание в данной области. Меры по изоляции России, подключение ЕС к антироссийским экономическим санкциям США, уход европейских компаний с рынка РФ, отказ от поставок дешевых российских энергоресурсов в пользу дорогого американского СПГ, финансовая и военная помощь украинскому режиму с целью нанесения «окончательного поражения России» приводят к катастрофическим последствиям для стран Евросоюза. Эксперты фиксируют «бегство» промышленного производства в США (где намного ниже цены на энергоресурсы) и высокую вероятность деиндустриализации крупнейших европейских стран. «Обратный эффект» антироссийских санкций и связанная с ним рецессия экономики приводят к социальной дестабилизации, резкому росту недоверия к правительству и к массовым беспорядкам в таких крупных государствах, как Франция, Италия, Германия.

Тем не менее союзники США идут на подобные «издержки», принимая все новые решения, которые усугубляют создавшуюся ситуацию. В ответ на вопросы о причинах подобного саморазрушения западные политики неизменно отвечают, что речь идет о демократической солидарности, об универсальных ценностях и о сохранении порядка, основанного на правилах.

На самом деле, не отрицая ценностно-цивилизационного измерения внешней политики американских союзников (прежде всего англосаксонских и европейских), следует обратить внимание на многочисленные подтверждения того, что США действительно располагают эффективными экономическими, военно-стратегическими, информационно-психологическими и политическими ресурсами для влияния на центры принятия решений в странах – союзниках США. Это прежде всего тотальное доминирование доллара, зависимость союзников от США в области безопасности, многочисленные американские неправительственные организации, лоббирующие американские интересы в странах-союзниках, обучение и стажировки молодых активистов в американских университетах, создание и финансирование совместных экспертно-аналитических центров. Кроме того, это экономические меры, такие как, например, протекционизм, налоговые вычеты покупателям электромобилей, собранных в Америке, льготы в энергетической сфере иностранным компаниям, перебравшимся в США, подкуп или корруммирование представителей элиты, шантажирование и запугивание их компроматом, полученным в результате нескрываемой слежки, наконец, демонстрация возможностей американских властей оказывать давление и наказывать за неповиновение. Достаточно вспомнить ставшие достоянием гласности факты прослушивания телефона канцлера ФРГ Меркель, денонсирования Австралией (под американским давлением) контракта на \$60 млрд с французской Naval Group на поставку атомных подлодок,

взрывы на «Северных потоках», в американском «следе» которых никто не сомневается. Причины принятия саморазрушительных внешнеполитических решений стран – союзников США по коллективному Западу коренятся не столько в цивилизационной общности, сколько в их подчинённом положении по отношению к США. Иначе говоря, внешнеполитические решения государств ЕС и других стран – союзников США, имеющие масштабное, мировое значение, принимаются под давлением Вашингтона.

Список литературы

1. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа / Н.Я. Данилевский; отв. ред. О. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
2. *Huntington, S.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. – 1993. – № 72 (3). – Pp. 22–49.
3. *Мартынов, Б.Ф.* «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? / Б.Ф. Мартынов. – Москва: ИЛА РАН, 2015. – 172 с.
4. *Караганов, С.А.* От не-Запада к мировому большинству / С.А. Караганов // *Россия в глобальной политике*. – 2022. – Т. 20. – № 5. – С. 6–18.

References

1. *Danilevsky NYa.* Russia and Europe. Ed. by O. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008. 816 p. (In Russ.)
2. *Huntington S.* The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 1993;72(3):22-49.
3. *Martynov BF.* “West” and “non-West”: past, present... future? Moscow: ILA RAS, 2015. 172 p. (In Russ.)
4. *Karaganov SA.* From the non-West to the World Majority. *Russia in global politics*. 2022;20(5):6-18. (In Russ.)

Информация об авторе

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зам. заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия; eLibrary SPIN: 7081-8622. **E-mail:** tsygankp@mail.ru

Information about the author

TSYGANKOV Pavel A. – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 7081-8622. **E-mail:** tsygankp@mail.ru

УДК 930.1+1(075)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.В. Костецкий

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, г. Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 06.08.24

В окончательном варианте: 17.09.24

Аннотация. В статье излагается позиция, во многом противоположная той, что представлена в монографии Г. Маркузе «Эрос и цивилизация». Во-первых, труд никогда не свести к игре; во-вторых, эрос в цивилизации имеет репрессивную функцию. У труда в цивилизации есть не только экономическое значение, но и психотехническое. При игнорировании психотехнической роли труда начинаются изменения в социальной психологии, приводящие к навязчивым идеям в области политики и эротики. Ориентация общества на роскошь дополнительно провоцирует навязчивые идеи на грани безумия, охватывая институты власти, экономические проекты и сексуальные отношения. Не случайно при возникновении античной цивилизации под запрет попадала не только роскошь, но и комфорт.

Ключевые слова: безумие, наглость, цивилизация, труд, секс, роскошь, табу, шаманизм, иерогамия.

THE DOWNSIDE OF CIVILIZATION

V.V. Kostetsky

St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 06.08.24

Revision submitted: 17.09.24

Abstract. The article presents a position largely opposing that of G. Marcuse's monograph "Eros and Civilization". Firstly, labor is argued to be irreducible to play; secondly, eros within civilization is posited to hold a repressive function. Labor within civilization is attributed not only economic but also psychotechnical significance. Neglecting the psychotechnical role of labor is suggested to incite changes in social psychology, leading to obsessive notions in the realms of politics and eroticism. Society's orientation towards luxury is further implicated in provoking obsessive ideas bordering on madness, encompassing institutions of power, economic projects, and sexual relationships. The prohibition of not only luxury but also comfort during the emergence of ancient civilizations is noted not to have occurred without reason.

Keywords: madness, impudence, civilization, labor, sex, luxury, taboo, shamanism, hierogamy.

*«Созидающий башню сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянёт».*

Н. Гумилёв

*«Безумие всегда связано с цивилизацией
и её неуютностью».*

М. Фуко

Наверное, вряд ли кого удивят такие, например, выводы: если в яблоневом саду в этом году был урожай яблок, то, возможно, он будет и в последующие годы, а, может, был и в предшествующие. Конечно, выводы на основе логики – еще не факт, но для того, чтобы их отвергнуть, аргументов понадобится много. Точно такая ситуация с человечеством: на планете Земля это сезонное явление. Антропологи на эволюцию «хомо сапиенс» отводят десять миллионов лет; между тем природные условия, пригодные для существования человечества, имеются как минимум пятьсот миллионов. То есть «эксперимент» с человечеством на Земле мог повторяться в прошлом регулярно, раз пятьдесят, а, возможно, столько же будет повторяться и в будущем. Как яблони не цветут весь год, так и человечество на Земле появляется лишь «весной».

В нашей короткой «истории людей» значительная часть приходится на «первобытную культуру», культуру ритуального огня. Почему ритуального? Потому что других целей не было: климат был тёплым, мясо не ели, ночью не работали, металлургией и керамикой не занимались. Огонь был востребован не для хозяйственных целей, а для психотропных воскурений с последующим развитием ритуала вокруг него. Еще Геродот писал о том, что германцы перед боем бросают в костёр белену, а скифы бросают коноплю на досуге. С галлюциногенными воскурениями связана трансовая практика как «руководящая и направляющая сила» всей «первобытной культуры», превратившаяся в итоге в «шаманизм». Археологи находят следы костров, которым более миллиона лет.

То, что историки относят к цивилизации (монументы, письменность, города, скотоводство, земледелие, гигантомания строительных работ), появилось на Земле в виде отдельных очагов не ранее пятнадцати тысяч лет назад. Связующим звеном между первобытной культурой и цивилизацией является только шаманизм, преобразованный в эпоху цивилизаций в жречество. Что касается образа жизни, то происходит полное его изменение с возникновением цивилизации. До цивилизации люди не приручали животных, не пахали, не строили жилища из камня, не жили на одном месте и не селились там, где «не цветут абрикосовые деревья» (Библия). Помехи в первобытный образ жизни внесли оледенения, роль которых не следует преувеличивать, поскольку большая часть человечества мигрировала в теплые края, а цивилизации появлялись исключительно в жарком климате.

Естественно, возникает вопрос: почему в разных частях планеты без особых причин прерывается устоявшийся образ жизни человечества?

Причем традиционный образ жизни не просто прерывается, а меняется нелепым образом. А именно: по инициативе жрецов появляется общественная повинность – например, на ровном месте насыпать гигантский холм. У холма изначально нет назначения: просто холм. Но есть скрытое значение: требовать труда, причем «в поте лица своего». В дальнейшем жрецы трудовую повинность усилят тем, что задействуют способ «собирать камни» – просто в кучу. Лишь позднее складу камней найдут применение – складывают в башню, зиккурат. Жрецы организуют под видом строительства именно *труд* как таковой, причем «сизифов» – по принципу «лишь бы наработаться».

Философия истории начинается с проблемы «сизифова труда» ранних цивилизаций. Цивилизация в её современном виде ценит труд за его прагматическое значение (техническое, экономическое), хотя исторически это не исходное и не основное его значение. Уже олимпийская мифология помещает бога труда Поноса в свиту Танатоса вместе с божествами болезней и старости. Символическое значение понятно: труд не есть путь к жизни, а есть способ умирания совместно с болезнями и старостью.

Интересно, что студенты на вопрос «Как христианство относится к труду?» отвечают уверенно и не задумываясь: положительно. Между тем всё не так однозначно. Первые христианские общины, ориентируясь на аскетизм, к труду относились отрицательно: труд – путь к обогащению и, соответственно, чужд нравственности. Отношение христиан к труду изменилось столетия спустя после появления монастырей, причем по весьма пикантным обстоятельствам. Как известно, монастырская жизнь требует соблюдения аскезы и воздержания от любой «страстности». Оказалось, что можно за счет силы воли переносить голод, холод, половое воздержание, но в аскезе есть одно слабое место: ночные сновидения, которые произвольно приобретают эротический характер. Как показал монастырский опыт, «прелесть» сновидений неистребима. После упорной «борьбы с блудом» выход неожиданно нашёлся: им оказался длительный и тяжёлый *труд* перед сном, именно с точки зрения затрат физической силы. Так труд в христианстве был оправдан – ради борьбы с ночными эротическими сновидениями. Формой «труда» стало таскание камней и поднятие целины. В итоге монастыри обросли монументальными каменными стенами и распаханными полями, что положительно сказалось на обороноспособности и системе питания. Труд оказался не только источником экономики, но и средством профилактики эротических сновидений – этому был посвящен мой доклад в Смольном на одном из Петербургских экономических форумов [1]. Связь труда и эротики в понимании цивилизации оказалась не прямолинейной, но далеко не случайной.

После работ З. Фрейда сексуальная проблематика в социально-гуманитарных науках стала дежурной, причем в самом банальном толковании. Примером может служить монография Г. Маркузе «Эрос и цивилизация» (1955 г.). Логика выстраивается просто: цивилизация не существует без труда; труд подавляет либидо; молодёжь страдает от подавления либидо и бунтует, – правильно делает. В этой логике полностью отсутствует не только понимание истории, но и понимание позиции З. Фрейда. По Фрейду, репрессивную роль для человечества играет именно либидо, которое возникает

не к месту и времени и даже не в интересах человека и человечества. У животных половое влечение, в отличие от человеческого либидо, кратко-временно и своевременно – возникает на период брачных отношений и более не беспокоит. З. Фрейд как врач фиксировал чрезмерность либидо, его несоизмеримость даже физическим возможностям человека, отчего и предполагал необходимость сублимации. Г. Маркузе произвольно отождествил «либидо» в учении З. Фрейда с Эросом как «принципом удовольствия», «влечением к жизни». Послевоенная Европа восторженно приветствовала ошибочные построения модного философа.

Странный факт чрезмерности либидо Фрейд как врач фиксировал, но, не находя достаточных оснований, как честный ученый отказался комментировать. В результате желающих «досказать за Фрейда» по всему миру оказалось предостаточно. Фрейдовское «Оно» на подиуме теорий как только не крутили: «инстинкты», «архетипы», «природа человека», иррациональное «бессознательное». При этом никто не удосужился заглянуть в анналы этнографии. Между тем еще при жизни Фрейда в России вышла монография академика Штернберга, в которой совершенно недвусмысленно назывался источник навязчивого либидо – это эротические сновидения, обязывающие становиться шаманом или шаманкой.

Как показали исследования сибирского шаманизма, проведенные под руководством академика Л.Я. Штернберга, шаманом становятся не по «выбору профессии», а по принуждению методом навязчивых эротических сновидений самого нескромного характера. Эротика шаманских сновидений – это не эротика романа или брачных отношений, а эротика «Кама сутры» – с невероятными позами при невероятных обстоятельствах, причем на протяжении всего времени сна – во вред здоровью. Будущий шаман не может избавиться от навязчивых эротических сновидений иначе, чем заключить брачный «завет» со своим сновиденческим персонажем, который мучает его весь период полового созревания. Л.Я. Штернберг назвал шаманизм «сексуальным избранничеством», осуществляемым в сновидениях неким персонажем методом принуждения, угроз, шантажа, насилия.

В своей монографии «Первобытная религия в свете этнографии» [2] Л.Я. Штернберг показал, что шаманизм основан на личном общении шамана с неким «духом предков» (противоположного пола) в рамках сначала сновидений, потом ритуального транса. Причем эротика сновидений исходит именно от «духа предков» и по воле его (её) фантазий, с характером принуждения. Весь период полового созревания ночные эротические сновидения просто изматывают подростка, погружая его в «шаманскую болезнь». В сновидениях подросток оказывается в положении наложника (наложницы) «духа», на котором осуществляются сексуальные практики, неведомые не только ему, но и традициям его народа. В случае отказа от навязчивых приставаний обязательно следует серия угроз, а затем и наказаний. «Шаманская болезнь» исчезает после заключения «завета» – согласия на брак методом сновидений, – так возникает феномен культуры под названием «иерогамия» – священный брак.

С принудительным характером сексуальных отношений знакома и Библия, начиная с Ветхого Завета. В Книге Бытия упоминается о том, что некие

«сыны Божии» входили к дочерям человеческим и те рожали. После чего следует «гнев Божий» – за «растление». Наказаны, как известно, были не проказливые «сыны», а все «твари Божии», что призывались «плодиться и размножаться». Олимпийская мифология тоже не свободна от сюжета соблазнения богами земных женщин, начиная с известного мифа о проказах Зевса по отношению к Данае.

Ветхозаветная история с появлением Адама (без женщины) полна тех же смыслов. Адам появляется в укромном райском саду («будуаре») не случайно без женщины, поскольку Она (в вежливой форме «Они» – «Элохим») ему уготована сновидениями в откровенных позах. Так было задумано. Но что-то пошло не так. Адам воспротивился эротическим сновидениям и затребовал телесную женщину, телесно подобную ему самому. Женщину изготовили «на скорую руку», после чего выгнали обоих, причем посылая проклятия вслед, как при обычном скандале из ревности. Этот инцидент вызывает недоумение уже три тысячи лет. Почему Адама создают отдельно от всех людей и в выходной день, почему без пары (женщины), почему в укромном садочке рая, почему, наконец, столько гнева и проклятий на момент изгнания, почему «наказание»? Наконец, почему «Они» (напомню: уважительная форма личного местоимения в тексте Ветхого Завета без гендерных различий) так гневливы и в гневе зловредны? История шаманизма в свете этнографических знаний позволяет вполне компетентно отвечать на такого рода вопросы.

Для потомков Адама труд в качестве наказания не является ни свободным, ни добровольным. Потомки, конечно, могут исхитриться, превращая труд в «удовольствие» (механизация, автоматизация, творчество, доходность), но будут наказаны за это «свыше» неожиданным образом. Для «человека разумного» существует универсальная форма наказания: потеря разумности. Разум – не собственность человека, а аренда, пользование. Разум теряем. Не случайно возникла поговорка «Кого бог хочет наказать, того лишает разума». Безумие – реальная угроза человеку и человечеству. Как заметил Сенека, «мы безумствуем не только поодиночке, но и целыми народами» [3, с. 281]. Средневековое сжигание ведьм или концлагерь нацистов тому наглядный пример. Цивилизация изначально граничит с безумием, и прав М. Фуко: «Безумие всегда связано с цивилизацией и её неуютностью» [4, с. 507].

В цивилизации разумность человечества в тисках с двух сторон: со стороны труда и со стороны секса. При этом оказывается, что ни труд не является «естественно-историческим процессом» (К. Маркс, Ф. Энгельс), ни секс не является инстинктом продолжения рода. Это сферы манипуляции человечеством, реализующие программу наказания «сверху». Смысл наказания в том, что нельзя труд превращать в путь к богатству, а секс обращать в соматическое наслаждение. Собственно, это откровение давно зафиксировано – в религиозных текстах. Богатому в рай войти всё равно как верблюду пройти сквозь угольное ушко; не возжелай жены ближнего своего – такого рода тезисами поведение строго табуируется. Ветхий Завет писался в первом тысячелетии до нашей эры – опыт, накопленный цивилизацией, был богатым.

В настоящее время труд не перестаёт проявлять иррациональность. Например, двести лет назад был 16-часовой рабочий день, порой без выходных и оплачиваемых отпусков, без пенсий. Сто лет назад рабочий день сократился вдвое, но с тех пор пребывает в тех же границах, несмотря на невиданный рост производительности труда. Возникает вопрос: какую роль играет рост производительности труда, если рабочий день сто лет остается на уровне восьми часов? С учетом электрофикации, механизации, автоматизации, компьютеризации рабочий день мог бы сократиться до четырех часов, неделя – до трёх рабочих дней, в году могло бы быть четыре оплачиваемых отпуска, а пенсионный возраст мог бы понизиться до сорока лет. Но ничего подобного в мире не происходит. Труд удерживает человечество в стабильно жестких рамках. Возникает тогда вопрос: куда деваются избытки богатства при несоизмерно большом количестве труда (в сравнении с потреблением)?

«Общество изобилия», о котором уже начали было писать, вдруг перестало демонстрировать свои рекордные показатели. Причина проста: как-то «само собой» начался безумный рост цен на предметы роскоши, причем вне всяких соотношений с «трудозатратами». Миллионы за холст, миллиарды за яхту. Спрос на модную роскошь стал приобретать маниакальный характер навязчивых идей, которым разум как таковой не способен противостоять. Богатые не могут остановиться, вовлеченные в сети навязанной тяги к роскоши и игромании. В результате жупел «сизифова труда» вновь и вновь повисает над цивилизацией. Собственно, цивилизация оказывается наказанной подобно Сизифу, причем тем же способом обращения трудовых усилий миллионов людей в ноль.

В трактате Г. Маркузе «Эрос и цивилизация» надо отдать дань восхищения названию – эрос понимается абстрактно, как «принцип наслаждения». Не менее абстрактно понимается и труд – в контексте «ходить на работу». Для философии конструирование абстрактных объектов означает совершенно провальное занятие. Как понятия «труд» и «эрос» интересны именно в своей конкретике, которая быстро уводит от бытовой наглядности. Так, слово «эротика» приучает связывать значение слова с сексом, между тем это не более чем антропоморфизм. В более широком значении эротика связана с переключением внимания на телесность. Например, человеку нравится медная статуэтка, медная турка для кофе, медная пряжка ремня. Очевидно, что плоть имеет значение. И это значение сводится к тому, что чувственное восприятие не хочется прерывать: нравится долго смотреть, ощущать, трогать, слушать, вдыхать запахи, забывая о времени. Кому-то нравится всё золотое, кому-то овальное, кому-то розовое. Пристрастное отношение к телесности со стороны плоти и формы образует основу эротики. Мифологическое значение Эроса как бога, причастного к космогенезу, тоже ориентировано на чувство плоти: этот мир плотский – в контексте библейского «это хорошо» на момент сотворения мира.

Как всякое «хорошее дело», эротике можно испортить. Миф про царя Мидаса тому пример. Нельзя из любви к золоту всё превращать в золото, особенно пищу. Однако цивилизация запрограммирована на совершение этой ошибки. Как только часть общества освобождается от труда, так

западает на эротику в крайних формах: пристрастие к моде, роскоши, сексу, насилию, чревоугодию, сребролюбию. Ж. Батай, исследовавший историю эротизма в искусстве, писал: «Едва появившись на свет из этого темного мира, эротизм, еще расплывчатый, грубый, поражает нас ужасной гармонией с садизмом» [5, с. 302].

В животном мире животные функции организма не эротизируются. Никому не доставляет удовольствия смотреть на то, как кто-то жуёт, совокупляется или избавляется от продуктов метаболизма. Внимание животных не сосредотачивается на подобных вещах. В человеческой культуре, напротив, все животные функции организма проходят через цензуру эротизации: приём пищи, половое общение, комфортное сидение на унитазе. Люди едят за столом, спят на кроватях, строят туалеты, – в итоге возникает оппозиция культуры и природы. Хомо сапиенс становится не столько разумным, сколько цивилизованным.

Появление «труда» в момент гигантомании строительных работ в эпоху первых цивилизаций ставит общество в оппозицию и к природе, и к культуре. Дело в том, что труд – это не промысел, не деятельность типа заготовки дров, огородничества, хлопот по хозяйству. В понятии труда фиксируются только затраты на усилия и соответствующее время. Существует много телесных усилий, которые не относятся ни к труду, ни к промыслу: например, жевать твёрдую пищу или испытывать затруднения с пищеварением. В первобытной культуре нет труда; точно так же, например, дети с трудом учатся ходить, – но это не труд. Труд – феномен цивилизации в её оппозиции, как было замечено в начале XX века, к культуре и природе: у людей разгульный праздник – не труд, у животных добыча пищи – не труд. Труд из материалов природы делает машину, а человека обращает в разумный придаток машины, постепенно теряющий разум за пределами этой самой машины.

Как показала история, цивилизация разумным путём впадает тем или иным способом в безумие. Бесконечный труд поглощается роскошью, а бесконечная роскошь приводит к войнам на самоуничтожение и к массовому извращению телесности в самых разнообразных формах – от ожирения до сексуальных перверсий. В пресловутом «закате Европы» нет ничего странного: цивилизация попала в расставленные силки. Культура держится не на «ценностях», а на табу. Трактовать табу как «репрессивность», подобно Г. Маркузе, значит не понимать ни культуру, ни цивилизацию. И дело не в том, что тот или иной автор не проявляет способностей к философии истории, а в том, что на фоне так называемой научной картины мира понять человеческую историю в принципе невозможно. Человек не есть естественный продукт эволюции животных (Ч. Дарвин), и труд не есть «естественно-исторический процесс» (К. Маркс), и религия не есть «встреча дурака с обманщиком» (Т. Гоббс), и даже «либидо» не есть «природа человека» (З. Фрейд). В Ветхом Завете можно найти больше исторической правды, чем в научных монографиях современных экономистов и гуманитариев.

Исходное появление «труда» в человеческой культуре – не рыбалка и собирательство, а противостояние сновидениям, которые принимают античеловеческий характер, вплоть до нарушения устоявшихся табу. Например,

могут быть сновидения с подстрекательством к каннибализму, причем навязчивого характера. Ночные сновидения – это настежь раскрытые ворота к человеческому разуму. Они могут быть раскрыты для советов «культурного героя», но могут оказаться раскрытыми для «врага человеческого рода», что реально случается время от времени как с отдельным человеком, так и с народами. Религия с её гигантоманией строительных работ возникает не на пустом месте. Реальная угроза массовой потери рассудка как раз и рождает собой «труд»: сначала как психотехнику, а в дальнейшем «труд» мотивируется целесообразностью типа «выживание», «обогащение», «покорение природы», «прогресс цивилизации», «рост продолжительности жизни». Цивилизация не может отрешиться от решения этих «важных» задач. Однако, как говорят военные, можно выиграть битву, но проиграть войну. Аналогичным образом цивилизация при всех своих выигрышах обречена «проиграть войну» за прогресс. Нельзя создать вечный двигатель или обыграть казино. Цивилизация запрограммирована на самоуничтожение, и средства уничтожения заранее запасены: это труд и секс. То, что не разрушит в человеке труд, разрушит секс и наоборот.

Почти три тысячи лет назад древнегреческий поэт Гесиод писал о том, что человечество на Земле время от времени меняется, существуя в своих определенных пределах. Пределы могут быть разными, связанными с возрастом, образом жизни, отношением к труду или войне, даже отношением к «загробной жизни». Эпоху нашего человечества – «пятого поколения» по ходу поэмы – Гесиод охарактеризовал следующим образом:

*Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
 Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться!
 Землю теперь населяют люди железного века:
 Не будет им передышки от труда, забот и несчастий!
 Дети – с отцами, с детьми – их отцы сговориться не смогут,
 Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю хозяин,
 Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
 Старых родителей скоро совсем почитать перестанут:
 Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
 Тяжкою бранью. Не зная возмездия богов, не захочет никто
 Доставлять пропитания родителям старым.
 Правду заменит кулак! И не возбудит ни в ком уважения
 Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и злодею
 Станет почёт воздаваться. Где сила, там будет и право.
 Стыд пропадёт. Человеку хорошему люди худые
 Лживыми станут вредить показаньями...
 К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
 Совесть и стыд. Жесточайшие, тяжкие беды останутся людям.
 От зла избавленья не будет.*

Три тысячи лет миновали со времён Гесиода, но «железный век» всё еще проглядывает сквозь все исторические трансформации. Рождаются царства, исчезают империи, техника демонстрирует невиданные успехи, но конца

взлётам и падениям не видно. Все человеческие отношения на пике развития общества обращаются в наглость. Наглость в отношениях людей проявляется не в качестве единичного случая, а системно – в сферах от политики и экономики до быта. Вот пример заурядной наглости на сегодняшний день:

*Кот надоел перед отпуском:
Старый, больной.
Его отвезли на окраину,
Пусть скотиной живет сам собой.
На отпуск заняли денег,
Отпуск-то дорогой.
А отдавать не стали –
Просто дружбу долой.
С отпуска выйдя, сменили работу:
В компании прибыли нет.
Ушли к конкурентам, с собою забрав
Опыт прожитых лет.
На юбилее друзья величали:
«Как вы умеете жить!»
А кто-то коту помянул ненароком,
Что ушёл к конкурентам – дожить.*

До тех пор, пока цивилизация поощряет «умение жить», она будет полным ходом идти в тупики заготовленного Лабиринта. Ландшафтом человеческой истории являются не реки и моря, горы и пустыни, а лабиринты с ходами из разума и безумия. Разумность во многом определяется способностью вовремя отступить, не углубляясь в тупики безумия. В истории цивилизации есть позитивные примеры. Когда царства древнего мира при всей роскоши дворцов превратили жизнь в историю войн, началась массовая миграция ариев из Индии в Европу с переходом к деревенскому образу жизни. Технологический опыт сохранился, но человеческим отношениям возвратили человечность. Экономисты до сих пор не понимают того, что в деревне нет труда: есть промыслы и «работы по хозяйству». В русском языке слово «труд» образовано от глагола «трудить», с ударением на первом слоге. «Трудить» означало понуждать себя к нужной деятельности. То есть речь идет о психотехнике, а не о производительной деятельности. Трудовой психотехнике в деревенском образе жизни места хватает, спору нет. Сенокос – тяжёлые работы, но если сено заготавливают для своей скотины и работают на себя, свою семью, своих детей, то вступает в силу поговорка «своя ноша не тянет». Подобная ситуация явно прослеживается в ранний период возникновения античной цивилизации: физический труд на себя и на открытом воздухе почётен для владельца собственного каменного дома-фабрики («экоса»). Позорен труд не на себя, в закрытом помещении, в сидячем положении. Без установки на физический труд на свежем воздухе домовладельцы античного полиса никогда не смогли бы создать «гражданское общество», по физической силе превосходящее любое военное сословие.

Избавление от физического труда в цивилизации оправдано для экономики, но не для человечности. Не случайно горожане стремятся на дачу. Сначала дачники радовались именно физическому труду: огород развести своими руками, деревья подрезать, траву покосить. Однако Лабиринт истории разворачивает дачную жизнь в сторону комфорта: санузел, отопление, водопровод, веранды-мансарды, – и вот уже дача уподобляется городской квартире. Дом превращается в «машину для жилья». Уставший труженик города возвращается на дачу «отдохнуть» – посидеть в шезлонге на солнышке, шашлыком загрузиться под вечер. А там и мысли внезапно приобретают характер фантазий, сворачивая на эротическую тему. Это не индивидуальный ход мысли отдыхающего, это бег по лабиринту истории, по его тупикам. И конец предсказуем, как в «Анне Карениной».

При деревенском образе жизни семья не может распасться: слишком много физических работ, которые традиционно считаются женскими и мужскими. Само «разделение труда» выступает прежде всего психотехникой сохранения семьи, ведущей хозяйство «для себя» – суверенно. В хозяйствующей семье труд меняет своё назначение, его значение не сводится к экономике. Но и сексуальность претерпевает значительные трансформации. Эротика выстраивается параллельно сексу и удерживается в этой параллельности «средствами культуры». Девиантные фантазии теряют почву; они становятся если не скабрёзными, то как минимум смешными. Психология стыда закрепляет параллелизм эротики и секса, лишая тем самым либидо своей «бессознательности».

На определенном этапе развития цивилизации прогресс состоит в том, чтобы вернуться к деревне с её физическим трудом и натуральным хозяйством, а не в том, чтобы наращивать объёмы мегаполисов. Человек изначально есть существо, способное выжить благодаря личному физическому труду в условиях минимального комфорта. Этим нетрудно пренебречь, но тогда путь к безумию будет открытым. Ящик Пандоры открывается просто: комфортом. Эллада, родина западной цивилизации, веками осознанно избегала комфорта, к которому население новой России пока так безудержно стремится.

Когда Россия заявляет о себе как особой цивилизации, то её особенность состоит не в химерическом единении Европы с Азией, а в том, что этно-ландшафтные отношения веками держались на сезонном характере физического труда. Сезонный труд кратковременный, но интенсивный, «до седьмого пота». Это сенокос, заготовка дров, рыбалка, охота, сбор ягод, грибов, орехов и бортничество, огородничество, хлебопашество, скотоводство, ткачество, заготовка сырья для товарного производства. А межсезонье заполняется праздниками с массовыми веселыми гуляниями, в которых эротика не сводится к сексуальности. При деревенском образе жизни эротика идёт не от секса, а к сексу – от общего чувства плоти. От стали топора наводстрённой, от перламутрового блеска рыбьей чешуи, от пота любимой лошади, от налитых колосьев хлебов. Деревня – не задворки цивилизации, а её чистилище, без которого любая цивилизация захлебнётся в собственном безумии.

Г. Маркузе, озабоченный выходом цивилизации из тупиков «одномерного человека», настаивал на свободе эроса и сублимации труда

в игру. Но именно это и ведет цивилизацию к безумию, к феномену которого настойчиво привлекал внимание М. Фуко. В отличие от Фуко Маркузе мыслит, как подросток: «Путь к разумной системе общественного труда пролегает через освобождение времени и пространства для развития индивидуальности за пределами неизбежно репрессивного мира труда. Игра и видимость как принципы цивилизации подразумевают не преобразование труда, но его полное подчинение свободно развивающимся возможностям человека и природы... Игра...порывает с репрессивными и эксплуатативными чертами труда и досуга» [6, с. 202]. Г. Маркузе, как до него и Й. Хейзинге, прогресс цивилизации видится в переходе к формации «игрового способа производства». Если учесть, что Й. Хейзинга совершенно не различал игру и дурачество, о чем я уже писал ранее [7], то понятно, что именно в дурачестве «одномерный человек», по мысли Маркузе, обретёт себе другие измерения. Но у труда в цивилизации есть своя роль, причем прежде всего не экономическая – удерживать разумность «хомо сапиенс» от полного поглощения дурачеством с последующим безумием.

В словах Гесиода «от зла избавленья не будет» есть странный оптимизм: неутешительный прогноз не касается наглых людей, «которым станет почёт воздаваться». Единственное, что им угрожает в отличие от всех прочих, так это расчеловечивание. Наглость людей обращает их либо в «бесов», то есть одержимых бесовством, либо в «машины» достижения успеха. «Бесы» и «машины» представляют собой универсальные метафоры цивилизации на пути к безумию. Как тут не вспомнить киника Диогена, который на вопрос, много ли людей было в театре, ответил: «Народу было много, а людей – почти никого». Можно только добавить, перефразируя Ф. Ницше: всё, что не превращает нас в бесов и машину, делает человечнее.

Список литературы

1. *Костецкий, В.В.* Парадоксы культуры с глобальными экономическими последствиями / В.В. Костецкий // Нева. – 2010. – № 8. – С. 134–140.
2. *Штернберг, Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг. – Ленинград: Изд-во Института народов Севера, 1936.
3. *Сенека, Л.* Нравственные письма к Луцилию / Л. Сенека. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – С. 281.
4. *Фуко, М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 576 с.
5. *Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль XX века.* – Санкт-Петербург: Мифрил, 1994. – 346 с.
6. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1995. – 313 с.
7. *Костецкий, В.В.* Анти-Хейзинга: другая философия игры / В.В. Костецкий // Вопросы философии. – 2020. – № 2. – С. 196–204.
8. *Античная литература. Греция. Антология.* – Москва: Высшая школа, 1989. – 512 с.

References

1. *Kostetsky VV.* Paradoxes of Culture with Global Economic Consequences. *Neva.* 2010;8:134-140.
2. *Sternberg LYa.* Primitive religion in the light of ethnography. Research, articles, lectures. Leningrad: Publishing House of the Institute of the Peoples of the North, 1936.
3. *Seneca L.* Moral letters to Lucilius. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1986. 281 p.
4. *Foucault M.* A history of madness in the classical era. St. Petersburg: University book, 1997. 576 p.
5. Thanatography of eros. Georges Bataille and 20th-century French thought. St. Petersburg: Mifril, 1994. 346 p.
6. *Marcuse G.* Eros and civilization. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth, 1955. 313 p.
7. *Kostetsky VV.* Anti-Hazing: a different philosophy of the game. *Questions of philosophy.* 2020;2:196-204.
8. Ancient literature. Greece. Anthology. Moscow: Higher School, 1989. 512 p.

Информация об авторе

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина
при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 5878-8598.
E-mail: kostavictor@yandex.ru

Information about the author

KOSTETSKY Victor V. – Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State Academic Institute
of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts,
Saint-Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 5878-8598. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

УДК 1+004.8

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О.И. Елхова, А.Ф. Кудряшев

Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Россия

Поступила в редакцию: 28.08.24

В окончательном варианте: 01.09.24

Аннотация. Рассматривается содержание понятия «вызов», прослеживается его связь с «вызовом бытия» М. Хайдеггера. Представлен ряд вызовов современной эпохи, порожденных информационно-коммуникативными технологиями, с использованием ресурсов искусственного интеллекта. Авторы последовательно анализируют проблемы, спрятанные за феноменами под названиями «часы» и «облако», «смарт-моб», «черное зеркало». Делается вывод, что указанные феномены информационно-компьютерной эпохи относятся лишь к поверхностному слою бытия, выполняя функцию косметического ремонта современной цивилизации.

Ключевые слова: вызов, информационные сети, «смарт-моб», метафоры «часы», «облако», «черное зеркало».

MODERN CHALLENGES OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

O.I. Elkhova, A.F. Kudryashev

Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

Original article submitted: 28.08.24

Revision submitted: 01.09.24

Abstract. The content of the concept of “challenge” is considered, its connection with M. Heidegger’s “challenge of being” is traced. As current examples, a number of challenges of the modern era generated by information and communication technologies using artificial intelligence resources are studied. The authors consistently analyze the problems hidden behind the phenomena called “watch” and “cloud”, “smart mob”, “black mirror”. It is concluded that these phenomena of the information-computer era relate only to the surface layer of existence, performing the function of a facelift to modern civilization.

Keywords: challenge, information networks, “smart mob”, metaphors “watch”, “cloud”, “black mirror”.

Понятие вызова подразумевает проблему, т. е., если руководствоваться толкованием Д.И. Дубровского, – знание о незнании. Разумеется, в нашем случае речь идет о знании интерсубъективном, а о проблеме общечеловеческой, соответственно и масштаб вызова трактуется также весьма широко. Однако вызов – не всякая проблема, а такая, от решения которой зависит, в конечном счете, само существование цивилизации и человечества. «Вызов, который не принимают, превращается в угрозу; угроза приводит к кризису», – пишет А.М. Орехов [1, с. 27]. Понятие вызова в философии, как известно, принято рассматривать не только в плане экзистенциальном, но и в плане метафизическом, что характерно, например, для работ зрелого М. Хайдеггера. Вызовы человеку у него – это вызовы самого бытия, превышающего всякое сущее [2; 3]. Именно через вызов метафизическое переходит у М. Хайдеггера в антропологическое, которое, принимая массовый характер, фактически становится также социальной проблемой. Поэтому «...в понятии “вызов” как раз и содержится больше прагматического, утилитарного, субъективного, т. е. всего того, что заслоняет, по Хайдеггеру, истинное бытие» [4, с. 188]. Истинное здесь – это объективно-истинное, познание которого затруднено. А сам вызов переживается как субъективно-истинное, и именно такое, что не терпит долгих отлагательств в ответе на него как адекватной и своевременной реакции.

В наше намерение входит обсуждение некоторых таких вызовов на уровне социального бытия с включенными в него информационными процессами, переживаемых как острые проблемы нашего времени, и откликов на них со стороны информационно-коммуникативных технологий, т. е. технологий, предназначенных для коммуникаций посредством информационных сетей. Происходящие в настоящее время изменения технологического порядка уже отражаются на обществе, порождают новую реальность в человеческом существовании. Одним из центральных направлений общественного развития является ускорение социальных и жизненных изменений при широком использовании искусственного интеллекта, при этом данный процесс может осуществляться настолько стремительно, что у человечества будет мало времени на реакцию в случае отрицательного воздействия искусственного интеллекта на жизнь общества. Дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта прогнозируется как возможный источник будущих конфликтов, формирующий основную линию напряженности общественного бытия. Для большей конкретности рассмотрения мы выбрали три группы проблем, известных под следующими названиями: «часы» и «облако», «смарт-моб», «черное зеркало», объединяемых, в частности, тем, что они пропагандируются чаще всего как новшества, которые при правильной ответной реакции способны повысить качество современной жизни.

Проблема коммуникации в «полном» мире. «Облако» вытеснило «часы». Следует отметить, что на протяжении всей истории человечества развивались два коммуникативных подхода: стратегия изоляции и стратегия кооперации. Эти стратегии варьировались в промежутке от конфликтов до сотрудничества, но с течением времени важность открытой кооперации стала более очевидной. Новый вызов был выявлен как проблема «полного» и «пустого» мира. Содержание концепции перехода от empty world (пустого

мира) к full world (полному миру), предложенной американским ученым Германом Дэйли (Herman Daly), заключается в принципиальном изменении условий для развития общества [5]. В прошлом общество исторически расширялось за счет использования ресурсов и территорий «пустого мира», но сегодняшний мир оказывается заполненным, и нет больше возможности наращивать ресурсы именно таким образом. Теперь требуется новый подход к общественному развитию, включающий более эффективные формы коммуникации и адаптацию к цифровой эпохе. Мир стал «полным» из-за достижения пределов расширения, и вечно удалявшиеся горизонты были наконец достигнуты, как только стало ясно, что ресурсы и границы Земли весьма ограничены.

Сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, где цифровое «облако» вытесняет традиционные «часы» коммуникации, что само по себе может считаться новым вызовом. В свое время концепция «часов» и «облаков» была предложена российским, затем американским философом и социологом П. Сорокиным в работе «Социокультурные системы» [6]. Эта концепция помогла ему объяснить различные аспекты коммуникативной динамики в развивающемся обществе. Подобные идеи были представлены и К. Поппером в его лекции под названием «Об облаках и часах». Карл Поппер проводил интересную аналогию, где «облака» символизируют беспорядок и непредсказуемость, в то время как «часы» представляют порядок и предсказуемость. Он даже предложил шкалу: от хаотичных объектов (слева – облака) до упорядоченных (справа – часы) [7].

Концепт «часы» представляет собой метафору, передающую смысл структурированного, иерархического подхода к моделированию коммуникации и организации общества. В этой модели информация и власть централизованы и контролируются вышестоящей структурой. Таковы, например, традиционные медийные иерархии, где информация транслируется по соответствующим каналам связи от центральных источников к аудитории.

«Облако», в свою очередь, – метафора, которая поясняет другой – децентрализованный и распределенный – подход к коммуникации и организации. Здесь информация и власть широко распределены среди участников, и коммуникация может происходить множеством способов, включая социальные сети и цифровые технологии. Отмечается, что с развитием цифровых технологий «облако» становится доминирующим способом коммуникации, вытесняя традиционные «часы». Это меняет динамику общественного развития и представляет новые вызовы и возможности для организации информационных процессов и власти.

Проблема смарт-истерии. «Смарт-моб» – умные толпы (моб – толпа с негативным оттенком смысла: орава, чернь, шайка и пр.). Развитие новых технологий создает новые вызовы, адресуемые как отдельным лицам, так и всему обществу в целом. Таящиеся в недрах все усложняющейся общественной жизни опасности, чреватые мировыми кризисами и потенциальными катастрофами, вызывают попытки подключить к их прогнозированию и предотвращению самые современные технические средства. Один из способов, с использованием которых общество пытается адаптироваться к таким вызовам, – это форма самоорганизации, представленная

«смарт-моб» (умными толпами) и другими «умными» вещами. Приставка «смарт» широко используется для обозначения современных объектов: смартфон (умный телефон), смарт-хоум (умный дом), смарт-университет (умный университет), смарт-завод (умный завод), смарт-сити (умный город). Список можно продолжать сколь угодно долго и даже довести до абсурда. Приставка «смарт» несет в себе определенный успокоительный эффект и создает некоторого рода надежду, что использование таких технологических решений способно значительно улучшить эффективность и потенциал существующих объектов, процессов и институтов и обеспечить лучшее будущее.

Вместе с тем пока нет внятного объяснения, что такое, например, смарт-сити. Действительно, понятие «смарт-сити» неоднозначное, сложное и многогранное, и его толкование может различаться в зависимости от контекста и точки зрения. Смарт-сити обычно описывается как городская среда, где используются современные информационные и коммуникационные технологии для управления и улучшения качества жизни. Основная идея заключается в том, что различные аспекты городской инфраструктуры, такие как транспорт, энергоснабжение, безопасность, экология и другие, интегрируются и оптимизируются с использованием данных от сенсоров.

Сенсоры являются устройствами, которые могут быть размещены на уличных фонарях, зданиях, транспортных средствах и даже в одежде горожан и которые способны в реальном времени измерять определенные параметры окружающей среды. Собранные данные передаются в центральную систему, где они анализируются и используются для принятия решений, например для оптимизации движения транспорта или улучшения энергоэффективности.

С одной стороны, концепция «смарт-сити» предполагает решение разнообразных проблем, например улучшение трафика, экономию энергии, обеспечение безопасности, что делает город более удобным для жизни. С другой стороны, нововведения порождают дополнительные проблемы: поднимают вопросы о конфиденциальности данных, этичности использования технологий, их доступности для всех слоев населения, о власти и контроле в контексте «умных» систем управления городом.

Можно сказать, что английское слово *smart* и его транскрипция русскими буквами воспринимаются как символ современных технологических достижений. Смарт-технологии, будь то в смартфонах, домах или городах, действительно могут создать впечатление, что они повышают эффективность и комфорт нашей жизни. Но нельзя не заметить, что смарт-тема имеет некоторый истерический оттенок, характер коллективной иллюзии, ведь приставка «смарт» к технологическим объектам успокаивает, а будущее видится уже в радужном свете. Стоит уяснить, что даже нашпигованное различными смарт-объектами будущее не снимает угроз перед обществом, вызванных индустрией 4.0, которая призвана обеспечить переход производства на интеллектуальное управление, независимое от человека [8]. Происходящие в настоящее время изменения, вызванные этой индустрией, уже отражаются на обществе, порождают новую реальность для человека.

Проблема обратной стороны прогресса. «Черное зеркало» коммуникаций. Коммуникация всегда играла фундаментальную роль в социальном бытии. Развитие коммуникации в условиях экспоненциального роста

информации сочетается с эволюцией средств обмена информацией, а противоречия этих процессов и порождаемые ими вызовы оказывают глубокое воздействие на общественные системы, вынуждая людей и социальные институты адаптироваться к новейшим технологиям. «Черное зеркало» (black mirror) коммуникаций представляет собой символическую метафору для современных экранных устройств, которые одновременно являются инструментами и зеркалами, отражая наше общество, его ценности и вызовы. Создателем концепции «черного зеркала» является британский телевизионный сценарист, продюсер, публицист Чарли Брукер (Ch. Brooker), а сама концепция реализуется в продолжающемся одноименном научно-фантастическом телесериале с 2011 года. В ней указывается, в общем-то, на общеизвестную истину: несмотря на свои полезность и удобства, электронные гаджеты и технологии также могут стать преградой для настоящей жизни и межличностных отношений, создавать зависимость и могут существенно влиять на способ восприятия реальности человеком. Создатель сериала так высказывается о своей идее: «Вы найдёте чёрное зеркало на каждой стене, на каждом столе, в каждой ладони: холодный и блестящий экран телевизора, монитора, смартфона. Черное зеркало – это беспристрастная и неподкупная грань прогресса, в которой мы можем увидеть свое отражение, – и не факт, что оно нам понравится» [9]. Полагаем, что идея «черного зеркала» была навеяна Ч. Брукеру в том числе мистическими практиками, в которых «черное зеркало» может быть местом, где якобы отражаются и раскрываются глубокие, скрытые аспекты личности, моменты прошлого или будущие события, будто бы наблюдаемые в действительности. В некоторых случаях «черное зеркало» используется как инструмент предсказания будущего, аналогично магическому шару, который, по заверениям практикующих его гадалок, позволяет им взглянуть на грядущие события и тайные для самого человека стороны его жизни.

Сериал «Черное зеркало», созданный Ч. Брукером, стал особенно популярным благодаря своему формату: в каждом эпизоде рассказывается отдельная история, связанная с технологией и её влиянием на человечество. Эти эпизоды часто представляют тёмное и пугающее видение будущего, что привлекло внимание зрителей и критиков по всему миру. Телесериал «Черное зеркало» привлекает внимание еще и тем, что объединяет разные технологические миры и делает их органичным элементом непрерывной реальности. В результате зрители достаточно легко переживают свою включенность в различные миры, при этом воспринимая их как часть широкой картины возможного будущего. Все это может инициировать глубокий анализ социальных и моральных вопросов, поскольку способно вызывать у зрителей чувства стыда и неловкости за действия персонажей, отражающие так или иначе реальные аспекты современного общества и человеческой природы.

«Черное зеркало» приглашает нас в мир виртуальной коммуникации, которая имеет ряд характерных особенностей. Одной из главных особенностей является отсутствие физического присутствия: виртуальная коммуникация осуществляется через средства связи, такие как социальные сети, электронная почта и видеоконференции. Люди общаются без необходимости пространственной близости и могут находиться в разных частях мира. Такого рода общение обеспечивает глобальную доступность к информации

и контактам. Виртуальная коммуникация может быть как синхронной (например, чат в реальном времени), так и асинхронной (например, электронная почта, сообщения в социальных сетях). Различие видов коммуникации позволяет выбирать наиболее удобный способ общения. В некоторых случаях виртуальная коммуникация может обеспечивать анонимность, что позволяет людям выражать свои мнения и чувства более откровенно. Одновременно с этим виртуальная коммуникация сопряжена с рисками в области приватности и безопасности данных, так как информация может подвергаться утечке, приводящей к злоупотреблениям. Неверное обращение с личными данными и нарушения правил общения в сети могут нанести ущерб репутации и привести к юридически наказуемым последствиям. Тем не менее навыки этичного общения помогают избегать таких проблем.

В цифровую эпоху дезинформация и фейки могут распространяться чрезвычайно быстро и весьма широко. Правила критического мышления и способность анализировать информацию в ряде случаев помогают отличать правдивую информацию от ложной. В то же время в отсутствие невербальных сигналов и мимики лица виртуальная коммуникация может затруднять понимание эмоциональной окраски сообщений. Виртуальная коммуникация также создает зависимость от технологий и может влиять на личные отношения и социальные навыки. Обучение навыкам эффективного и этичного общения в цифровую эпоху поможет людям стать более ответственными участниками виртуальной среды, предотвратить конфликты и будет способствовать развитию культуры цифрового общества.

Итак, в результате нашего исследования можно сделать следующие выводы. Понятие вызова в философии подразумевает проблему, основанную на знании о незнании, и эта проблема имеет как экзистенциальный, так и метафизический характер. В настоящее время информационно-коммуникативные технологии, в том числе искусственный интеллект, продуцируют вызовы, среди которых мы выделили проблему «часов» и «облаков» как отражение проблемы коммуникации в «полном мире», проблему «смарт-истерии» и проблему «черного зеркала», отражающего обратную сторону прогресса. Существование всех этих проблем влияет на развитие цивилизации и человечества, и их наличие требует неотложной реакции общества, так как негативное воздействие инновационных решений может привести к социальным конфликтам и напряженности в общественном бытии.

Современное общество столкнулось с вызовом, обозначенным переходом от традиционных «часов» коммуникации к децентрализованным и распределенным формам коммуникации через цифровое «облако». Этот переход требует более эффективных форм коммуникации и адаптации к цифровой эпохе, так как мир стал «полным» из-за ограниченности ресурсов и границ Земли.

Использование приставки «смарт» в словах, обозначающих технологические объекты, создает иллюзию улучшения общественной жизни и надежды на лучшее будущее. Однако даже при наличии повсюду огромного количества смарт-объектов не исчезают вызовы и угрозы, возникшие вместе с индустрией 4.0, которая представляет собой переход к интеллектуальному управлению независимо от человека.

«Черное зеркало» является символической метафорой, описывающей современные экранные устройства, которые действуют как инструменты коммуникации, но также отражают негативные аспекты современной жизни, такие как зависимость от экранов и потеря личных взаимодействий.

Феномены под названиями «часы» и «облако», «смарт-моб», «черное зеркало», вместе взятые, можно назвать «ухмылкой прогресса», поскольку их распространение не способно снять угроз перед обществом, вызванных индустрией 4.0. В то же время ожидание того, что умные устройства и другие инновации смогут решить соответствующие этим феноменам проблемы, оценивается авторами как коллективная иллюзия.

Обобщающий вывод такой: указанные феномены информационно-компьютерной эпохи, порожденные в конечном счете глубинными вызовами общественной жизни, по самой сути своей относятся лишь к поверхностному слою бытия и выполняют функцию косметического ремонта современной цивилизации. Пока ремонтируется лишь фасад общественного здания, тогда как его фундамент продолжает подавать тревожные сигналы.

Список литературы

1. Орехов, А.М. Социальная философия перед лицом современных вызовов: состоится ли ее «оправдание»? / А.М. Орехов // Философия и общество. – 2011. – № 1. – С. 26–41.
2. Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger. – Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. – 1977. – Bd. 2. – 583 s.
3. Дорофеев, Д.Ю. Хайдеггер и философская антропология // Мартин Хайдеггер: сб. статей / Сост. Дорофеев Д.Ю. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. – 594 с. – С. 368–397.
4. Диденко, П.И. М. Хайдеггер и современный материализм / П.И. Диденко // Новые идеи в философии. – Пермь: ПГНИУ, 1995. – № 3. – С. 187–189.
5. Daly, H.E. Economics for a Full World / H.E. Daly // Great Transition Initiative (June 2015). – URL: <http://www.greattransition.org/publication/economics-for-a-full-world> (дата обращения: 07.02.2024).
6. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ. – Москва: Астрель, 2006. – 1176 с.
7. Popper, K. Of Clouds and Clocks. An Approach to the Problem of Rationality and the Freedom of Man / K. Popper // Arthur Holly Compton Memorial Lecture Delivered at the University of Washington, April 21, 1965: Transl. by E.L. Nappelbaum. – Pp. 206–255. – URL: http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/library/popper/02_6.html (дата обращения: 07.02.2024).
8. Фомина, А.В. Индустрия 4.0. Основные понятия, преимущества и проблемы / А.В. Фомина, К.Ю. Мухин // Экономический вектор. – 2018. – № 3 (14). – С. 33–38.
9. Charlie Brooker: the dark side of our gadget addiction // Guardian. – 1 Dec 2011. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2011/dec/01/charlie-brooker-dark-side-gadget-addiction-black-mirror> (дата обращения: 07.02.2024).

References

1. *Orekhov AM.* Social philosophy in the face of modern challenges: will its “justification” take place? *Philosophy and society.* 2011;1:26-41.
2. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. 1977. Bd. 2. 583 s.
3. *Dorofeev DYu.* Heidegger and philosophical anthropology. *Martin Heidegger. Sat. articles.* St. Petersburg: RCHI, 2004. Pp. 368–397.
4. *Didenko PI. M.* Heidegger and modern materialism. *New ideas in philosophy.* Perm: PGNIU, 1995;3:187-189.
5. *Daly HE.* Economics for a Full World. Great Transition Initiative (June 2015). Available from: <http://www.greattransition.org/publication/economics-for-a-full-world> (accessed 07.02.2024).
6. *Sorokin PA.* Social and cultural dynamics. Moscow: Astrel, 2006. 1176 p.
7. *Popper, K.* Of Clouds and Clocks. An Approach to the Problem of Rationality and the Freedom of Man. Lecture dedicated to the memory of Arthur Holly Compton and delivered on April 21, 1965 at the University of Washington: transl. by E.L. Nappelbaum. Pp. 206–255. Available from: http://www.philosophy1.narod.ru/www/html/library/popper/02_6.html (accessed 07.02.2024).
8. *Fomina AV, Mukhin KYu.* Industry 4.0. Basic concepts, advantages and problems. *Economic vector.* 2018;3(14):33-38.
9. Charlie Brooker: the dark side of our gadget addiction. *Guardian*, 1 Dec 2011. Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2011/dec/01/charlie-brooker-dark-side-gadget-addiction-black-mirror> (accessed 07.02.2024).

Информация об авторах

ЕЛХОВА Оксана Игоревна – доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Россия; eLibrary SPIN: 1004-6360. **E-mail:** oxana-elkhova@yandex.ru

КУДРЯШЕВ Александр Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Россия; eLibrary SPIN: 5091-3590. **E-mail:** philozof@mail.ru

Information about the authors

ELKHOVA Oksana I. – Doctor of Philosophy, Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; eLibrary SPIN: 1004-6360. **E-mail:** oxana-elkhova@yandex.ru

KUDRYASHEV Alexander F. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia; eLibrary SPIN: 5091-3590. **E-mail:** philozof@mail.ru

УДК 004.8

ПОТЕНЦИАЛ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИСКУССТВЕ

А.В. Тонковидова

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
г. Краснодар, Россия

Поступила в редакцию: 06.09.24

В окончательном варианте: 16.09.24

Аннотация. В исследовании рассматривается феномен искусственного интеллекта и вопросы, связанные с пониманием искусственного интеллекта в контексте развития искусства в XXI веке. Присутствует определенная связь между машинным творчеством и искусством, которое в широком смысле определяется как параллельное, но не противоречащее искусству, созданному людьми, являющееся выражением их социальных и эмоциональных намерений. В перспективе возможно установление партнерства между творческим потенциалом человека и машины, что, с одной стороны, может быть средством максимизации творческих сил человека, а с другой – станет уметь творческие силы человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психология эстетики, концептуальное искусство, алгоритмическое искусство, генеративно-состязательные сети, машинное обучение, принцип «наименьшего усилия».

THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ART

A.V. Tonkovidova

Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism,
Krasnodar, Russia

Original article submitted: 06.09.24

Revision submitted: 16.09.24

Abstract. The study examines the phenomenon of artificial intelligence and issues related to the understanding of artificial intelligence in the prism of the development of art in the 21st century. There is a certain connection between machine creativity and art, which is broadly defined as parallel to, but not in conflict with, human-made art, which is an expression of their social and emotional intentions. In the future, it is possible to establish a partnership between the creative potential of man and machine, which, on the one hand, can be a means of maximizing the creative powers of man, and on the other hand, will detract from the creative powers of man.

Keywords: artificial intelligence, psychology of aesthetics, conceptual art, algorithmic art, generative adversarial networks, machine learning, principle of “least effort”.

В поле современной культуры существует мнение, согласно которому можно рассматривать работы, созданные при помощи искусственного интеллекта, как искусство. Произведения искусственного интеллекта могут быть оценены и поняты в контексте современного искусства. Создание произведений искусства искусственным интеллектом происходит на основании анализа стилей и обнаружения крупномасштабных стилевых паттернов в истории искусства, которые изучает и моделирует машина. В течение последних десятилетий ряд художников и ученых занимался разработкой компьютерных программ, способных генерировать произведения искусства. Некоторые программы были созданы для других целей, но адаптированы для создания произведений искусства, например генеративно-сопоставительные сети (GAN). Одновременно с этим могут быть созданы программы, предназначенные для создания произведений искусства. Такой вид искусства получил название алгоритмическое искусство – это любое искусство, которое невозможно создать без использования программирования. Если мы посмотрим на определение искусства как на сознательное использование навыков и творческого воображения человеком, особенно в производстве эстетических объектов, то произведенные посредством искусственного интеллекта произведения мы не можем рассматривать в качестве полноценных предметов искусства. Вместе с тем на протяжении XX века это понимание искусства было расширено за счет включения объектов, которые не обязательно эстетичны по своему назначению (например, концептуальное искусство), а также не созданных физических объектов (перформанс). Таким образом, решение об отнесении к искусству основывается на следующих компонентах: определении намерения художника, институциональном показе и принятии публикой.

Наиболее ярким ранним примером алгоритмического искусства являются работы Гарольда Коэна и его программа AARON. Однако за последние несколько лет развитие GAN вдохновило волну алгоритмического искусства, в котором применяется искусственный интеллект. В отличие от традиционного алгоритмического искусства, в котором художник должен был написать подробный код, определявший правила для желаемой эстетики, в этой новой волне алгоритмического искусства алгоритмы настраиваются самими художниками. Искусственный интеллект, чтобы «изучить» эстетику, просматривает множество изображений. В этом случае используется технология машинного обучения. Алгоритм генерирует новые изображения в том случае, когда они следуют эстетике, которую он изучил. Художник выбирает коллекцию изображений для подачи алгоритму (предварительное кураторство), например традиционные художественные портреты. Затем эти изображения передаются в алгоритм генеративного искусственного интеллекта, который пытается имитировать эти входные данные. Наиболее широко используемым инструментом в этом процессе выступают генеративно-сопоставительные сети (GAN), которые успешно применяются во многих приложениях в сфере искусственного интеллекта. Именно разработка GAN, вероятно, вызвала эту новую волну искусства искусственного интеллекта. На последнем этапе художник просматривает множество выходных изображений, чтобы создать окончательную коллекцию (посткуратор). В такой процедуре искусственный интеллект используется как инструмент для создания произведения искусства. Творческий процесс в первую очередь осуществляется художником в пре- и посткураторских действиях, а также в настройке алгоритма. С помощью этого метода было создано много

произведений искусства. Генеративный алгоритм всегда производит изображения, которые удивляют зрителя и даже художника, руководящего процессом [1]. Почему нам могут нравиться или не нравиться эти изображения, и должны ли мы называть их искусством? Попробуем ответить на эти вопросы с точки зрения восприятия и психологии.

Психолог-экспериментатор Дэниел Э. Берлайн (1924–1976) изучал основы психологии эстетики в течение нескольких десятилетий и указал, что новизна, неожиданность, сложность, двусмысленность и загадочность являются наиболее значимыми свойствами релевантности стимула для изучения эстетических явлений [5]. Действительно, полученные изображения со всеми деформациями лиц являются для нас новыми, удивительными и загадочными. Деформация, которую мы видим в искусстве искусственного интеллекта, не является намерением художника или машины. Машина не может полностью имитировать человеческое лицо и в результате создает удивительные деформации. Следовательно, то, что мы рассматриваем, – это случаи отказа машины, которые могут быть привлекательными для нашего восприятия из-за их новизны в качестве визуальных стимулов по сравнению с натуралистическими лицами. Эти «неудачные случаи» оказывают положительное визуальное воздействие на нас как на зрителей. Но в этих примерах замысел художника отсутствует. До сих пор большинство искусствоведов были настроены скептически и обычно оценивали только полученные изображения, игнорируя при этом творческий процесс, который их генерирует. Возможно, они правы в том, что изображения, созданные с использованием искусственного интеллекта, не так уж интересны. Однако если мы посмотрим на творческий процесс в целом, а не просто на полученные изображения, то можем отметить, что эта деятельность явно подпадает под категорию концептуального искусства, потому что у художника есть возможность выступать в роли куратора. В будущем появятся более сложные концептуальные работы, поскольку все больше художников изучают инструменты искусственного интеллекта и узнают, как лучше управлять творческим процессом искусственного интеллекта [2].

В лаборатории искусства и искусственного интеллекта Рутгерса была создана программа AICAN. Целью было изучить художественный творческий процесс и то, как искусство развивается с точки зрения восприятия и познания. Построенная модель основана на психологической теории, предложенной Колином Мартиндейлом [6]. Процесс имитирует создание художниками произведений искусства как в традиционных стилях, так и в созданных ими новых стилях. Процесс реализуется через «генеративно-состязательную сеть (GAN)», которая использует «стилистическую двусмысленность» для достижения новизны. Машина обучается между двумя противоборствующими силами: одна побуждает машину следовать эстетике того искусства, которое она показывает (сводя к минимуму отклонение от распространения искусства), а другая сила наказывает машину, если она подражает уже установленному стилю (максимизирует двусмысленность стиля). Эти две противоборствующие силы гарантируют, что создаваемое искусство будет новым, но в то же время не будет слишком сильно отходить от приемлемых эстетических стандартов. В теории Мартиндейла это называется принципом «наименьшего усилия», и этот принцип важен для создания произведений искусства, потому что слишком много новизны приведет

к неприятию со стороны зрителей. Генератор пытается минимизировать первое, чтобы следовать эстетике, и максимизировать второе, чтобы отклониться от устоявшихся стилей. В отличие от генеративного искусства искусственного интеллекта, о котором говорилось ранее, этот процесс по своей сути является творческим. Генеративный процесс с использованием GAN требует инноваций. Для каждого создаваемого изображения машина выбирает стиль, тему, формы и композицию, включая текстуры и цвета. Искусственный интеллект фокусируется на развитии машинного процесса и машинного творчества, а не просто подражает. При понимании процесса творчества можно будет найти средства для моделирования этого процесса для получения творческого результата. Один из способов сделать это – смоделировать процесс обучения искусству, а затем стимулировать AICAN к синтезу информации о стиле и последующему созданию чего-то нового [3].

Всегда может быть ряд художников и любителей искусства, которые сопротивляются идее применения искусственного интеллекта в искусстве из-за технофобии. По их мнению, машине просто нет места в искусстве. Кроме того, многим не хватает понимания того, что такое искусственный интеллект на самом деле, как он работает и что его можно и что нельзя заставить делать. В обществе также возникают опасения, что в будущем искусственный интеллект будет все глубже проникать в сферу искусства и создавать массу бездушных абстрактных картин. Искусственный интеллект действительно очень ограничен и специфичен в том, что он может делать с точки зрения создания произведений искусства, и по данным, которые есть на сегодняшний день, не сможет выполнять роль человека-художника. Просто в этом нет необходимости. Моделирование процесса создания изображений и изучение того, что может означать творчество в рамках вычислений, является интересной проблемой машинного обучения, но это вопросы отдельные и не связанные с тем, как человек создает произведения искусства, и они не являются взаимоисключающими. В любом случае лучший результат, который мы можем себе представить, – это плодотворное сотрудничество между художником и системой искусственного интеллекта.

Список литературы

1. *Ермаков, Т.К.* Анализ некоторых тенденций в истории генеративного искусства / Т.К. Ермаков, А.А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3. – № 4. – С. 61–81.
2. *Морковкин, Е.А.* Искусственный интеллект как инструмент современного искусства / Е.А. Морковкин, А.А. Новичихина, И.С. Замулин // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2021. – № 1 (35). – С. 55–59.
3. *Сергеева, Н.А.* Дайджест новостей в сфере развития искусственного интеллекта / Н.А. Сергеева, А.А. Омелик, Ю.С. Замараева // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4. – № 1. – С. 26–36.
4. *Соколова, Е.И.* Искусственный интеллект и искусство / Е.И. Соколова // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. – 2021. – № 59. – С. 242–247.
5. *Berlyne, D.E.* Aesthetics and Psychobiology / D.E. Berlyne. – New York: Appleton-Century-Crofts of Meredith Corporation, 1971. – 336 p.
6. *Martindale, C.* The Clockwork Muse: The Predictability of Artistic Change / C. Martindale. – New York: Basic Books, 1990.

References

1. *Ermakov TK, Omelik AA.* Analysis of some trends in the history of gene-active art. *Sociology of artificial intelligence.* 2022;3(4):61-81.
2. *Morkovkin EA, Novichikhina AA, Zamulin IS.* Artificial Internet as an instrument of contemporary art. *Bulletin of the Khakass State Percussion University named after N.F. Katanova.* 2021;1(35):55-59.
3. *Sergeeva NA, Omelik AA, Zamaraeva YuS.* Digest of news in the field of artificial intelligence development. *Sociology of artificial in-tellet.* 2023;4(1):26-36.
4. *Sokolova EI.* Artificial intelligence and art. *Scientific works of the St. Petersburg Academy of Arts.* 2021;59:242-247.
5. *Berlyne DE.* *Aesthetics and Psychobiology.* New York: Appleton-Century-Crofts of Meredith Corporation, 1971. 336 p.
6. *Martindale C.* *The Clockwork Muse: The Predictability of Artistic Change.* New York: Basic Books, 1990.

Информация об авторе

ТОНКОВИДОВА Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар, Россия; eLibrary SPIN: 7746-2451. **E-mail:** tonkovidova@mail.ru

Information about the author

TONKOVIDOVA Anna V. – Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia; eLibrary SPIN: 7746-2451. **E-mail:** tonkovidova@mail.ru

УДК 37.035

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Э.И. Сугаипова

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия

Поступила в редакцию: 16.08.24

В окончательном варианте: 01.09.24

Аннотация. В статье отражена важность и необходимость формирования у современной студенческой молодежи гражданско-патриотической культуры в условиях геополитических конфликтов и меняющегося мира. Актуальность исследования обусловлена нивелированием значимости гражданско-патриотических ориентиров в системе вузовской подготовки. Необходимость включения в программы вузов курса «Основы российской государственности» (по поручению Президента РФ) ставит перед современным образованием новые задачи. Прежде всего эта задача органичного соединения академической культуры и гражданско-патриотической культуры обучающихся. Кроме того, для отечественной высшей школы важно наличие концепции, способной своевременно ответить на актуальные вызовы образовательной политики российского государства через формирование необходимых условий для самоопределения обучающихся, их гражданской позиции в системе смысловых ориентаций и патриотизма как неотъемлемой части национальной идеи.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, высшая школа, образовательная система, основы российской государственности, ценности, молодежь, обучающиеся, этнорелигиозные ценности.

CIVIL AND PATRIOTIC GUIDELINES OF UNIVERSITY TRAINING OF SPECIALISTS AS A PRIORITY OF THE DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM

E.I. Sugaipova

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia

Original article submitted: 16.08.24

Revision submitted: 01.09.24

Abstract. The article reflects the importance and necessity of forming a civic-patriotic culture among modern student youth in the context of geopolitical conflicts and a changing world. The relevance of the study is due to the leveling of the importance of civil-patriotic guidelines in the system of university training. The need to include the course "Fundamentals of Russian Statehood" (on behalf of the President of the Russian Federation) in the programs of universities poses new challenges for modern education. First of all, this is the task of organically combining the academic culture and the civic-patriotic culture of students. In addition, it is important for domestic higher education to have a concept that can promptly respond to current challenges of the educational policy of the Russian state through the formation of the necessary conditions for the self-determination of students, their civic position in the system of life-meaning orientations and patriotism as an integral part of the national idea.

Keywords: civic-patriotic education, higher education, educational system, foundations of Russian statehood, values, youth, students, ethno-religious values.

В условиях нестабильной политической обстановки в мире остро встает вопрос формирования гражданско-патриотической культуры подрастающего поколения. Современный приоритет развития образовательной системы предполагает интенсивное освоение и сохранение культурного наследия народов Российского государства, а также создание условий для их свободного национального самоутверждения и популяризации этнокультурного наследия.

Молодежи присуща тяга к переменам. Современный мир, открывший двери молодому поколению к широким возможностям, совершил переворот в сознании молодежи, который неизбежно ведет к радикальным изменениям в обществе. Открытый доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, кричащие заголовки, реклама, сомнительные знакомства в социальных сетях, пришедшие ценности и многое другое постепенно отдаляют подрастающее поколение от культурных ценностей и исторического наследия. Попытки извне изменить историю России, подмена традиционных ценностей, влияние СМИ, пропаганда насилия и жестокости порождают кризис идентичности, который характеризуется отсутствием у молодежи четких представлений о своём предназначении, утратой традиционных духовно-нравственных ориентиров, устойчивых моральных принципов, проявлением симптомов тревожности, ощущением вседозволенности, абсолютной свободы, разрушением традиционных ценностей. Это проявляется в изменении отношения к институту брака – сегодня это не только «союз мужчины и женщины», в трансформации процесса половой идентификации подростков, распространении идеологии «чайлдфри» (сознательное желание не иметь детей), «синглтон» (образ жизни в одиночестве) и другое.

В п. 91 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

В.Ю. Гадаев справедливо заметил, что в формировании и развитии патриотической культуры молодежи ключевую роль, несомненно, играют объективные предпосылки социальной жизни, однако наряду с ними успех патриотического становления нового поколения во многом зависит и от научно обоснованной и умело организованной системы патриотического воспитания [4, с. 107].

Возможно ли направить идеологию современного образования в русло гражданско-патриотического воспитания? Думается, да. Уже сегодня площадкой перемен стала образовательная система всех уровней (общего, профессионального, дополнительного).

Цель нашего исследования – определить важность гражданско-патриотических ориентиров в системе вузовской подготовки.

Сознание российской молодежи в условиях усиливающейся нестабильности в мире нуждается в защите. Выходя на ступень высшего образования, обучающийся должен быть готов к закреплению усвоенных на предыдущих ступенях образования знаний и приобретению дополнительных глубоких знаний

об истории своей страны, народа. Поскольку такие качества, как гражданская сознательность, гражданская идентичность, гражданская ответственность, гражданский долг, гражданская позиция, формируются в молодом возрасте, важно закрепить гражданско-патриотические ориентиры в высшей школе.

В сентябре 2023 года стартовала практика гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи в системе вузовской подготовки. Первокурсники всех вузов России приступили к изучению учебной дисциплины «Основы российской государственности». В декабре 2022 года Президент РФ В.В. Путин объявил о введении идеологического курса «Основы российской государственности», а позже, в январе 2023 года, подписал соответствующее поручение. Для отечественной высшей школы очень важно преподавание дисциплины с акцентом на культурную и историческую значимость.

Стратегическая цель современного образования – преодоление духовного и нравственного кризиса молодого поколения. Об этом свидетельствуют нормативные документы. Основная цель вводимой дисциплины заключается в формировании у обучающихся патриотизма, высокой нравственности, национальной и религиозной терпимости, толерантности, воспитании бережного и уважительного отношения к историческому и культурному наследию народов России, приобщении к общечеловеческим и национальным ценностям. Эти и другие цели (сохранение, распространение и развитие национальной культуры; защита исторической правды) дисциплины «Основы российской государственности» вытекают из основных целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2], Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [3]. Идеология российского образования в условиях современной действительности позволит по-новому взглянуть на понятия, которые всегда были нам доступны, но мы были от них далеки. Не до конца осознавая важность и ценность патриотического воспитания, молодое поколение было открыто для всего нового, пришедшего извне. Поэтому важно предложить обучающимся «сокровенное для народа» – знание о духовно-нравственных и патриотических идеалах, укрепляющих гражданское самосознание.

Одним из важных этапов развития гражданского самосознания является следование этнокультурным традициям. Популяризация этнокультурного наследия крайне необходима. Образовательная система, построенная на этнокультурных традициях, способна противостоять социокультурным изменениям или сдерживать их.

Исторически так сложилось, что формированию национального культурного пространства России способствовала этнокультурная уникальность. «Современный, принципиально отличающийся от предшествующего развития человечества мир переживает период этнорелигиозных проблем, где этнические и религиозные элементы культуры сосуществуют в одном социальном пространстве как противоречивые сегменты. Этнокультурный и конфессиональный диалог способствует формированию этнорелигиозной картины мира на внутреннем и внешнем уровне» [5, с. 83–84]. Поэтому чрезвычайно важно на всех уровнях социальной жизни создавать условия для сохранения этнорелигиозных ценностей российского общества. Практика гражданско-патриотического воспитания в свою очередь станет успешной тогда, когда станет приоритетным направлением государственной политики.

Список литературы

1. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 г.: принят Государственной Думой 23 декабря 2020 г. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 27.08.2023).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 28.08.2023).
3. Об утверждении стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р от 29 мая 2015 г. – URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).
4. Гадаев, В.Ю. Патриотизм и молодежь / В.Ю. Гадаев, Р.В. Гадаев. – Махачкала: ООО «АЛЕФ», 2019. – 184 с.
5. Сугаипова, Э.И. Этнические и религиозные аспекты сознания субъекта традиционной культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Сугаипова Элина Ибрагимовна [место защиты: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»]. – Грозный, 2021. – 144 с.

References

1. On Youth Policy in the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (accessed 27.08.2023).
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (accessed 28.08.2023).
3. On Approval of the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period until 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r. Available from: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (accessed 28.08.2023).
4. Gadaev VYu. Patriotism and youth. Makhachkala: Limited Liability Company "ALEF", 2019. 184 p.
5. Sugaipova El. Ethnic and religious aspects of the consciousness of the subject of traditional culture. Ph. D. thesis. Grozny, 2021. 144 p.

Информация об авторе

СУГАИПОВА Элина Ибрагимовна – доцент кафедры философии, политологии и социологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, Россия; eLibrary SPIN: 8181-5953. E-mail: sugaipova20@gmail.com

Information about the author

SUGAIPOVA Elina I. – Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia; eLibrary SPIN: 8181-5953. E-mail: sugaipova20@gmail.com

УДК 355.01

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОЕННОГО НАСИЛИЯ

В.А. Ксенофонов

Военная академия Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь

Поступила в редакцию: 16.08.24

В окончательном варианте: 03.09.24

Аннотация. Рассмотрены основные характеристики военного конфликта как формы социального бытия. Представлены актуальные тенденции гибридного и ментального насилия. Сделан вывод о приоритетности обеспечения военной безопасности государства.

Ключевые слова: международные отношения, политика, военная безопасность, военный конфликт, война, гибридная война, ментальная война, эскалация конфликта, философия национальной безопасности.

MAJOR TRENDS OF MILITARY VIOLENCE

V.A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 16.08.24

Revision submitted: 03.09.24

Abstract. The main characteristics of military conflict as a form of social existence are considered. The current trends of hybrid and mental violence are presented. The conclusion about the priority of ensuring military security of the state is made.

Keywords: international relations, politics, military security, military conflict, war, hybrid war, mental war, conflict escalation, philosophy of national security.

Анализ истории человечества свидетельствует о том, что военные конфликты разного масштаба возникали в социуме всегда. Выявлена закономерность – по мере «взросления» общества количество военных конфликтов возрастает. *Военное насилие стало формой бытия человечества.*

В контексте усиления военно-силового противоборства в международных отношениях важно понимать закономерные тенденции его развития. Их осмысление будет способствовать сохранению белорусского и российского обществ, формированию военной идеологии.

Военное насилие – это крайняя форма политического воздействия на реального или потенциального противника с целью создания условий для реализации и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства путем применения или демонстрации военной силы [1]. Крайняя форма военного насилия – *война*, под которой понимается «социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами. Для достижения поставленных целей в современной войне применяются политические, экономические, идеологические, военные и другие насильственные и ненасильственные средства и соответствующие им формы борьбы» [2, ст. 4].

В своем труде «Философия войны» А.Е. Снесарев заключает, что «война исторически велась непрерывно или, говоря иначе, война подлежит закону непрерывности» [3, с. 152]. Применительно к России «с начала возрождения Русского государства после распада Монгольской империи в XIV веке и до наших дней, а это примерно 650 лет, Россия провела в войнах больше половины этого отрезка времени» [4]. В текущем столетии мир не жил без войны ни одного дня.

Разделяем тезис генерал-майора А.И. Владимирова, полагающего, что военные конфликты сформировали историю и современное бытие человечества [5, с. 86].

Центральный вопрос военно-философской мысли во все времена – определение сущностного содержания войны, ее причин, связей с политикой, способов ведения, тенденций развития и способов обеспечения безопасности.

В сущности *война – это политический акт, направленный на достижение определенной цели* (К. Клаузевиц). Мы в какой-то мере абсолютизировали его постулат в контексте политических отношений. Клаузевиц пишет: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю (курсив – В.К.)» [6, с. 35]. Западные стратеги чаще всего базируются именно на данном методологическом подходе.

Война – это управление противником. В случае его несговорчивости применяется крайний аргумент – военная сила. Современная война из классической или традиционной парадигмы, в которой сущностными признаками выступают *политика* и *вооруженное насилие*, трансформировалась в *неклассическую*, когда военная сила может и не применяться, а политические цели будут достигнуты силовыми невоенными средствами. Проблемное поле войны расширяется: классическая (неклассическая), новая, традиционная (нетрадиционная), системная, экономическая, финансовая, информационная, юридическая, асимметричная, бандитская, поведенческая, когнитивная, смысловая, идеоло-

гическая, консциентальная, ментальная, кибер-, прокси-война и др. Война по-прежнему остается «хамелеоном». При всем многообразии понятий *сущность войны остается неизменной – это политика, форма и содержание которой трансформируются*. Необходимо исследовать невоенные, но силовые средства ведения войны. Работы известных экспертов В.И. Анненкова, А.А. Бартоша, А.И. Владимирова, А.Г. Дугина, А.М. Ильницкого, А.А. Кокошина, А.Д. Куманькова, А.В. Манойло, В.Ф. Моисеева, В.К. Новикова И.Н. Панарина, А.И. Подберезкина, С.И. Репко, И.М. Попова, М.М. Хамзатова и других способствуют лучшему пониманию технологий современной (перспективной) войны.

Отметим, что основные общие черты современных военных конфликтов отражены в Военной доктрине Союзного государства [7, ст. 9]. Существенно усиливается *информационное противоборство* [8] в военном конфликте.

Идея управления противником с использованием механизмов дипломатической, политической, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой и военной сфер получила развитие в используемой западной коалицией против своих конкурентов теории и практике гибридного насилия (войны, далее – ГВ) и ментального противоборства (ментальной войны (МВ)). На наш взгляд, среди комплекса *закономерных тенденций* современного военного насилия правомерно выделить две основные: а) гибридизация или комбинирование военного насилия с использованием разных инструментов невоенного силового принуждения и подавления; б) усиление ментальной составляющей воздействия на противника.

Современная война – это расширенное противоборство, которое может осуществляться «без выстрелов». Отсутствие военной агрессии не означает, что геополитический противник отказался от своих целей и не ведет системное воздействие на избранную страну-жертву. Сегодня средствами насилия кроме традиционных – вооружения и военной техники – могут выступать дипломатия, национальные ценности, информация, культура, искусство, наука, история, язык, образование, спорт, финансы, торговля и многие другие. Идет война идентичностей и цивилизационное насилие.

Использование в военно-политической практике ГВ и МВ (управления противником) западными стратегами обусловлено тем, что им необходимо сберечь себя и нанести максимальный урон противнику.

Война – это путь обмана (К. Клаузевиц). На наш взгляд, война – это интеллектуальное противоборство, где одна противоположность стремится силой разума переиграть и овладеть волей другой. Военная сила важна, но не является определяющей. Ее роль меняется в военном противоборстве. Важный вывод заключается в том, что к современной войне должна быть готова вся социальная система (государство). Можно говорить о переходе к *военной организации нации*.

Существенная методологическая база анализа военных конфликтов содержится в теории ГВ, которую разработал известный военный эксперт А.А. Бартош [9; 10]. Знание законов и принципов ГВ, ведущейся против Союзного государства, позволит организациям в сфере обеспечения национальной безопасности рационально выстраивать систему защиты от гибридных угроз.

А.А. Бартош выделяет *девять законов ГВ*: 1. Использование продажных местных элит в качестве важного инструмента ослабления и развала государства. 2. Формирование «серой зоны» как театра ГВ. 3. Отрицание факта ведения ГВ. 4. Многосферное сдерживание. 5. Скрытность применения против противника комплекса гибридных угроз. 6. Всеобъемлющий охват территории государства при проведении операций ГВ. 7. Опережающее отражение при разработке стратегии ГВ. 8. Приоритетность операций по оказанию когнитивного разрушительного воздействия на сознание и психику людей. 9. Специфичность развития военной техносферы [10, с. 11].

К *основным принципам ГВ* относятся: 1. Полнота учета факторов, обуславливающих возможности противника. 2. Обеспечение непрерывного взаимодействия. 3. Непрерывность взаимного информирования об обстановке. 4. Непрерывный контроль за выполнением задач на исполнительском уровне. 5. Устойчивое, гибкое и непрерывное управление операциями. 6. Единство взглядов на замысел, цель и задачи ГВ в целом и отдельных операций. Единичное начало. 7. Ведение непрерывной разведки противника и оперативное доведение ее результатов до заинтересованных сил и средств. 8. Упреждение противника в действиях. 9. Прогнозирование развития обстановки и гибкая адаптация собственных действий к ее изменению [10, с. 14].

Необходим постоянный прогноз военного насилия. А.В. Смоловый обосновал *модель военного конфликта будущего*, состоящего из восьми этапов [11, с. 152]. Разделяем его точку зрения, согласно которой военный конфликт будущего «будет представлять собой комбинацию с использованием силы оружия или без него (в разноплановом сочетании одного с другим) с единственной целью – заставить противника подчиниться той стороне, которая считает себя сильной» [11, с. 86]. Получаем еще один тип военного конфликта – «комбинационная война».

Закономерной тенденцией военного насилия является наращивание ментального противоборства. Авторская позиция состоит в том, что *ментальная агрессия* (МВ) – это высокоинтеллектуальный философско-мировоззренческий конфликт, в котором сознание индивида или социальной группы является предметом замены или духовной оккупации. Другими словами, это *крайняя форма экзистенциального конфликта, в котором победа достигается путем уничтожения ценностей противоборствующей стороны*. МВ – форма неклассической войны, в которой главной «мишенью» является цивилизационная, духовно-мировоззренческая составляющая страны-жертвы. МВ имеет собственную систему законов, отличных от законов классической войны, но еще не до конца исследованных [12]. Подчеркнем, что *закон определяющей роли геополитических целей страны-агрессора и закон определяющей роли соотношения ментальных сил противоборствующих сторон* решающим образом влияют на главные показатели МВ.

К *принципам ведения МВ* по отношению к государству-жертве мы относим следующие: ведется постоянно, явно и тайно, информационно-агрессивно, системно (по всем компонентам ментального потенциала), индивидуально и массово, высокоинтеллектуально и технологично; ведется, воздействуя на разум и волю, нарушая способность и критичность мышления, разрушая интеллектуальные силы личности и социума, на внешнем контуре и внутри страны,

разрушая и подменяя национальное историческое сознание, изменяя базовые духовно-нравственные ценности и традиции; ведется до полной оккупации ментального поля (пространства) личности, общества и государства.

В целях обеспечения ментальной безопасности государства важно комплексно обосновать и сформировать необходимые силы и средства для успешного ведения МВ. По нашему мнению, *МВ ведется по следующим основным направлениям*: цивилизационное; философско-методологическое; научное; геополитическое, политическое и идеологическое; экономическое; технологическое и техническое; образовательное; историческое; культурное.

Анализ современного межгосударственного противоборства и указанных выше основных направлений *демонстрирует закономерную тенденцию широкого использования невоенных мер в военном противоборстве для достижения политических целей войны*. Противостоять таким средствам насилия можно лишь с помощью невоенных средств с более высокими количественно-качественными показателями, способных «передумать», «переиграть» и заблокировать противоположную сторону. Это касается не столько технологий, сколько качества человеческого потенциала, ведущего противоборство.

Проблема использования *невоенных мер* в интересах обеспечения военной безопасности приобретает приоритетное значение. Актуально исследование военных ученых и экспертов Л.А. Прудникова и А.В. Кузьменко, которые среди самых значимых мер нейтрализации угроз военной безопасности выделяют *информационные и политические*, затем располагают дипломатические и экономические. За ними следуют социальные и правовые, имеющие примерно одинаковую эффективность для нейтрализации угроз военной безопасности [13, с. 11]. Указанными авторами разработана системная модель политического механизма нейтрализации военных угроз невоенными мерами и методика его выбора.

Еще раз акцентируем внимание на том, что произошла трансформация современного военного насилия, начинающегося скрытно с ментальной агрессии как ведущего и самостоятельного элемента ГВ.

Кроме понимания смены парадигмы военного конфликта важнейшим элементом управленческой культуры и условием обеспечения военной безопасности страны является непрерывное прогнозирование возможностей развязывания и эскалации конфликта [14]. Государственными и военными деятелями России разработана современная *«лестница эскалации»*, которая не имеет законченного характера и включает 17 ступеней: от обострения обстановки до войны с массированным применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения [14, с. 60–65]. Понимание этой лестницы политическими и военными управленцами позволит не допустить потери управляемости конфликтом.

Таким образом, знание основных тенденций военного насилия позволит рационально выстраивать систему обеспечения национальной безопасности в целях мирного развития государства. Важным условием недопущения и нейтрализации военного конфликта является не только развитие теории «философии войны», но и решение научно-практической задачи – развитие *философии национальной и военной безопасности* – и включение их в образовательный процесс для подготовки государственных и военных управленцев. Значительный потенциал сдерживания зарождающейся агрессии содержится

в самом социуме, понимающем и разделяющем идеологию обеспечения военной безопасности, т. е. сохранения существующих социальных связей и защиты от возможных военных угроз, а также адекватной реакции на формирующиеся риски и вызовы социальной стабильности.

Развитие современных международных отношений, военно-политической и стратегической составляющих свидетельствует о том, что система обеспечения национальной безопасности, включающая организации, силы, средства, призванные решать задачи по обеспечению национальной безопасности, является приоритетом. Ее состояние должно обеспечить гарантированную защиту интересов личности, общества, государства от военно-силовой агрессии. Поскольку современная война касается всей нации и является тотальной и многосферной, такой же, с точки зрения диалектики, должна быть и система ее стратегического сдерживания и ведения в случае крайней необходимости.

Список литературы

1. *Ксенофонтов, В.А.* Военное насилие как форма социальной борьбы / В.А. Ксенофонтов. – Вышэйшая школа. – 2020. – № 3. – С. 57–62.
2. Военная доктрина Республики Беларусь: утверждена Законом Республики Беларусь № 412-3 от 20.07.2016 г.
3. *Снесарев, А.Е.* Философия войны / А.Е. Снесарев. – Москва: Ломоносовъ, 2013. – 288 с.
4. *Матвиенко, Ю.А.* Исследование феномена войны / Ю.А. Матвиенко // Независимое военное обозрение. – 2020. – 6 марта.
5. *Владимиров, А.И.* Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. / А.И. Владимиров. – Ч. I. Основы теории войны. – Москва: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2013. – 832 с.
6. *Клаузевиц, К.* О войне / К. Клаузевиц. – Пер. с нем. – Москва: ИК «Логос: Междунар. академ. издат. компания «Наука», 1997. – 448 с.
7. Военная доктрина Союзного государства [Электронный ресурс]: утверждена постановлением Высш. Гос. Совета Союзного государства № 5 от 04.11.2021 г. – URL: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/> (дата обращения: 11.02.2023).
8. *Ксенофонтов, В.А.* Методологические аспекты информационного противоборства в контексте национальной безопасности / В.А. Ксенофонтов. – Вышэйшая школа. – 2022. – № 4. – С. 42–47.
9. *Бартош, А.А.* Вопросы теории гибридной войны / А.А. Бартош. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2022. – 324 с.
10. *Бартош, А.А.* Законы и принципы гибридной войны / А.А. Бартош // Военная мысль. – 2022. – № 10. – С. 6–14.
11. *Смоловый, А.В.* Военные конфликты будущего / А.В. Смоловый // Вестник АВН. – 2022. – № 3. – С. 80–87.
12. *Ксенофонтов, В.А.* Ментальная война и национальная безопасность / В.А. Ксенофонтов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серія гуманітарных навук. – 2022. – Т. 67. – № 4. – С. 351–364.
13. *Прудников, Л.А.* Применение невоенных мер в интересах обеспечения военной безопасности России / Л.А. Прудников, А.В. Кузьменко // Военная мысль. – 2023. – № 1. – С. 6–18.
14. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А.А. Кокошин, Ю.Н. Балуевский, В.И. Есин, А.В. Шляхтуров. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 88 с.

References

1. *Xenophontov VA*. Military violence as a form of social struggle. The highest school. 2020;3:57-62.
2. Military doctrine of the Republic of Belarus. Approved by the Law of the Republic of Belarus in 20.07.2016 No. 412-3.
3. *Snesarev AE*. Philosophy of war. Moscow: Lomonosov, 2013. 288 p.
4. *Matvienko YuA*. Research on the phenomenon of war. Independent Military Review. 2020, March 6.
5. *Vladimirov AI*. Fundamentals of the general theory of war: monograph: in 2 parts. Part I: Fundamentals of the theory of war. Moscow: Mosk. fin.-prom. un-t "Synergy", 2013. 832 p.
6. *Clausewitz K*. About the war. Moscow: IK Logos: International Academic Ed. at Nauka Company, 1997. 448 p.
7. Military doctrine of the Union State [Electronic resource]: Utv. post. High State. Council of the Union State of 04.11.2021, No. 5. Available from: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/> (accessed 11.02.2023).
8. *Xenophontov VA*. Methodological aspects of information propaganda in the context of national security. The highest school. 2022;4:42-47.
9. *Bartosh AA*. Questions of hybrid warfare theory. Moscow: Hotline – Telecom, 2022. 324 p.
10. *Bartosh AA*. Laws and principles of hybrid warfare. Military thought. 2022;10:6-14.
11. *Smolovy AV*. Military conflicts of the future. Bulletin of AVN. 2022;3:80-87.
12. *Xenophontov VA*. Mental war and national security. Veszi National Academy of Belarus. Humanities series. 2022;67(4):351-364.
13. *Prudnikov LA, Kuzmenko AV*. Application of non-military measures in the networks of ensuring the military security of Russia. Military thought. 2023;1:6-18.
14. *Kokoshin AA, Baluevsky YuN, Esin VI, Shlyakhturov AV*. Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars. Moscow: LENAND, 2021. 88 p.

Информация об авторе

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры идеологической работы и социальных наук УО «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 3200-8698. **E-mail:** nksena777@gmail.com

Information about the author

KSENOFONTOV Vladislav A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences, Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 3200-8698. **E-mail:** nksena777@gmail.com

УДК 140.8

РОЛЬ ЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.Н. Свинцова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.08.24

В окончательном варианте: 05.09.24

Аннотация. Работа посвящена роли личной исторической памяти в формировании исторического сознания российской молодежи. Автор освещает особенности, связанные с конструированием личной исторической памяти, ее функции, способы сохранения.

Ключевые слова: историческая память, личная историческая память, молодежь, историческое сознание, Великая Отечественная война.

THE ROLE OF PERSONAL HISTORICAL MEMORY IN THE FORMATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN YOUTH

M.N. Svintsova

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Original article submitted: 15.08.24

Revision submitted: 05.09.24

Abstract. The article is devoted to the role of personal historical memory in the formation of the historical consciousness of Russian youth. The author highlights the features associated with the construction of personal historical memory, its functions, methods of preservation.

Keywords: historical memory, personal historical memory, youth, historical consciousness, the Great Patriotic War.

Со второй половины XX века внимание исследователей по всему миру к феномену исторической памяти растет в геометрической прогрессии. Интерес к этому концепту изначально не был сугубо научным, так как историческая память – это феномен, который находится не только в поле истории и философии, но и в сфере политики.

На сегодняшний день в науке нет единого общепризнанного определения исторической памяти [1, с. 147–153], можно лишь привести варианты, обозначить ее некоторые признаки, виды или уровни.

Историческая память – явление сложное по своей структуре. Оно в значительной мере отличается и не приравнивается к исторической науке, объектом изучения которой является подлинная историческая картина мира (события, явления, процессы, связанные с жизнью человечества или исторических личностей). Это тот образ, та картина определенных исторических событий, которая формируется и сохраняется в сознании людей.

Исследователи И.В. Положенцева и Т.Л. Кащенко дают следующее определение исторической памяти: «Историческая память – часть исторического сознания, которая подпитывается как систематизированной (через образование), так и неупорядоченной, случайной (через средства массовой информации, произведения искусства) информацией» [2, с. 42].

«Историческая память – это ценностные ориентиры и духовные скрепы, способствующие формированию и укреплению патриотизма и гражданского самосознания», – так трактует данный термин Н.В. Проказина [3, с. 201]. Историческая память неразрывно связана с нравственно-духовным компонентом.

Историческая память – явление непостоянное ввиду того, что каждое поколение создает, сохраняет и транслирует свой образ прошлого, его конструирование является очень важным процессом. Этот процесс не всегда происходит запланированно, так как существуют факторы, которые производят корректировку образа на разных его уровнях.

Исследователи выделяют несколько видов исторической памяти: коллективная (формирующаяся в сознании группы), социальная (формирующаяся в сознании общества), индивидуальная или личная память (формирующаяся в сознании отдельного человека на основе известной и доступной ему исторической информации, личного опыта и личной истории) [4].

Социальный и коллективный тип исторической памяти выполняют функцию формирования коллективного исторического сознания, а также идентификации членов той или иной группы. Вместе с историей, культурой, языком, территорией историческая память является основой единства народа [2, с. 44]. Формирование этих видов памяти наиболее контролируемо, а их содержание проще конструируется. Формирование проходит под контролем государства через систему образования посредством методов и инструментов обучения и воспитания. Одни и те же события могут по-разному отражаться в исторической памяти представителей разных социальных групп с учетом потребностей, пережитых культурных травм, героических и драматических страниц в истории общества, народа, группы.

Исследователи И.В. Положенцева, Т.Л. Кащенко, рассматривая соотношение коллективной и личной исторической памяти, указывают, что «общая историческая память состоит из множества индивидуальных, но не сводится к ним. Личные памяти пересекаются, но не агрегируются в совокупной памяти» [2, с. 43]. Личная память, в отличие от коллективной, у разных членов одной группы может отличаться.

Личная или индивидуальная память неразрывно связана с коллективной памятью, так как изначально складывается под ее влиянием через воздействие семьи, окружения, общих для социальной группы жизненных обстоятельств. Поэтому она так же, как и коллективная, хотя в меньшей мере, подвергается внешнему влиянию и изменению [5, с. 15].

Личная историческая память – трудно контролируемое явление, поскольку формируется не только на основе исторической информации, которую человек получает в процессе образования. Она начинает складываться гораздо раньше под влиянием семьи, окружающей среды, личного опыта, особенностей восприятия и психики. Личная историческая память более конкретна и состоит из представлений об истории страны, своего края, семьи, биографических элементов.

В России специфика формирования исторической памяти неразрывно связана с особенностями ее истории. Большая страна имеет большую историю, которая включает огромное количество героических и трагических страниц, периодов, когда коллективной исторической памяти уделялось или, напротив, не уделялось внимание со стороны государства. На личной исторической памяти события истории сказались не меньше. В России исторической личной памяти уделяется недостаточно внимания по сравнению с коллективной памятью. Причин тому можно выделить несколько. Во-первых, это политические события XX века, которые заставляли людей на протяжении долгого времени скрывать или изменять факты биографии или семейной истории (к примеру, информацию о репрессированных в советское время родственниках), изменять возраст или национальность в документах в годы Великой Отечественной войны для того, чтобы быть призванным на фронт. Это приводило к утрате многих фактов семейной истории. Драматические страницы военной истории, революций, многочисленных реформ оставили неизгладимый след в судьбе многих участников событий, поэтому часто они не рассказывали о них своим потомкам. Таким образом, образуется лакуна в семейной истории и личной исторической памяти. Важную роль в советский период играла политическая идеология в области исторической памяти: общая великая история большой советской страны была гораздо большей ценностью, чем история семейная (хотя одно вряд ли может исключить другое), а досоветская история в первой половине XX века была подвергнута переоценке и предана забвению. Не сформировалась культура хранения семейных архивов и семейной памяти, которая была свойственна, пожалуй, только семьям признанных героев и крупных деятелей строительства советской Родины. На фоне героической истории государства и социалистической модели отношений и идеологии в общей массе было слабо сформировано понимание того, что история семьи и биография человека важна и должна быть сохранена и запечатлена его родственниками. Только с 60-х г. XX в. появляется понятие «малой родины», которое частично обращает внимание на историю родного края, но, как правило, также имеет политический контекст.

Локальное направление исторических исследований, которое стало набирать популярность после смены советской исторической школы современной с начала 90-х гг. XX в., ситуацию несколько изменило, но только в исторической науке. Проблема исторической памяти сохранилась и еще более усугубилась тем, что общество испытало «культурную травму» с распадом государства; это

выразилось в нарушении преемственности поколений и даже их конфликте, изменилась система ценностей, способы их передачи.

Противоречие ценностных ориентиров поколений привело к нарочитому невниманию молодых людей к биографической истории предыдущих поколений и влиянию в процессе формирования исторической памяти массовых, общедоступных источников информации. Западный менталитет нацелен на модернизацию и будущее, в отличие от востока, где традиции являются ценностью, что приводит к большей концентрации внимания на будущем, а не делает акцент на бережном отношении к своему прошлому. Вместе с воспринимаемым ценностным набором транслируется новое качество исторической памяти, которое легко воспринимается молодежью.

Личная историческая память тесно связана с такими процессами, как интерпретация истории через призму личных источников, рассказов родственников, семейных архивов, данных государственных архивов, имеющих отношение к семейной истории. Для справедливости нужно заметить, что личная историческая память далеко не всегда доподлинно воспроизводит колорит исторического периода на примере семейной истории. Однако роль ее для человека, особенно молодого, недооценивать не стоит, так как она служит своеобразным фильтром в потоке легкодоступной разнообразной информации. Поступающая информация может быть верифицирована на индивидуальном уровне в процессе работы с личными архивами, документами, касающимися генеалогического древа, но хранящимися в государственных архивах, семейными рассказами и легендами. Воспринимаемые близко к сердцу факты биографии, отраженные в источниках, существующих, как правило, в одном экземпляре, дают возможность прикоснуться к прошлому, сделать собственные выводы без учета чужого мнения, сравнить или даже «почувствовать» события прошлого.

Личный интерес в историческом поиске биографии своей семьи имеет позитивный эффект: стремление к уточнению информации без ее усреднения, к максимальной объективности, эмоциональному позитивному отношению к самому процессу поиска информации и интерпретации. Кроме того, совмещение официальной исторической информации с семейными архивами как неповторимыми в своем роде источниками делает невозможным влияние альтернативной тенденциозной информации на формирование исторической памяти. Особенно это важно для современной российской молодежи, которая имеет ярко выраженную личную позицию.

Сегодня приходит осознание важности индивидуальной исторической памяти и ее влияния на видение мира, формирование гражданской позиции. В последние пять лет стали появляться проекты, направленные на формирование личной исторической памяти.

Одним из таких проектов стал исследовательский историко-патриотический проект Финансового университета при Правительстве Российской Федерации «Моя семья на страницах истории», который является своеобразной площадкой для практического применения студентами навыков исследовательской деятельности в рамках написания биографии героев своей семьи. Цель проекта состоит в формировании гражданской позиции и исторической грамотности студентов Финансового университета вне рамок учебного процесса через рассказ об истории своей семьи. Проект имеет историко-патриотическую направленность и призван развивать интерес к изучению истории своей страны, установлению связи между поколениями, закреплять навыки поиска, сбора

и анализа информации, что является важным этапом в профилактической работе по противодействию фальсификации истории и экстремистской деятельности, способствует конструированию личной исторической памяти.

Большая доля студенческих работ посвящена изучению судеб родственников, которые являются ветеранами Великой Отечественной войны. Обучающиеся в ходе работы узнают о роли советских людей в победе над фашизмом, о сущности фашизма и нацизма, об ужасах концлагерей, о зверствах предателей на оккупированных территориях, о единстве, мужестве и сплоченности народа, о традиционных ценностях, бережно хранящихся в семье каждого.

В ходе выполнения работы у молодых людей формируется чувство причастности к истории, общему прошлому и настоящему страны, чувство искренней гордости и включенности в историю своей семьи, происходит закладывание и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, развитие социальной активности, закладываются навыки научно-исследовательской деятельности. Написание молодым человеком истории своей семьи является важной практикой в процессе формирования личной исторической памяти.

Список литературы

1. Шендрикова, С.П. Понятие исторической памяти в отечественной историографии / С.П. Шендрикова, М.А. Царина // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4 (56). – С. 147–153.
2. Положенцева, И.В. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов / И.В. Положенцева, Т.Л. Кащенко // Власть. – 2014. – № 12. – С. 42–46.
3. Проказина, Н.В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой отечественной войне / Н.В. Проказина // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 201–204.
4. Репина, Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–52.
5. Лекторский, В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 11–17.

References

1. Shendrikova SP, Tsarina MA. The concept of historical memory in Russian historiography. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2020;4(56):147-153.
2. Polozhentseva IV, Kashchenko TL. The phenomenon of historical memory and the actualization of the personal historical memory of students. Power. 2014;12:42-46.
3. Prokazina NV. Sociological approach to the study of historical memory of the Great Patriotic War. Kazan science. 2014;7:201-204.
4. Repina LP. Historical memory and modern historiography. New and recent history. 2004;5:39-52.
5. Lektorsky VA. Individual and collective memory: old problems and new challenges. Questions of philosophy. 2020;6:11-17.

Информация об авторе

СВИНЦОВА Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8395-6420. E-mail: mnsvintsova@fa.ru

Information about the author

SVINTSOVA Marina N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 8395-6420. E-mail: mnsvintsova@fa.ru

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ МЕДИАПАМЯТИ **И.В. Суслов*

Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Россия

Поступила в редакцию: 05.08.24

В окончательном варианте: 05.09.24

Аннотация. В современной информационной эпохе медиа играют ключевую роль в формировании и сохранении памяти общества. Медийные произведения, платформы и практики влияют на наше представление о прошлом, социальной истории и культуре. Это открывает новые перспективы для исследования взаимодействия медиа с памятью и идентичностью, а также для понимания процессов формирования, передачи и интерпретации памятных образов.

Ключевые слова: память, медиа, социальное пространство, мифологические метафоры.

SOCIO-MYTHOLOGICAL METAPHORS OF MEDIA MEMORY*I. V. Suslov*

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

Original article submitted: 05.08.24

Revision submitted: 05.09.24

Abstract. In the modern information age, the media play a key role in shaping and preserving the memory of society. Media works, platforms and practices influence our understanding of the past, social history and culture. This opens up new perspectives for studying the interaction of media with memory and identity, as well as for understanding the processes of formation, transmission and interpretation of memorable images.

Keywords: memory, media, social space, mythological metaphors.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Современное общество, основой развития которого является научно-технический прогресс, всё так же обращается к социальным мифам для объяснения реальности, как это делалось в прошлом. Использование сложных информационных и цифровых технологий, а также нахождение людей на протяжении длительного времени в виртуальном пространстве и цифровая трансформация повседневной реальности позволяют назвать современное общество цифровым. Цифровое общество перестраивает коммуникационные процессы, организуя сетевой формат с использованием цифровых технологий, чтобы создавать устойчивые социальные связи. Социальные мифы способствуют укреплению и обоснованию этих связей, а также связывают индивидуума с действительностью, которая становится все более цифровой. Цифровизация человеческого существования неизбежно приводит к формированию цифрового сознания, частью которого служат цифровые мифы. В современных исследованиях мифологии цифрового общества актуальной является парадигма цифрового поворота, охватывающая все области гуманитарных исследований.

Российские исследователи А.Г. Иванов и И.П. Полякова рассматривают социальный миф как феномен, обладающий ценностной нагрузкой, и выделяют два уровня: архаический, содержащий устойчивые архетипические образы, мифологемы и ритуалы, формируемые коллективно, и инструментальный (конъюнктурный), который представляет собой «мифологию идей» и включает результаты рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев [1, с. 6]. Согласно С.В. Тихоновой миф можно определить как коммуникационный феномен, развитие которого связано с появлением новых форм коммуникации [2, с. 46]. В результате цифровой коммуникации социальная мифология неизбежно трансформируется, приобретая цифровую форму, которая характеризуется не только цифровым существованием современного мифа в медиасреде, но и новым значением, отражающим цифровую социальную реальность.

Уже в начале XXI века Т. Валович обратил внимание на возможность возникновения цифровых мифологий [3]. В своих исследованиях он анализировал социальные и политические последствия распространения Интернета и пришел к выводу, что существуют цифровые мифы, которые описывают скрытые сложности взаимодействия человека с виртуальной реальностью. Однако термин «цифровая мифология» еще редко используется в научных кругах и подразумевает влияние Интернета и социальных медиа на формирование мировоззренческих основ современного человека.

По мнению Х.М. Лосада и А. Липскомб, цифровая революция привела к изменению мифов под влиянием огромного объема информации, которую люди потребляют [4]. Фильмы, сериалы, комиксы и видеоигры, особенно в жанрах научной фантастики, фэнтези об искусственном интеллекте стали предметом индивидуального и социального потребления в небывалых масштабах. Внедрение цифровых медиа в повседневную жизнь людей вызвало напряжение в обществе, и самим цифровым технологиям придается мифологический характер, поскольку миф является наиболее подходящим инструментом для осмысления мира.

Новые формы цифрового существования, такие как цифровая память, троллинг, цифровая смерть, цифровые ритуалы и кибернетический анимизм, онлайн-траур и другие, именно через мифы описываются и исследуются в контексте электронной реальности [5, с. 85]. В этой связи возникает задача изучения

трансформации социальной мифологии в цифровую, которая происходит в рамках цифрового поворота.

Цифровые технологии, используемые в нашей жизни, становятся объектом мифологизации, так как их популяризация и удобство использования способствуют этому. Сами технологии становятся инструментом формирования современных мифов и средой их распространения, отражая влияние медиа на язык, практику и организацию сетевых сообществ [6, с. 649]. В таких сообществах циркулируют мифологические нарративы, которые направлены на конструирование социальной идентичности, героизацию и осмысление повседневной реальности.

Участники сетевых сообществ, создавая разнообразный контент, становятся творцами цифровых мифов. Они черпают вдохновение из цифровой среды, используя архетипические истории, которые помогают им осмыслить мир и построить свою собственную мифологическую реальность. Эта реальность существует и формируется в социальных медиа, которые распространяют мифы об онлайн-пространстве как о естественном месте встречи и взаимодействия пользователей. Социальные медиа, будучи неоднородными социотехническими сущностями, являются местом сбора данных о сетевых сообществах и площадками для создания мифов, которые принимают различные формы дискурсивной работы. Таким образом, цифровой поворот не только изменяет практики исследования социальных мифов, но и приводит к трансформации способов их воспроизводства.

Мифологические образы имеют большую популярность в Интернете и медиасреде, становятся неотъемлемой частью современной цифровой культуры. Архетипические образы и другие мифологические конструкции привлекают пользователей и служат основой для создания контента, описывающего окружающий мир. В пользовательском творчестве с использованием архетипических конструкций отражаются симулякры современной массовой культуры, которые используются для «интерпретации реальности при помощи цифровых инструментов» [7, с. 128]. Симбиоз цифровой культуры и архетипических образов формирует основу мифологической реальности современного мира.

Традиционная теория мифа долгое время рассматривала создание мифов как коллективный и анонимный процесс, лишенный явного авторства. Однако появление современных социальных сетей, основанных на достоверности профилей участников, раскрывает реальные механизмы распространения коллективной информации. Ранее эти механизмы были малоизвестны, так как устная коммуникация – первоначальная среда мифов – не оставляет прямых следов. Социальные медиа в качестве средства воспроизведения мифотворчества изменяют онтологическую структуру мифа.

Согласно Ю.М. Лотману метафора является естественным способом перевода мифа в привычные формы нашего сознания [8, с. 535]. Когда мифологический текст переводится в категории немифологического мышления, возникают метафорические конструкции, которые используются для представления исторической реальности в культурной памяти. Лотман считает, что в культурной памяти особо запоминаются исключительные события, эксцессы, случаи и происшествия. Они преобразуются в метафоры и сохраняются в пространстве культуры.

Ф. Анкерсмит указывает, что метафоры играют важную роль не только в социальной памяти, но и в историческом знании [9, с. 85]. При работе с историей метафорический аспект всегда сильнее буквального или фактического. Историки

используют метафоры как мощный лингвистический инструмент, который позволяет трансформировать реальность в понятный мир, соответствующий целям и задачам человека. Метафора делает прошлое узнаваемым и актуализирует его в памяти.

Следует отметить, что историческое знание является основой для формирования исторического сознания и массовых представлений о прошлом. Исторические исследования влияют на формирование коллективной памяти и становятся ее неотъемлемой частью. Использование метафор историками при описании прошлого способствует более легкому восприятию их работ обществом и внедрению исторического знания в массовое сознание. Метафора рассматривается как символ, он связывается с определенным мифом, через который объясняется реальность и историческое прошлое.

Мифические структуры содержат закодированную информацию о реальных событиях или значительных изменениях в жизни общества. Это определяет исторический миф как представления о прошлом, которые в данном обществе рассматриваются как достоверные «воспоминания» или «история». Эти представления играют важную роль в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, а также в формировании и поддержании социальной идентичности и передаче этических ценностей.

Мы можем определить миф как словесное выражение, где объясняющий образ, имеющий только субъективное значение, приобретает объективность и реальное существование в объясняемом контексте. При метафорической интерпретации реальности особую роль играет ассоциативно-образная символическая связь между двумя объектами, которая помогает выявить внутренние значения и смыслы, связанные с познанием окружающего мира человеком.

Метафора часто сравнивается со сжатым мифом, который в концентрированной форме содержит информацию о мире. Она не только представляет собой способ мышления, но и служит механизмом познания и передачи национально-культурного видения и восприятия мира. Культурные стереотипы, передаваемые из поколения в поколение, позволяют сопоставить новые познаваемые явления с исторически сложившимися эталонами при помощи метафоры. В этом процессе метафора создает культурные значения, которые становятся основой для трансляции и актуализации в культурной памяти. Согласно Ю.М. Лотману смыслы в памяти культуры не просто «хранятся», а постоянно развиваются. Тексты, составляющие социальную память, не только помогают расшифровывать значения, бытующие в современной культуре, но и порождают новые значения [8, с. 675]. Таким образом, метафора постоянно воспроизводится и трансформируется в различные исторические эпохи под влиянием новых обстоятельств, в которых она оказывается востребованной.

Таким образом, процесс трансформации метафоры не приводит к забыванию ее первоначального значения, так как она сохраняет свой культурный код благодаря наличию постоянных текстов и их неизменности или непрерывности, а также предсказуемости изменений. Устойчивость смысла метафоры делает ее эффективным инструментом для познания прошлого. Как отмечал Ф. Анкерсмит, исторические миры являются основным пространством для метафоры, а метафоричность является характерной чертой исторического сознания, поскольку она позволяет проникнуть в истину [9, с. 85]. Метафора помогает преобразовать незнакомую реальность в знакомую и одновременно упрощает и мифологизирует историческую реальность, адаптируя ее к социальным и политическим целям общества.

Список литературы

1. Иванов, А.Г. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа / А.Г. Иванов, И.П. Полякова // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2018. – Вып. 1. – С. 5–15.
2. Тихонова, С.В. Социально-онтологический статус мифа / С.В. Тихонова // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 44–57.
3. Valovic, T.S. Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet / T.S. Valovic. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2020.
4. Losada, J.M. Myth and Audiovisual Creation / J.M. Losada, A. Lipscomb. – Berlin: Logos Verlag, 2019.
5. Касавина, Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия / Н.А. Касавина // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2020. – № 3 (4). – С. 73–89.
6. Плотицкина, Н.В. Мифология сетевых сообществ Рунета / Н.В. Плотицкина // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 4. – С. 649–658.
7. Шкаев, Д.Г. Мифологические аспекты цифровой культуры на примере современной игровой индустрии / Д.Г. Шкаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. – 2020. – № 4. – С. 123–128.
8. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010.
9. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003.

References

1. Ivanov AG, Polyakova IP. Social mythology in space in everyday life and mass media. Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2018;1:5-15.
2. Tikhonova SV. Socio-ontological status of myth. Philosophy and society. 2008;3:44-57.
3. Valovic TS. Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2020.
4. Losada JM, Lipscomb A. Myth and Audiovisual Creation. Berlin: Logos Verlag, 2019.
5. Kasavina NA. "Digital existence": a digital turn in the understanding of human-weighty being. Digital scientist: philosopher's laboratory. 2020;3(4):73-89.
6. Plotichkina NV. Mythology of Runet network communities. Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2020;4:649-658.
7. Shkaev DG. Mythological aspects of digital culture on the example of the modern gaming industry. Social and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3: Philosophy. Referral journal. 2020;4:123-128.
8. Lotman YuM. Semiosphere. St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2010.
9. Ankersmith FR. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Moscow: Progress-Tradition, 2003.

Информация об авторе

СУСЛОВ Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 4922-0479. **E-mail:** suslov85@inbox.ru

Information about the author

SUSLOV Ivan V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; eLibrary SPIN: 4922-0479. **E-mail:** suslov85@inbox.ru

УДК 321.022

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО:
МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПАМЯТЬЮ ****А.Г. Цымбал*

Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Поступила в редакцию: 11.08.24

В окончательном варианте: 06.09.24

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к проблеме соотношения истории и памяти в работах исследователей. Рассматриваются концепции М. Хальбвакса, П. Нора, П. Хаттона, Э. Хобсбаума и др. Особое внимание уделяется дискуссиям о политике памяти и роли истории в формировании идентичности.

Ключевые слова: история, память, идентичность, политика памяти, историография, конструирование прошлого.

**CONSTRUCTING THE PAST:
BETWEEN HISTORY AND MEMORY***A.G. Tsymbal*

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 11.08.24

Revision submitted: 06.09.24

Abstract. The article analyzes the main approaches to the relationship between history and memory in the works of researchers. The concepts of M. Halbwachs, P. Nora, P. Hutton, E. Hobsbawm, etc. are considered. Particular attention is paid to discussions about the politics of memory and the role of history in shaping identity.

Keywords: history, memory, identity, politics of memory, historiography, construction of the past.

* Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

В последние десятилетия активно обсуждается проблема взаимоотношений истории и исторической памяти. Этот интерес обусловлен рядом факторов. Во-первых, в условиях глобализации активно идет процесс конструирования новых идентичностей, при этом апелляция к прошлому играет важную роль. Во-вторых, отмечается политизация истории, когда она используется в качестве инструмента текущей политики. Наконец, развитие новых технологий существенно расширило доступ к прошлому и возможности его репрезентации.

В связи с этим актуализировалась дискуссия о соотношении объективного исторического знания и субъективной исторической памяти. Одни исследователи подчеркивают их принципиальное различие, другие указывают на их тесную взаимосвязь и влияние памяти на историописание. Особое внимание уделяется использованию прошлого в политических целях, например, посредством создания новых традиций и ритуалов.

Цель данной статьи – проанализировать основные подходы к проблеме соотношения истории и памяти в работах теоретиков и практиков исторической науки. Акцент будет сделан на различных интерпретациях этой междисциплинарной проблемы.

Исторические и социальные науки не только заложили основы междисциплинарных исследований памяти, но и являются сегодня наиболее активными в области изучения «memory studies». Историческое сознание и память в социальном контексте – ключевые компоненты национальной идентичности.

Фундамент исследований памяти заложили несколько ученых. Одним из первых исследователей, обратившихся к феномену памяти, был французский социолог Морис Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» [1] он рассматривал память как явление коллективное, формирующееся под влиянием социальных групп. Хальбвакс ввел понятие «коллективная память», обозначив ею память группы людей об общих событиях прошлого.

Другой французский историк Пьер Нора выделил особые «места памяти» (*lieux de mémoire*) – символические элементы прошлого, которые концентрируют историческую память нации. К ним относятся памятники, музеи, архивы, юбилеи и пр. Нора подчеркивал разрыв между историей и памятью в современном мире [2].

Важное значение имеет концепция культурной памяти Яна Ассмана. В книге «Культурная память» он анализирует механизмы сохранения и трансляции коллективных воспоминаний в разных культурах через тексты, ритуалы, изображения. Ассман выделяет коммуникативную память о недавнем прошлом и институционализированную культурную память о событиях, уходящих в глубь веков [3].

С начала 1970-х гг. в контексте набиравшего популярность конструктивистского подхода исследователи обращают внимание на соотношение истории и памяти. В центре дебатов находится вопрос о том, не является ли сама историография формой культурной памяти, поскольку исторические источники представляют собой культурные артефакты, которые не отражают реальность прошлого, а скорее реконструируют или даже конструируют ее. Более того, историки не являются абсолютно объективными и беспристрастными в своих

исследованиях и оценках. Они привязаны к своей исторической социально-культурной позиции и личной перспективе. Отбор источников, исторических событий, конструирование нарратива посредством риторических приемов, придание смысла и неизбежная интерпретация приводят к тому, что историческое описание становится конструктивистским и нарративным процессом, обусловленным социально-политическими условиями и культурой.

Признание данного исходного положения привело к последующей дискуссии о доминирующей социальной функции историографии: научной или мемориальной. Должна ли история стремиться быть объективной и неангажированной или может иметь актуальную повестку и отражать чью-либо позицию? Данный вопрос являлся по сути центральным в так называемом немецком «споре историков» 1986–1987 гг. Вскоре практически во всем мире дихотомия истории и памяти стала одной из основных парадигм современных интеллектуальных дискуссий и «войн памяти». Собственный травматичный исторический опыт инструментализируется в публичной сфере различными группами идентичности. Память противопоставляется официальной «истории» для достижения целей в настоящем. Пьер Нора, анализируя данную дихотомию, говорил о «тирании памяти» [2], считал, что французскому обществу угрожает переписывание истории с точки зрения различных групп идентичности.

Ян Ассман [4, с. 9], пытаясь сгладить оппозицию «история против памяти», предложил термин «мнемоистория», определяя, что исследования памяти не противоположны истории, а являются ее поддисциплиной, наряду с интеллектуальной, социальной историей или историей идей.

Британский историк Патрик Хаттон развивал идеи о тесной взаимосвязи истории и памяти. В книге «История как искусство памяти» [5] Хаттон анализирует как классическую, так и постмодернистскую историографию с точки зрения работы историка с памятью. Он показывает, что любое историческое исследование опирается на определенную культурную память, избирательно относится к прошлому. Развивая концепцию «истории-памяти», он подчеркивает, что историки неотделимы от коллективной памяти своего времени. По его мнению, задача историков – не отрицать субъективность памяти, а понимать ее природу и взаимодействовать с ней. Разделение истории и памяти является условным. Историческая наука неразрывно связана с процессами коллективного воспоминания и не может существовать в отрыве от них.

В книге «История и память» Жак Ле Гофф представляет актуальную историю памяти с момента ее возникновения. В предисловии он кратко описывает свое понимание взаимоотношений между двумя формами обращения к прошлому. Для него это два разных, хотя и взаимовлияющих процесса организации прошлого. История как научная дисциплина должна стремиться быть объективной и оставаться основанной на вере в историческую «правду». Память – это сырье для истории. Она является живым источником, из которого историки черпают информацию. Историческая наука в свою очередь питает память и вступает в диалектический процесс памяти и забвения, переживаемый людьми и обществами [6, с. 11–12].

Аналогичным образом Дэвид Ловенталь в своей фундаментальной работе «Прошлое – чужая страна» проводит четкое разграничение между памятью

и историй. В известной формулировке он подчеркивает, что прошлое – это чужая страна, черты которой формируются сегодняшним днем. Память и история обоснованно различаются: память неизбежна; история условна и поддается эмпирической проверке [7, с. 187].

Истоки оппозиции «история против памяти», столь распространенной в современных общественных дискуссиях, можно проследить в дебатах, вызванных работами социальных историков 1960-х годов, которые стремились написать «историю снизу» в марксистской традиции, противопоставляя «народную память» официальным документам прошлого. Например, постколониальная историография в направлении Subaltern Studies переписала колониальную историю с точки зрения колонизированных крестьян или «дважды маргинализированных» женщин. Сочетая подходы из антропологии и истории, используя письменные и устные свидетельства, историки пытались прочесть колониальные документы «между строк», обращая внимание на умолчания и пропуски [8, с. 39–43]. Память в этой традиции историографических работ обозначается как «контрпамять». Работа с «памятью» в этой традиции означает восстановление прошлого опыта, который был забыт или подавлен официальной историографией, репрессирован официальной историографией [9].

Иной подход к проблеме истории и памяти использовал Бернард Льюис, указавший на то, что существуют функции «историографии как памяти». Он различает: запомненную историю, т. е. коллективную память, по определению Хальбвакса; восстановленную историю, историографическую реконструкцию элементов прошлого, подавляемых коллективной памятью (которую Льюис рассматривает как современный европейский феномен), и выдуманную историю – версию истории, преследующую идеологическую цель [10].

Одним из наиболее глубоких размышлений о соотношении истории и памяти является основополагающая работа Питера Берка «История как социальная память», которая предвосхитила многие последующие разработки в области изучения памяти. Следуя за Хальбваксом и опираясь на современные исследования историописания, он рассматривает историографию также как продукт социальных групп [11, с. 98]. Как отбор, так и интерпретация исторических событий в историографии социально и культурно обусловлены. Однако он не отрицает возможностей, которые имеет в своем распоряжении историческая наука для создания методологически обоснованных, надежных и правдоподобных рассказов о прошлом. Берк призывает к созданию «социальной истории памяти», руководствуясь вопросами: кто хочет, чтобы кто помнил, что и почему? Чья версия прошлого записывается и сохраняется?

По мнению Йорна Рёзена, «историческая память» является неотъемлемой частью исторической культуры, которая, в свою очередь, может быть определена как «область человеческой жизни, где история является частью социальной реальности» [12, с. 4]. История – это «содержательная связь между прошлым, настоящим и будущим». Историческое сознание, которое всегда формируется нарративом и основано на памяти, «имеет дело с прошлым как опытом; оно открывает нам паутину временных изменений, в которую вплетена наша жизнь» [12, с. 25]. Таким образом, одна из центральных функций исторического сознания заключается во «временной ориентации». Рёзен различает эстетическое, политическое и когнитивное измерение отношения

к прошлому. Только последнее из них он относит к области исторических исследований, которые от всех других форм работы с сознательной памятью отличаются тем, что претендуют на научность. Претензии на истину и рациональность придают истории статус академической дисциплины или науки в широком смысле.

Иной подход к проблеме соотношения истории и памяти предложил британский историк Эрик Хобсбаум. В работе «Изобретение традиций» [13] он проанализировал, как в XIX веке в Европе активно создавались новые общественные традиции и ритуалы. Хобсбаум показал, что многие «древние традиции» на самом деле были изобретены заново или сконструированы в ответ на потребности современности. По мысли Хобсбаума, изобретение традиций – это способ конструирования особой исторической памяти, формирования национальной идентичности и лояльности граждан. С помощью ритуалов, символов и мифов создается иллюзия непрерывности с прошлым, хотя на самом деле эти традиции носят современный характер.

Хобсбаум продемонстрировал тесную взаимосвязь между историей и политической памяти. Его концепция показывает, как историческая память может конструироваться в соответствии с нуждами настоящего. Данная проблема тесно связана с вопросом о роли истории в конструировании идентичности. Мобилизуя память о славном прошлом, политические акторы формируют чувство общей судьбы и единства нации. Однако историки указывают, что идентичность является гораздо более сложным и многослойным феноменом.

В дискуссиях о памяти, которые ведутся среди историков, все большее значение придается тому, как историческая память представлена в индивидуальном сознании и какой эффект она порождает. Именно индивидуальное сознание производит посредством медиальной экстернализации органической памяти то, что впоследствии используется в качестве исторических источников (письма, документы и т. д.). Как можно описать такие процессы интернализации и экстернализации при написании истории – данный вопрос также актуален для исторических и междисциплинарных исследований [7, с. 44].

В дискуссиях вокруг «истории и памяти» возникло много проблем, поскольку эти два термина, как правило, рассматриваются параллельно для определения их различий и влияния на идентичность. Когда речь идет об истории, память часто функционирует как антоним, противоположность, а не дополнение истории. Сторонники данного подхода настаивают на принципиальном различии научной истории и субъективной коллективной памяти. Другие указывают на их тесную взаимосвязь и диалог. Историческая память проявляется в рамках комплексных культур памяти, в которых присутствует множество других способов запоминания. Таким образом, история может рассматриваться как одна из символических форм обращения к прошлому. Помимо истории в формировании культурной памяти участвуют и другие символические формы, такие как религия, миф, литература. Точно так же историография может выступать одним из носителей исторической памяти. Взаимодействие истории и памяти по-прежнему остается актуальной дискуссионной проблемой. От ее решения зависит не только развитие исторической науки, но и характер общественно-политических процессов. Особенно важно понимание механизмов взаимодействия истории и политики памяти, которая стала актуальной для многих современных государств.

Список литературы

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – Москва: Новое издательство, 2007. – 346 с.
2. Nora, P. La France est malade de sa memoire / P. Nora // Le Monde. – 2006. – № 2 (105). – Pp. 6–9.
3. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
4. Assmann, J. Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism / J. Assmann. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. – 288 p.
5. Hutton, P. History as an Art of Memory / P. Hutton. Hanover, NH: University Press of New England, 1993. – 255 p.
6. Le Goff, J. History and Memory / J. Le Goff. – New York: Columbia University Press, 1992. – 265 p.
7. Lowenthal, D. The Past Is a Foreign Country / D. Lowenthal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 489 p.
8. Erll, A. Memory in culture / A. Erll. – London: Palgrave, 2011. – 210 p.
9. Фуко, М. Ницше, генеалогия и история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов. – Минск: ООО «Красико-принт», 1996. – С. 74–97.
10. Lewis, B. History: Remembered, Recovered, Invented / B. Lewis. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975. – 111 p.
11. Burke, P. History as Social Memory / P. Burke // Memory: History, Culture and the Mind. – New York: Blackwell, 1989. – Pp. 97–113.
12. Rüsen, J. History: Narration, Interpretation, Orientation / J. Rüsen. – Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.
13. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 322 p.

References

1. Halbwax M. Social framework of memory. Moscow: New Publishing House, 2007. – 346 p.
2. Nora P. La France est malade de sa memoire. Le Monde. 2006;2(105):6-9.
3. Assman Ya. Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 368 p.
4. Assmann J. Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 288 p.
5. Hutton P. History as an Art of Memory. Hanover, NH: University Press of New England, 1993. 255 p.
6. Le Goff J. History and Memory. New York: Columbia University Press, 1992. 265 p.
7. Lowenthal D. The Past Is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 489 p.
8. Erll A. Memory in culture. London: Palgrave, 2011. 210 p.

9. *Foucault M.* Nietzsche, Genealogy and History. Postmodern Philosophy: A Collection of Translations and Abstracts. Mn.: Ed. Krasiko-Print LLC, 1996. Pp. 74–97.
10. *Lewis B.* History: Remembered, Recovered, Invented. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975. 111 p.
11. *Burke P.* History as Social Memory. Memory: History, Culture and the Mind. New York: Blackwell, 1989. Pp. 97–113.
12. *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. Oxford: Berghahn Books. 2005. 236 p.
13. *Hobsbawm E, Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 322 p.

Информация об авторе

ЦЫМБАЛ Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных наук УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь; eLibrary SPIN: 9796-2736. **E-mail:** aleksander.g.t@gmail.com

Information about the author

TSYMBAL Alexander G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Sciences, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 9796-2736. **E-mail:** aleksander.g.t@gmail.com

УДК 004.81;304.44

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.В. Шалагин¹, Г.Э. Шалагина²

¹Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Россия

²Казанский национальный исследовательский технологический университет,
г. Казань, Россия

Поступила в редакцию: 16.08.24

В окончательном варианте: 01.09.24

Аннотация. В работе ставится проблема антропометрической и безопасной включенности искусственного интеллекта (ИИ) в среду, созданную человеком в процессе общественного производства. С учетом развития информационных технологий компоненты ИИ (рецепторы, анализаторы и эффекторы) расширены до сенсоров, блоков принятия решений и исполнительных блоков. Указывается на социально-экономический характер аберрации когнитивного процесса при моделировании ИИ. Проблемы применения ИИ рассмотрены с позиций неокибernetики и эвристического подхода. В качестве возможного способа включения ИИ в систему социальных отношений смоделирована проекция авторского подхода на типологию социальных страт Платона. Сделаны выводы о возможных рисках и эффективности использования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационное общество, социальные отношения, антропологическая экспертиза.

ON THE ISSUE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INCLUSION IN THE SOCIAL RELATIONS SYSTEM

S. V. Shalagin¹, G. E. Shalagina²

¹Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev,
Kazan, Russia

²Kazan National Research Technical University, Kazan, Russia

Original article submitted: 16.08.24

Revision submitted: 01.09.24

Abstract. The paper raises the problem of anthropometric and safe inclusion of AI in an environment created by man in process of social production. Taking into account the development of information technology, the components of AI behavior (receptors, analyzers and effectors) have been expanded to sensors, decision blocks and execution units. The socio-economic nature of the cognitive process aberration in AI modeling is indicated. The problems of AI application are considered from the standpoint of neo-cybernetics as well as heuristic approach. As a possible way to include AI in the system of social relations, the projection of the author's approach on Plato's typology of social strata is modeled. Conclusions about the possible risks and effectiveness of using AI are drawn.

Keywords: artificial intelligence, information society, social relations, anthropological expertise.

Информационные технологии сегодня являются базисом для развития искусственного интеллекта (ИИ) при реализации разнообразных форм человеческой деятельности. Согласно [1, с. 6] важным и представляющим интерес аспектом ИИ является его поведение как способ искусственной реализации разнообразных форм человеческой деятельности, а также как средство сделать антропомерными реакции искусственной среды. Под понятием «искусственная среда» будем понимать среду, созданную человеком в процессе исторического развития общественного производства. У поведения ИИ есть определенный порядок формирования [1, с. 25–28]: сначала информация поступает на рецепторы, обрабатывается, а далее сформированная реакция выдается на эффекторы. И главное – применение ИИ основано на принципиальной возможности адекватного компьютерного моделирования, адекватной «оцифровки» объектов из заданной области человеческой деятельности.

Классическая кибернетика в основном была ориентирована на управление, на выработку поведения для технических объектов, компьютерная модель которых формализуема по определению. Неокибернетика ориентирована на сложные киберфизические системы, действующие в социальном пространстве, на так называемые социокиберфизические системы [2, с. 83]. При формальном описании, моделировании отдельных аспектов сложных социальных систем наблюдаются когнитивный барьер и aberrации когнитивного процесса [3, с. 370–371]. Причины когнитивных проблем компьютерного моделирования зачастую носят не столько технический или парадигмально-научный, сколько социально-экономический характер [4, с. 157].

При обработке больших объемов данных со скоростью, недоступной людям ввиду объективных психофизиологических ограничений их нервной системы, ИИ, безусловно, будет полезен. Согласно [5, с. 13] ИИ является техническим, инструментальным продолжением человека. Всеобщая экспансия ИТ каузирует иллюзию их универсальности и способности разрешить любую проблему. Вместе с тем отмеченные возможности ИИ могут таить в себе различные угрозы. Они возникают из-за того, что в результате обработки колоссальных объемов информации со скоростью, недоступной людям, возрастает вероятность формирования поведения ИИ, которое будет как минимум неантропомерно, а в определенных случаях может содержать потенциальную угрозу для отдельных индивидов, их групп и всего человечества в целом. Чтобы не оказаться в фатальной зависимости от неантропомерного поведения ИИ, требуется выработать определенные подходы, связанные с обеспечением безопасного применения ИИ в человеческой деятельности.

ИИ – достаточно обширная тема для исследования. Среди различных направлений исследований в области ИИ мы рассматриваем технические и социальные аспекты эвристического (информационного) направления. Данное направление характеризуется исследованиями в области создания машинных способов решения интеллектуальных задач, для которых не имеет значения, как именно будут они (способы) устроены, насколько близки или далеки будут результаты к результатам, полученным людьми [6, с. 48].

Рассмотрим общую структуру технических систем ИИ (ИИ-систем), ориентированных на заданный круг задач в рамках эвристического (информационного) направления его развития. Согласно [1] для формирования поведения

примитивным ИИ-системам требуются три компонента: 1) рецепторы, 2) обработчики информации с фильтром данных, памятью и процессором, 3) эффекторы. С учетом развития информационных технологий, реализующих ИИ-системы, данные компоненты могут быть расширены до следующих блоков: 1) сенсоры; 2) блок(и) принятия решений (БПР); 3) исполнительные блоки (ИспБ).

Сенсор (или датчик) – это устройство, модуль, машина или подсистема, которые служат для обнаружения событий или изменений в определенной среде и для отправки данной информации в другие устройства, модули, машины или подсистемы. БПР – устройство, модуль, машина или подсистема, которая выдаёт один из множества вариантов решений при использовании сформированной базы данных (базы знаний), решающих правил и данных с сенсоров. ИспБ – устройство, модуль, машина или подсистема, которые передают воздействие с управляющего устройства на объект управления путем изменения поступающих на него энергии и/или материалов. Процесс принятия решения ИИ-системами выглядит следующим образом. Информация, требуемая для принятия решения, поступает через сенсоры. На сенсорах производится первичная фильтрация информации, которая затем поступает в БПР. Полученная информация сравнивается в БПР с некоторыми эталонными значениями, и по заданному правилу определяется возможное решение. Указанное решение поступает на ИспБ либо для передачи воздействия на управляемый объект, либо для блокировки такого воздействия.

Каковы же особенности включенности ИИ-систем в социальное пространство, в систему социальных отношений? ИИ позволяет существенно ускорить процессы принятия социально значимых решений. Причина ускорения заключается в следующем: всё большую роль в обществе станут играть акторы, направляемые или управляемые ИИ. Акторами могут быть как люди, ведомые «рекомендациями» алгоритмов, созданных на основе ИИ, так и сами алгоритмы ИИ, наделенные правами акторов. Человеческих индивидов, участвующих в социальных отношениях, будем называть естественными акторами, тогда как участников социальных отношений, которые находятся под контролем ИИ (роботов), будем называть акторами искусственными. Активное внедрение инструментов ИИ в социальную действительность, с одной стороны, и опыт осмысления социума в терминах акторно-сетевой теории Б. Латура [7], с другой стороны, предоставляет методологическую основу включения искусственных акторов в социальную структуру, в типологию социальных страт и классов. Искусственный интеллект сегодня поистине становится значимым социальным актором [8]. Например, в проекции нашего подхода на типологию социальных страт Платона рецепторные функции ИИ и эффекторы, влияющие на поведение людей, автономны друг от друга и располагаются в слое ремесленников (демоса); искусственные акторы, занятые обработкой информации с рецепторов, включены в страту стражей (воинов), реагирующих на заданные ситуации или состояния, а координацией этих функций на основе анализа информации, поступившей от эффекторов, занимаются «мыслящие» искусственные акторы, соседствующие с естественными акторами-мыслителями. Выбор платоновской модели обусловлен лаконичностью социальных составляющих, что характерно для обществ «закрытого»

типа. Современные типы обществ сложнее, но и там, основываясь на иных социально-философских моделях, можно проследить варианты включенности ИИ не только в искусственную среду, но и непосредственно в систему социальных отношений.

В случае генерирования социально значимых актов остро встает вопрос об антропомерности данной деятельности и таких социальных отношений. Указанная ситуация таит в себе как возможности для развития, так и всевозможные опасности – от потери ресурсов отдельных лиц до потери социально-экономических свобод индивидов и групп. Промежуточное положение занимают индивиды (естественные акторы), которые применяют ИИ в качестве системы поддержки принятия социальных решений. Следует понимать, что на данных индивидах лежит ответственность за то, какое влияние на социум оказывают решения, генерируемые под их руководством и выдаваемые в социум. Алгоритмы ИИ играют роль безответственных советников, которые, с одной стороны, позволяют сократить время выработки социально значимого решения, а с другой – сделать процессы социальных отношений неантропомерными со всеми вытекающими последствиями, опасными для естественных акторов. Ответственность за последствия решений всегда несет естественный актор, и фактически, и юридически.

Выходом из создавшейся ситуации может служить создание предохранительных механизмов внутри алгоритмов ИИ, основанных на автоматизированной оценке социальных решений, вырабатываемых алгоритмами, а также автоматизированной отбраковке заведомо неантропомерных социально значимых решений. В данной связи требуется формализовать понятие «антропомерность» для социально значимых решений, принимаемых в различных областях общественной жизни. Сами предохранительные механизмы, внедрённые в ИИ-систему, выполняют свою роль на трёх уровнях. На первом уровне подразумевается блокировка поступления на сенсоры информации, которая может каузировать выработку неантропомерных решений. На втором уровне БПР настроен таким образом, что заведомо не позволяет вырабатывать неантропомерные решения. На третьем уровне выработанные решения «тестируются» на антропомерность в ИспБ и блокируются в случае несоответствия критериям антропомерности. Предпосылки для решения данной задачи представлены в публикации [9]. Требуется адекватная антропологическая экспертиза и формализация процессов принятия решений алгоритмами ИИ, перманентное отслеживание аберрации когнитивного процесса на всех уровнях функционирования предохранительных механизмов [3; 4].

Таким образом, применение ИИ-систем в социальной жизни с учетом представленной методики позволит повысить эффективность и полезность принимаемых социально значимых решений, а наличие в ИИ-системах предохранительных механизмов даст возможность существенно минимизировать возможные негативные последствия, вызванные воздействием на общество неантропомерных решений, выработанных ИИ-системами.

В данной работе представлен подход авторов к вопросу о включенности искусственного интеллекта в систему социальных отношений, который позволяет развернуть дискуссию, а также приступить к отдельным (частным) и масштабным (общим) исследованиям по указанной теме.

Список литературы

1. *Гаазе-Рапопорт, М.Г.* От амебы до робота: модели поведения / М.Г. Гаазе-Рапопорт, Д.А. Поспелов. – Москва: Наука, гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. – 288 с.
2. *Верзилин, Д.Н.* Неокибернетика: состояние исследований и перспективы развития / Д.Н. Верзилин, Б.В. Соколов, Р.М. Юсупов // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. научных трудов XXIII Междунар. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2019 г. – Санкт-Петербург: ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2019. – С. 81–98.
3. *Шалагин, С.В.* Когнитивные проблемы проектирования на основе компьютерных моделей: технический и социогуманитарный аспекты / С.В. Шалагин, Г.Э. Шалагина // *Онтология проектирования*. – 2016. – Т. 6. – № 3 (21). – С. 368–376.
4. *Шалагина, Г.Э.* Информационно-коммуникационные технологии как предмет социогуманитарных исследований / Г.Э. Шалагина, С.В. Шалагин // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки*. – 2019. – № 2. – С. 154–163.
5. *Шалютин, С.М.* Искусственный интеллект: гносеологический аспект / С.М. Шалютин. – Москва: Мысль, 1985. – 199 с.
6. *Человек и системы искусственного интеллекта в военном деле / О.В. Масленников, Ф.К. Алиев, С.А. Беспалов, В.Е. Мишин // Военная мысль*. – 2021. – № 6. – С. 46–56.
7. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
8. *Шалагин, С.В.* Устойчивая организация в VUCA-мире: объективная и субъективная составляющие [Электронный ресурс] / С.В. Шалагин, Г.Э. Шалагина // VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность человеческого: матер. Междунар. научно-образоват. конф. (Казань, 19–20 ноября 2021 г.). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2021. – С. 218–223 (дата обращения: 14.08.2023).
9. *Shalagin, S.* Concept Formalization in Designing: Roles of Natural and Artificial Actors / S. Shalagin, G. Shalagina // *Lobachevskii J Math*. – 2023. – № 44. – Pp. 757–763.

References

1. *Haase-Rapoport MG, Pospelov DA.* From amoeba to robot: models of behavior. Moscow: Science, Ch. ed. Physical-mat. lit., 1987. 288 p.
2. *Verzilin DN, Sokolov BV, Yusupov RM.* Neokibernetics: State of Research and Development Prospects. System Analysis in Design and Management: Sat. scientific works of the XXIII International. scientific practice. conf., St. Petersburg, June 10–11, 2019. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, 2019. Pp. 81–98.
3. *Shalagin SV, Shalagina GE.* Cognitive design problems based on computer models: technical and socio-humanitarian aspects. *Ontology of design*. 2016;3(21);368-376.
4. *Shalagina GE, Shalagin SV.* Information and communication technologies as a subject of socio-humanitarian research. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2019;2;154-163.
5. *Shalyutin SM.* Artificial Intelligence: The Gnoseological Aspect. Moscow: Thought, 1985. 199 p.
6. *Maslennikov OV, Aliyev FK, Bespalov SA, Mishin VE.* Man and artificial intelligence systems in military affairs. *Military thought*. 2021;6;46-56.

7. *Latur B.* Re-assembly of social: an introduction to actor-network theory. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. – 384 p.
8. *Shalagin SV, Shalagina GE.* Stable organization in the VUCA world: objective and subjective components. VIII Sadykov readings. XXI century: the variability of the human. Materials International. scientific and educational. conf. (Kazan, November 19–20, 2021) [Electronic resource]. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2021. Pp. 218–223. https://kpfu.ru/portal/docs/F1326062238/_red._Sadykovskie_8.Shatunova._1_.pdf (accessed 14.08.2023).
9. *Shalagin S, Shalagina G.* Concept Formalization in Designing: Roles of Natural and Artificial Actors. *Lobachevskii J Math.* 2023;44:757-763.

Информация об авторах

ШАЛАГИН Сергей Викторович – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры компьютерных систем ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ», г. Казань, Россия; eLibrary SPIN: 5718-4194.
E-mail: sshalagin@mail.ru

ШАЛАГИНА Гульнара Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», г. Казань, Россия; eLibrary SPIN: 4187-2385.
E-mail: galanova@rambler.ru

Information about the authors

SHALAGIN Sergey V. – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Computer Systems, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI, Kazan, Russia; eLibrary SPIN: 5718-4194. **E-mail:** sshalagin@mail.ru

SHALAGINA Gulnara E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia; eLibrary SPIN: 4187-2385. **E-mail:** galanova@rambler.ru

УДК 1/14

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФИИ: ИНТЕРНАЛИЗМ, ЭКСТЕРНАЛИЗМ, ПРЕЗЕНТИЗМ, АНТИКВАРИЗМ, КУМУЛЯТИВИЗМ, КАТАСТРОФИЗМ

Н.Н. Кожевников, В.С. Данилова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия

Поступила в редакцию: 05.08.24

В окончательном варианте: 03.09.24

Аннотация. Рассмотрены методологические направления в истории и философии науки – интернализм, экстернализм, презентизм, антикваризм, эволюционизм, катастрофизм, концепции происхождения философии, возникшие в разные исторические периоды, а также мифологические, духовные, научные основания социальной и культурной жизни. Показано, что совместное использование указанных методологических подходов и их апробирование в философии науки открывает широкие возможности для исследования универсализма взаимодействия научных и философских идей. Сделан вывод о том, что возникновение философии – интерналистский процесс. Чтобы претендовать на роль универсального основания, современная наука должна включать в себя некоторые аспекты вненаучного знания (религиозные и философские подходы).

Ключевые слова: мифология, религии, естествознание, универсальные основания, постнеклассический рационализм, синтез научного и вненаучного знания.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF THE ORIGIN OF PHILOSOPHY: INTERNALISM, EXTERNALISM, PRESENTISM, ANTIQUARISM, CUMMULATIVISM, CATASTROPHISM

N.N. Kozhevnikov, V.S. Danilova

Northeastern Federal University,
Yakutsk, Russia

Original article submitted: 05.08.24

Revision submitted: 03.09.24

Abstract. The article considers methodological trends in the history and philosophy of science – internalism, externalism, presentism, antiquarianism, evolutionism, catastrophism, concepts of the origin of philosophy that arose in different historical periods, as well as mythological, spiritual, scientific foundations of social and cultural life. It is shown that the joint use of these methodological approaches and their testing in the philosophy of science opens up broad opportunities for studying the universalism of the interaction of scientific and philosophical ideas. It is concluded that the emergence of philosophy is an internalist process. In order to claim the role of a universal foundation, modern science must include some aspects of extra-scientific knowledge (religious and philosophical approaches).

Keywords: mythology, religions, natural science, universal foundations, post-non-classical rationalism, synthesis of scientific and non-scientific knowledge.

Философия – величайшее достижение человеческих мысли и духа. Она возникла в первое осевое время (между VIII – II вв. до н. э., по К. Ясперсу) в Древней Греции, древних Индии и Китае. Значение первого из этих регионов наиболее велико, в двух последних философские идеи в большей степени переплетались с религиозными.

Философия не случайно возникла в Средиземноморском регионе. Здесь были наиболее благоприятные условия для коммуникаций посредством мореходства между Египтом, Ближним Востоком, Малой Азией и Грецией. Это общение аккумулировало все лучшее, что накапливалось в разных странах. Технические, инженерные, математико-геометрические достижения Древнего Египта, астрономические знания Вавилонии, алфавит финикийцев, изобретение железа хеттами в Малой Азии – всё это способствовало укреплению интеллектуальной мощи региона. Мыслители Древней Греции пытались объединить всю эту информацию на основе некоей универсальной платформы. Если соседи древних греков ориентировались на практическое применение полученных ими знаний, то греки развивали теоретическую базу наук. Особое влияние на зарождение и развитие философии оказывали мифология, религия и естествознание.

Методология исследований. Рассмотрим основные упомянутые выше методологические подходы. Они получили известность прежде всего как методологические направления в истории и философии науки. Философы считали их движущей силой формирования интеллектуальных, философских и непосредственно научных факторов. Однако нет никаких препятствий применить их к возникновению и развитию в целом философии и других подсистем культуры.

Интернализм – методологический подход, согласно которому главной движущей силой развития системы знаний являются внутренние цели, средства, закономерности, ей присущие. Рассматривается самоорганизация исследуемого знания без учета каких-либо внешних воздействий. Считается, что социальные условия и обстоятельства не оказывают воздействия на это развитие. Представителями эмпириокритицизма был сформулирован закон «экономии мышления», согласно которому в познавательном процессе не должно быть качественных изменений, скачков.

Экстернализм – направление более широкое и многомерное, где развитие системы знаний обусловлено, прежде всего, воздействием социума, культуры, идеологии и т. п. Важнейшими подсистемами, в которых происходит это влияние, являются техника, политика, экономика и т. п. В последние столетия эти процессы проявились во всем их многообразии. Существовали целые отрасли науки (аэродинамика, гидродинамика, теория взрыва), развитие которых обусловили внешние воздействия.

Презентизм подразумевает интерпретацию прошлого с точки зрения настоящего. Если исследуется, например, медицина, физика, химия с точки зрения современных представлений, то используется совокупность всех имеющихся знаний и четко выделяются этапы развития этих наук, соответствующие картины мира. Можно оценить, как эти этапы влияли друг на друга, отсеять концепции, оказавшиеся несостоятельными, и т. п.

Антиквариизм – исследование концепций прошлого посредством максимального «вживания» в детали, особенности эпохи. Если исследуются конкретные системы знаний с точки зрения представителей её эпохи, то необходимо

рассмотреть персоналистские, когнитивные и культурные критерии, обусловившие их развитие в это время.

Эволюционизм близок к кумулятивизму, т. е. постепенному увеличению объема накопленных знаний, поступательному изменению понятий. Эти направления нашли отражение в развитии культуры, истории, в преемственности научных концепций.

Катастрофизм – революционное изменение знания. Взрывное изменение картины мира, связанное с появлением новых понятий, методов, концепций. Научные революции, менявшие представления о мире, происходили в Европе, начиная с Нового времени. Они охватывали социальное, научно-технологическое направления развития общества.

Будем использовать эти методологические подходы совместно, а в отдельных случаях, когда их можно явно разделить, проведем соответствующее акцентирование особенностей конкретного исследовательского направления.

Духовные искания Древнего мира характеризуются двумя взаимосвязанными фактами. «Во-первых, мы видим, что спекуляция находила неограниченные возможности для развития, её не сдерживал научный (т. е. дисциплинированный) поиск истины. Во-вторых, мы замечаем, что сфера природы и сфера человека не различались» [2, с. 8–9].

Мифологические и духовные основания социальной и культурной жизни. Если проанализировать политическую, социальную и культурную историю человечества после неолитической революции, то вызывает удивление, сколько раз наступал вроде бы «золотой век», которому был присущ расцвет искусств, ремесел, различных областей научного знания. Эти века характеризовались политическим спокойствием, относительной социальной справедливостью, но основания были, конечно, ненадежными и масштабы очень ограниченными – всегда находились завистливые воинственные соседи, готовые поживиться за чужой счет, использовать полученные другими результаты, либо возникали внутренние противоречия: разврат, алчность, жажда власти приводили к концу «золотого века».

Используя перечисленные выше методологические подходы, можно выявить следующее. Ни мифология, ни религия не могли использоваться в качестве универсальных оснований социальных и духовных структур. Каждый этнос и даже каждое племя имели свои мифологические инварианты, связанные с анимизмом, фетишизмом, тотемизмом, а также с архетипами и табу. Это свидетельствовало об отсутствии духовного универсализма. Пришедший на смену мифологии этап религий сыграл важную роль в истории человечества, однако не способствовал его устойчивому эволюционному развитию. До сих пор сохранились серьезные противоречия не только между разными религиями, но и внутри конфессий. Это приводило к жестоким войнам в прошлом, приводит к конфликтам в современности.

В древности предпринимались попытки универсализации религий, например, монотеистическая реформа Эхнатона (Аменхотепа IV), начатая еще его отцом Аменхотепом III, установившим культ Бога Солнца, светящего всем людям независимо от их государственной принадлежности и культуры. «Да живет Ра-Горахти, ликующий на небосклоне... который есть Атон, да будет он жив вечно, вековечно, живой и великий Атон, находящийся в Празднестве Сед, владыки всего, что окружает солнечный диск, владыки неба

и владыки земли, владыки «Дома Атона» в Ахетатоне и царя Верхнего и Нижнего Египта...» [3, с. 90]. Универсализация на других основаниях имела место в других природных религиях: даосизме, буддизме, позже в дзен-буддизме. Даосизм, как и буддизм, стремится к срединному пути. Например, буддизм избегает двух крайностей: жизни, погруженной в желания, связанной с мирскими наслаждениями, и также жизни в самоистязании. Между ними есть «средний путь, путь, способствующий постижению, способствующий пониманию, ведущий к умиротворению, к высшему знанию, к просветлению, к нирване» [4, с. 130]. Важнейшим достижением философии Древнего Китая была её практическая направленность. Общим для древнекитайской и древнеиндийской философии является акцент на морально-этических вопросах. Главным недостатком философии Древней Индии можно считать абстрактный характер религиозно-философских исканий, направленность на Абсолют, первопричины и ориентиры существования души. В противоположность этой абстрактности древнекитайская философия оказалась излишне прагматичной. Тем не менее, дао открыло сферу недостижимого, а библейский Бог – сферу трансцендентного. Библейские идеи монотеизма, теоцентризма, творения мира из ничего, несмотря на их запредельность, универсальны и в то же время понятны простым людям.

Научные основания социальной и культурной жизни. Наука как системное знание появилась только в XVII веке, отдельные её элементы в Древнем мире, в период Античности, Средние века, эпоху Возрождения были вплетены в мифологические, религиозные системы и также не могли претендовать на универсальные основания. Египтяне еще «в 4241 г. до н. э. начали вычислять время по усовершенствованному календарю» [5, с. 16], имели глубокие медицинские познания, были способны возводить огромные инженерные сооружения. Несмотря на древнейшие истоки знания, ориентированного на универсализм, его развитие шло исключительно медленно вследствие социальных и идеологических (религиозных) запретов.

Все это создавало устойчивое основание для определенного этапа развития конкретного этноса, однако в других условиях эта устойчивость нарушалась.

Зарождение и развитие философии в эпоху Античности. Философия возникла в VI в. до н. э., первыми философами традиционно называют Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Ксенофана, Гераклита. Сложнее обстояло дело в древних Индии и Китае. Некоторые исследователи относят к числу философских источников Веды и Упанишады. «Однако мы... склонны думать, древнеиндийская философия начинается не с них... а с буддизма, джайнизма, учения чарваков (локаятиков)... ньяя, вайшешика, санкхья» [6, с. 197], т. е. с середины I тысячелетия до н. э. Примерно в это же время возникла философия в Китае. Таким образом, время зарождения философии во всех этих центрах приблизительно одно и то же.

В XIX столетии возникло много концепций происхождения философии. Среди них определяющее значение имеют мифологическая, которой придерживался Гегель, и натурфилософская. Натурфилософские исследования продолжались в Древнем мире тысячи лет, определив развитие ключевых философских идей. Многие авторы считают, что «древнеегипетскую и древнеавилонскую науку можно рассматривать как предшественницу эллинской философии» [6, с. 150]. Все это привело к формированию «содержательного»

этапа натуралистической философии, ориентированной на поиск первопричин знания. Многие из вопросов, поставленных в то время (атомы, эфир), оказали существенное влияние на развитие философии.

Мифологические предфилософские идеи естественным образом начали взаимодействовать с религиозными. Здесь также всегда побеждали универсальность и простота, именно поэтому религии Рима уступили христианству. Античный миф пытался все объяснить, подошел к пределу своих возможностей, сведя к минимуму фантазийный элемент. Далее оставался только переход к философии.

Обсуждение вышеизложенного позволяет сформулировать несколько фундаментальных вопросов. Могла ли философия не возникнуть? Только три места считаются её родиной, главным среди которых является одно! Как бы человечество развивалось дальше, если бы не было Древней Греции? Могли ли религии заменить философию? Могла ли в Древнем мире или в эпоху Античности возникнуть универсальная религия? Может ли современная наука претендовать на эту роль? При ответе на эти вопросы понадобятся все вышеизложенные методологические подходы.

Если смотреть на первые ростки философии в Древнем мире и в Античности, то человек того времени вряд ли мог их заметить. Во-первых, потому, что это было естественным продолжением его деятельности, общения, раздумий. Во-вторых, людей, которые занимались тем, что затем стало философией, было мало, не они направляли развитие человечества того времени. Кроме того, многие сферы знания вообще были засекречены как у египетских жрецов, так и волхвов Передней Азии. Однако с точки зрения современного человека возникновение философии выглядит как качественный скачок.

Религии заменить философию не могли. Слишком разные у них были цели. Мировые религии, как и некоторые из оказавших на их формирование значительное влияние (иудаизм), после своего появления считались универсальными. Сейчас они таковыми не кажутся. В настоящее время необходим новый синтез науки, философии, религии на основе нового универсализма.

Выводы. Возникновение философии – интерналистский процесс. Никаким практическим потребностям общества, в отличие от математики или астрономии, она не соответствовала. Современная наука, чтобы претендовать на роль универсального основания, должна включить в себя некоторые аспекты вненаучного знания (религиозные и философские подходы). Кроме того, постнеклассический рационализм радикально отличается от своих предшественников – классического и неклассического – и влияет на трансформацию современной науки.

Список литературы

1. Зотов, А.Ф. Современная западная философия / А.Ф. Зотов. – Москва: Высшая школа, 2001. – 784 с.
2. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен; пер с англ. – Санкт-Петербург: Амфора, 2001. – 314 с.
3. Хрестоматия по истории Древнего Востока. – Ч. 1. – Москва: Высшая школа, 1980. – 328 с.

4. Хрестоматия по истории Древнего Востока. – Ч. 2. – Москва: Высшая школа, 1980. – 250 с.
5. *Даннеман, Ф.* История естествознания. Естественные науки в их развитии и взаимодействии / Ф. Даннеман. – Т. 1. – Москва: ГМИ, 1932. – 432 с.
6. *Чанышев, А.Н.* Эгейская префилософия / А.Н. Чанышев. – Москва: Изд. МГУ, 1970. – 240 с.

References

1. *Zotov A.F.* Modern Western philosophy. Moscow: Higher School, 2001. 784 p.
2. *Frankfort G, Frankfort GA, Wilson J, Jacobsen T.* In the pre-theory of philosophy. Spiritual Searches of an Ancient Man. St. Petersburg: Amphora, 2001. 314 p.
3. Chrestomathy on the history of the Ancient East. Part 1. Moscow: Higher School, 1980. 328 p.
4. Chrestomathy on the history of the Ancient East. Part 2. Moscow: Higher School, 1980. 250 p.
5. *Danneman F.* History of Natural History. Natural sciences in their development and interaction. T. 1. Moscow: GMI, 1932. 432 p.
6. *Chanyshv AN.* Aegean Pre-Philosophy – Moscow: Ed. Moscow State University, 1970. 240 p.

Информация об авторах

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет», г. Якутск, Россия; eLibrary SPIN: 7650-1297. **E-mail:** nnkozhev@mail.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет», г. Якутск, Россия; eLibrary SPIN: 9303-7094. **E-mail:** nnkozhev@mail.ru

Information about the authors

KOZHEVNIKOV Nikolay N. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; eLibrary SPIN: 7650-1297. **E-mail:** nnkozhev@mail.ru

DANILOVA Vera S. – Doctor of Philosophy, Docent of the Department of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; eLibrary SPIN: 9303-7094. **E-mail:** nnkozhev@mail.ru

УДК 316.32:57.026

К ВОПРОСУ ОБ АДАПТАЦИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРОГРАММ НА ПУТИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ БУДУЩЕГО

Л.А. Звездин

АО «ЗАСЛОН», г. Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 06.08.24

В окончательном варианте: 04.09.24

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на некоторые аспекты гуманитарного измерения современного и последующих этапов научно-технического прогресса. При этом акцентируется внимание на важности изучения деятельности мозга и психики человека в условиях новейшего постинформационного тренда в развитии технологий, что, несомненно, находит отражение в наших мыслительных особенностях и складывающихся новых конфигурациях программ поведения.

Ключевые слова: мозг, нейросети, функциональные программы поведения, новый технологический уклад, человек и машина.

TO THE QUESTION OF ADAPTATION OF BEHAVIORAL PROGRAMS ON THE WAY TO THE TECHNOLOGICAL WAY OF THE FUTURE

L.A. Zvezdin

ZASLON JSC, Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 06.08.24

Revision submitted: 04.09.24

Abstract. The article presents the author's view on some aspects of the humanitarian dimension of the current and subsequent stages of scientific and technological progress. At the same time, attention is focused on the importance of studying the activity of the brain and the human psyche in the conditions of the latest post-information trend in the development of technologies, which undoubtedly is reflected in our mental characteristics and the emerging new configurations of behavior programs.

Keywords: brain, neural networks, functional behavior programs, new technological order, man and machine.

Если порассуждать, то не будет сильным преувеличением отметить, что современные исследования, затрагивающие проблему влияния достижений научно-технического прогресса на человека и общество, часто сосредоточены на изучении феномена самого прогресса, его проявлений на разных стадиях цивилизации, в том числе прогнозировании и даже фантазировании дальнейшего развития технологий. В свете этого показаны реакции людей на внедряемые технологические достижения. В данной когнитивной структуре «прогресс» приобретает роль самостоятельного источника воздействия, а «человек» становится как бы принимающей от него сигналы воздействия стороной. И в этом случае «человек» как зависимая «слабая» сторона предстает в статусе объекта, подвергаемого опасностям в результате действия непредсказуемого «прогресса» как самодостаточной «сильной» стороны. Красноречивее всего это описывается в произведениях научной фантастики, сюжет которых базируется на порабощении машиной (искусственным интеллектом) человеческой свободы и воли.

Но разве не следовало бы несколько сместить акценты, исследуя и прогнозируя с гораздо большими усилиями как раз поведение человека в свете развития технологий, с целью распознать генезис и динамику возможных моделей его поведения хотя бы в относительно недалеком будущем? Недалеком потому, что прогресс, по определенным оценкам, все более интенсифицируется и масштабируется в различных сферах деятельности. К тому же определенно технический прогресс есть производная от деятельности человека, соответственно заключает в себе и гуманитарное измерение. Безусловно, «человек» и «прогресс» – взаимовлияющие, взаимозависимые предметы изучения одного явления «развитие». Поэтому современные исследования в области нейрофизиологии, генетики, психологии и в других направлениях приобретают качественно новый уровень и повышенную ценность при естественной интеграции с социально-гуманитарными науками.

Бытие человека раскрывается в описании множества категорий, которые давно принято структурировать, – от самых физиологичных до высших, духовно-интеллектуальных. При этом все они, пребывая во взаимосвязанном единстве, определяют ту или иную конфигурацию психического состояния для конкретного субъекта в различных жизненных ситуациях. Так, множественные биологические факторы, определяющие функционирование человеческого организма (обмен веществ, гормональный фон, генетическая предрасположенность, условия внутриутробного развития плода и первые месяцы жизни ребенка, а также другие), в наибольшей степени обуславливают многие привычки и особенности поведения, фактически характер индивида. Возможно, это покажется категоричным на первый взгляд, но это так.

С точки зрения нейрофизиологии, поведение человека обуславливается совокупностью поведенческих программ, актуализирующихся в зависимости от складывающихся в среде обитания обстоятельств, включая в той или иной мере прогнозируемые события (что тоже является «встроенной» особенностью человеческого мозга). Программа представляет собой комплекс рефлексов разного уровня, задействовавший определенный набор нейронных сетей в определенных отделах мозга, направленных на выполнение какой-либо важной задачи в среде обитания – витальной, зоосоциальной или потребности самореализации.

Среди таких программ выделяют самосохранение, размножение (включая материнские программы), поиск информации, свободу, стремление к лидерству, подражание (и на двигательном, и на эмоциональном уровнях), экономию сил (так называемые алгоритмы лени) и другие. Конфигурация множества подобных программ, всегда функционирующими из которых являются витальные, жизненно важные, определяет структуру личности в каждый момент. Компоновка же программ под воздействием внешних стимулов и раздражителей в течение длительного времени способна определять основные свойства личности во временной перспективе. Кроме заложенных в человеке индивидуальных предположений есть и такие «встроенные» качества, которые проявляются в социальной среде. Некоторые из них вообще катализируются, преимущественно общественным воздействием. Например, стремление к лидерству или подражание.

В этом случае следует рассматривать влияние прогресса на человечество, обязательно принимая во внимание отмеченные особенности. Причем, как вполне понятно, изменения в структуре поведенческих программ каждого человека обуславливают изменения общественной экосистемы, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на всякую личность. В настоящий момент можно только гадать, какие фазы, ускорения и нелинейности могут иметь отмеченные процессы с обратной связью, тогда как сила и скорость прогресса по многим оценкам только интенсифицируются, в том числе судя по влиянию на психику человека. Особенно это находит выражение в условиях информационного потока, который для ментальной сферы людей представляет собой фактор среды не только новейшей, ранее никогда не существовавшей, но еще и обладающей необычайной интенсивностью и глубиной. По большому счету никто не скажет точно, как это отразится на будущих поколениях, их моделях поведения, а в более отдаленной перспективе – на их врожденных способностях.

В свете вышесказанного предварительно резюмируем: необходимо строить модели и прогнозы комплекса поведенческих программ человека в условиях дальнейшего прогресса и параллельной трансформации общества под его воздействием. Например, следовало бы спрогнозировать, какие поведенческие программы людей и в какой мере будут способны тормозиться, а какие включаться на полную мощность. В этом направлении необходимо привлечение знаний как из области нейрофизиологии, так и из области исторической психологии, обеспечивающих сопоставление поведенческих особенностей людей в другие эпохи: «Историческую психологию можно определить как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в социальном макровремени, именуемом историей. ...Историческая психология в широком значении слова – подход, помещающий психику и личность в связь времен» [1, с. 11].

Интерес представляет программа экономии сил. В результате интенсификации и распространения заменителей естественных коммуникаций человека с природой, сопровождающихся снижением затрат физических усилий человека в его жизнедеятельности с одновременным ростом нервно-психических нагрузок, можно прогнозировать смещение приоритетов в область психической деятельности. Иначе говоря, экономия сил приобретает психологическую окраску, поскольку это собирательное понятие, включающее в себя и восстановление ресурсов, и их сбережение. Психическая деятельность,

разумеется, не является исключением из данного правила: «В списке жизненно важных витальных программ, помимо связанных с едой, безопасностью, гомеостазом, присутствуют программы экономии сил, которые порой называют алгоритмами лени. Реализация этих программ тесно переплетается, с одной стороны, с состоянием утомления («запредельного торможения», по И.П. Павлову), с другой стороны – с основополагающим принципом экономии ресурсов и энергии всяким живым организмом, начиная с бактерии. Принцип экономии с очевидностью адаптивно обоснован и вплетен в деятельность клеток организма человека (на биохимическом, молекулярном уровне), в работу всех систем нашего тела и, конечно, в функционирование мозга. Мы предполагаем, что в нервной системе в ходе реализации того или иного поведения импульсы, сигналы распространяются по нейронным цепям и сетям наиболее оптимальным, минимизирующим затраты энергии образом. Подобная оптимизация является результатом эволюционного процесса...» [2, с. 504–505].

При этом мозг в своей работе не то чтобы стремится к примитивизации и за счет этого к экономии, нет, он полноценно работает, «ищет» стратегии для экономии ресурсов, необходимых в прогнозируемом им будущем: «Важна именно непредсказуемость, нужно, чтобы заяц бежал иногда вправо, иногда влево. Это биологически верно, и в итоге наш мозг сделан не для того, чтобы работать с точными цифрами, как компьютер, а для того, чтобы пытаться заглянуть в будущее и так разнообразить поведение, чтобы удовлетворить свои потребности и выжить» [2, с. 26]. В результате экономия сил служит для выживания в дальнейшем, что позволяет подтвердить, что «мозг – орган предвидения» [3, с. 55], поскольку «...критерием функционирования НС является минимизация раздражений» [3, с. 159]. При этом и поэтому с возрастом мы обрастаем привычками, стереотипами, предрассудками.

Видный современный ученый в сфере нейролингвистики Татьяна Черниговская приводит такой научный факт, как дефолтное состояние мозга: «Состояние сводится к тому, что человек как бы ничего не делает. Это не значит, что он спит, это такое особое состояние, очень важное, особенно для творческого мозга... Если напирать на мозг, он откажется. ...Лень хороша в когнитивном, серьезном смысле, а не обывательском» [4]. Таким образом, состояние «разгрузки» мозга и отвлечения даже необходимо для реализации творческого потенциала.

Учитывая реалии нашего времени, необходимо отметить, что угрозы физическому выживанию в дикой природе, на которые ориентированы заложенные издревле в мозг человека многие поведенческие программы, претерпели существенное изменение в части их систем стимуляций и подкреплений, поэтому, на наш взгляд, формируются предпосылки для изменения конфигураций и ролей различных подобных программ. Например, что касается перестройки программы экономии сил. Организм человека в отсутствие смертельных опасностей переходит в фазу стратегии запасаения физической энергии. Но при этом возрастает влияние заменителей «опасности» – искусственных (виртуальных) способов инспирации активных психических переживаний, затрагивающих уровень условно смертельных опасностей. Это и компьютерные игры, и кинематограф, и другие медиапроизводные информационной среды. Здесь мы видим, что опасность от условного «мамонта» в наше время замещается опасностью от вымышленных сюжетов, представленных в медиа.

Также отметим, что современный человек научился, используя технологии, уклоняться от некоторых предписаний, сформированных для него эволюцией в условиях еще дикой природной среды. Например, избегание набора определенных «раздражителей» со стороны программы размножения для высших существ облеклось в форму контрацепции. Что, вероятно, явилось следствием конкуренции с программой экономии сил. Феномен контрацепции почти доказывает возможность формирования условных рефлексов и, соответственно, новых схем работы нейросетей мозга, позволяющих уклоняться от природных законов. Современные человеческие технологии, как уже становится понятным многим, способны обеспечивать обход жестких, жизненно важных для человека природных установок. При этом, как мы понимаем, мозг обеспечивает и другую свою функцию – обучение.

В целом мировосприятие каждого индивида подвергается такому воздействию, которое может влиять даже на базовые ощущения. Как известно, восприятие самого времени включает субъективный компонент: «Время – это измерение, предвидение, осознание срока, порядка и последовательности нашего человеческого существования в сопоставлении с другими (не нашими) сроками, порядками и последовательностями» [1, с. 35]. И современный мир меняет это восприятие, выводя его в нужную для психологического равновесия сторону. Время, воспринимаемое через медиа, для нас протекает уже иначе.

Существуют исследования, анализирующие возможные опасности со стороны технического прогресса и делающие акцент на возможных трансгуманистических трансформациях человека, которые в общем смысле представляют собой совершенствование телесности. В свете вышесказанного не менее важно изучать тенденции, если хотите, *переустройства* психики и работы мозга. И последствия могут быть в этом случае непредсказуемыми. Мы говорим «переустройства», поскольку эти изменения предположительно будут шквальными по своей интенсивности, по отношению к пропускной способности психики человека и метрической шкале времени эволюции.

Таким образом, в настоящей статье сделана попытка акцентировать внимание аудитории на возможных изменениях в программах и моделях поведения людей в условиях нового технологического уклада, который начинает охватывать нашу человеческую цивилизацию как сплошная среда – континуум – со все более возрастающей информационной интенсивностью.

Список литературы

1. Шкуратов, В.А. Историческая психология. Кн. 1. Введение в историческую психологию / В.А. Шкуратов. – 3-е изд., расширенное. – Москва: КРЕДО, 2015. – 244 с.
2. Дубынин, В.А. Мозг и его потребности: от питания до признания / В.А. Дубынин. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 572 с.
3. Шумилов, В.Н. Принципы функционирования мозга / В.Н. Шумилов; отв. ред. В.И. Соломонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 188 с.
4. Ученый-нейролингвист Татьяна Черниговская: «К мозгу надо относиться с уважением, он умнее нас» // Интерфакс. – 3 марта 2020 г. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/nortwest/exclusives/uchenyu-neyrolingvist-b-tatyana-chernigovskaya-b-k-mozgu-nado-otnositsya-s-uvazheniem-on-umnee-nas/> (дата обращения: 23.08.2023).

References

1. *Shkuratov VA*. Historical psychology. Book one. Introduction to Istorich Psychology. 3rd, expanded edition. Moscow: CREDO, 2015. 244 p.
2. *Dubynin VA*. Brain and its needs: from nutrition to recognition. Moscow: Alpina non-fiction, 2021. 572 p.
3. *Shumilov VN*. Principles of brain functioning. 2nd ed. Ed. by V.I. Solomonov. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2015. 188 p.
4. Neurologist Tatiana Chernigovskaya: “You need to treat the brain with respect, it is smarter than us”. Interfax. March 3, 2020. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/nortwest/exclusives/uchenyy-neyrologist-b-tatyana-chernigovskaya-b-k-mozgu-nado-otnositsya-s-uvazheniem-on-umnee-nas> (accessed 23.08.2023).

Информация об авторе

ЗВЕЗДИН Лев Александрович – кандидат философских наук, инженер 1 категории АО «ЗАСЛОН», г. Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 8281-5330. **E-mail:** lev.zvezdin@rambler.ru

Information about the author

ZVEZDIN Lev A. – Candidate of Philosophical Sciences, engineer of the 1st category of ZASLON JSC, Saint Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 8281-5330. **E-mail:** lev.zvezdin@rambler.ru

УДК 111+165

ПРОЦЕССНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И МОДЕЛИРОВАНИЮ СВОБОДЫ ВОЛИ

А.В. Иващенко¹, А.Е. Сериков², О.К. Головнин¹

¹Самарский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения РФ, г. Самара, Россия

²Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 09.08.24

В окончательном варианте: 10.09.24

Аннотация. В статье автор делает попытку уточнить и дополнить понятие свободы воли, выбрав в качестве основы рассуждения процессный подход, при котором ставится вопрос о выборе человеком одного из альтернативных действий, несравнимых между собой по формализуемым и понятным критериям. Проблема определения и моделирования свободы воли рассматривается в контексте создания и внедрения автоматизированной системы поддержки принятия решений. Показано, что готовность к волевым решениям, понимание их места и роли рождает потребность в свободе воли, а стимулирование свободы воли на практике является важной задачей современных интеллектуальных систем поддержки принятия решений. Предложенный подход проиллюстрирован на примере формирования альтернатив выбора в цифровой платформе интегрального мониторинга.

Ключевые слова: свобода воли, свобода действия, волевое решение, система поддержки принятия решений, искусственный интеллект, СППР, ИИ.

PROCESS APPROACH TO DEFINITION AND MODELING OF FREE WILL

A.V. Ivashchenko¹, A.E. Serikov², O.K. Golovnin¹

¹Samara State Medical University, Samara, Russia

²Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov,
Samara, Russia

Original article submitted: 09.08.24

Revision submitted: 10.09.24

Abstract. In the article the author makes an attempt to clarify and supplement the concept of free will, choosing a process approach as the basis of reasoning, which raises the question of a person's choice of one of the alternative actions that are incomparable with each other according to formalized and understandable criteria. The problem of defining and modeling free will is considered in the context of the creation and implementation of an automated decision support system. It is shown that readiness for volitional decisions, understanding their place and role gives rise to the need for free will, and stimulating free will in practice is an important task of modern intelligent decision support systems. The proposed approach is illustrated by the example of the formation of choice alternatives in a digital integrated monitoring platform.

Keywords: free will, freedom of action, volitional decision, decision support system, artificial intelligence, DSS, AI.

Свобода воли – одно из важнейших понятий философии, к определению которого существуют разные подходы, тесно связанные с пониманием вопроса о существовании свободы. При рассмотрении данного вопроса обычно выделяют две противоположных точки зрения: метафизический либертарианизм и жесткий детерминизм [1; 2]. По критерию совместимости свободы воли и детерминизма выделяют компатибилистские и инкомпатибилистские философские позиции [3; 4].

В настоящее время свобода воли как философская концепция приобретает актуальность. Различные способы косвенного влияния, манипулирования, информационного воздействия, в том числе с использованием интернет-технологий и различных цифровых медиа [5–7], позволяют предопределить поведение человека с достаточно высокой эффективностью, что вновь поднимает вопрос о самостоятельности выбора решений.

Согласно одному из распространённых определений под свободой воли понимается способность человека делать выбор между возможными способами действий без принуждения [8]. Однако оно само базируется на понятиях, которые определены не в полной мере, – это понятия выбора, способа действия и принуждения.

Ориентация именно на способ действия предусматривает подход, который исключает из рассмотрения свободу воли, не реализуемую в действии. Действие предполагает наблюдаемость и реальный эффект. Вместе с тем свобода воли может быть выражена равно и в отсутствии действия, а событие отсутствия действия в реальности неощутимо и, следовательно, плохо формализуемо.

Выбор действия также вызывает некоторые вопросы. Во-первых, необходимо обеспечить осознанность выбора как решения, принимаемого человеком. Часто человек принимает решения, не задумываясь, уделяя внимание только значимым или волнующим его важным вопросам. Осознанность решения предполагает не только возможность сознательного выбора, но и, прежде всего, понимание самого события принятия решения. Во-вторых, достаточно серьезное влияние оказывает субъектность человека как лица, принимающего решения. Здесь следует упомянуть исследования, связанные с предопределенностью решений человека его биологической природой, появлением определенных нейросигналов в мозге еще до осознания собственного решения [9; 10]. В-третьих, выбор решения подвержен когнитивным искажениям [11], что ставит под вопрос соответствие выбранного решения моральным и чувственным ценностям субъекта.

В информационную эпоху теряет смысл концепция принуждения. Изначально принуждение предусматривает физическое или психическое насилие. Однако информационное влияние без всякого насилия позволяет в настоящее время достичь определенного эффекта. Погружение человека в информационное поле, контекст, использование репутационного влияния, ограничение или приоритизация поступающей информации с учетом моральных и психологических установок человека способны обеспечить гарантированный выбор целевого решения [12; 13]. В таком случае собственно действие не может рассматриваться как акт свободы воли.

Таким образом, с учетом данных противоречий попробуем уточнить понятие свободы воли, выбрав в качестве основы рассуждения процессный подход.

Процессный подход

Если принять за основу, что реализация свободы воли состоит в выборе человеком одного из альтернативных действий, в составе деятельности можно выделить модель системы управления, выходом которой является решение о выборе действия, управлением является осознание необходимости принятия решения, а входные данные содержат предпосылки решения. Также выбор решения производится с учетом ограниченности имеющихся ресурсов, прежде всего финансовых и материальных. Схематично этот процесс изображен на рис. 1.

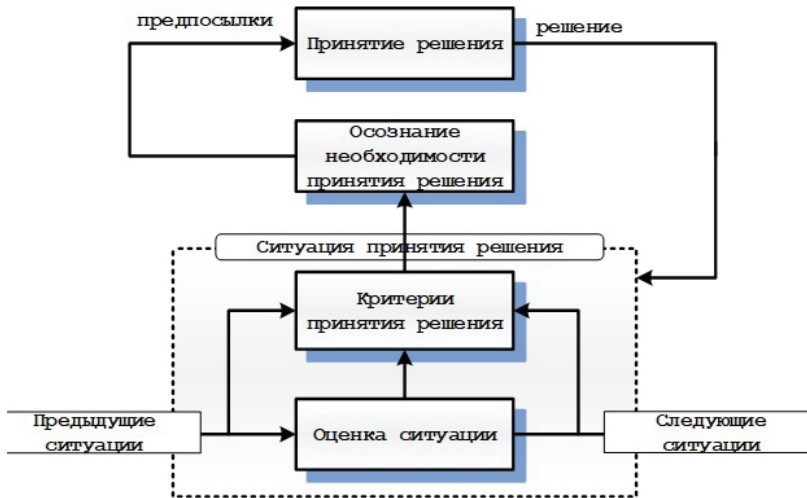

Рис. 1. Схема ситуации при принятии решения

В такой системе для выбора решения необходимо сформировать возможные альтернативы и сравнить их между собой. В случае, когда для такого сравнения можно выбрать один измеримый критерий, в лучшем случае численный, выбор решения не вызывает сложности и не связан со свободой воли. Если же рассматриваемые альтернативы решения сравнить между собой нельзя, а выбрать нужно, возникает искомая нами неопределенность. Такого рода задачи обычно описывают как многокритериальные – это широкий класс задач, решения которых связаны с неопределенностью выбора. В технике известны методы их решения, например градиентные, генетические, комбинаторные, однако их решение требует определенных упрощений, например, приоритизации критериев.

Таким образом, для появления проблемы принятия решения в рассматриваемой системе необходимо найти такую задачу, для которой были бы актуальны несколько вариантов решения, эти варианты были бы значимы и сравнимы между собой лишь с помощью системы критериев, не сводящейся к простой оптимизации. В этом случае на бытовом уровне говорят об «отсутствии выбора», «отсутствии правильных решений», а при осуществлении выбора или отказе от него отмечают «волевое решение».

Отметим, что волевое решение часто связывают с отсутствием или невозможностью применения логики в целом или прямого и обратного логического выводов в частности. Например, некоторые руководители расценивают частое

применение волевых решений как способность действовать на основе опыта и интуиции, что имеет определенные преимущества в условиях неопределенности, но снижает эффективность в случае возможности детально проработать варианты действий и осуществить не только осознанный, но и логичный выбор.

Волевое решение также связывают с действиями, противоречащими логичному выбору. Однако это явление сводимо к описанному нами, поскольку означает частичный отказ от имеющейся информации и пересмотр имеющейся системы критериев.

Волевое решение в данном случае является практической имплементацией свободы воли. Для принятия волевого решения в таком контексте необходимо выполнить следующие шаги (рис. 2):

1. Поставить задачу выбора решения как многокритериальную задачу в условиях неопределенности.

2. Сгенерировать альтернативные варианты решения в заданной системе критериев, определить их равную значимость, осознать невозможность логичного выбора и признать проблему принятия решения.

3. Предусмотреть конфликт альтернативных вариантов, отражающий достаточную информированность и наличие альтернативных точек зрения, что исключает принуждение.

4. Определить момент времени для принятия решения и осуществить акт выбора.

Готовность к волевым решениям, понимание их места и роли рождает потребность в свободе воли. Соответственно наличие свободы воли является необходимым и достаточным условием для принятия волевых решений.

Таким образом, свободу воли можно определить как стремление к волевым решениям.

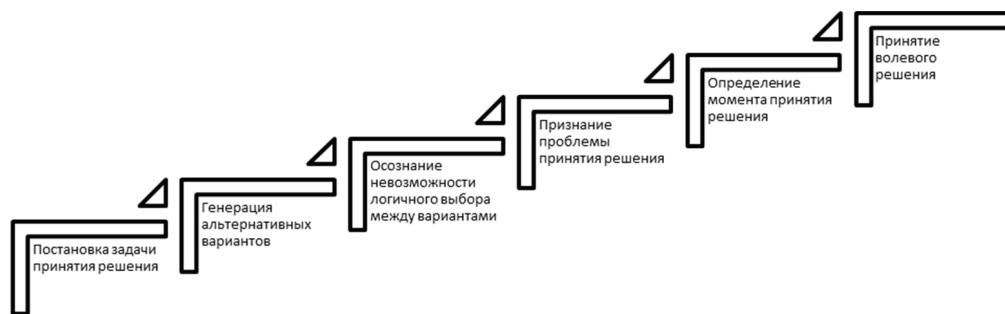

Рис. 2. Процесс принятия волевого решения

В качестве примера ситуации, требующей свободы воли, можно привести проблему трамвая [14]. Суть проблемы состоит в принятии решения о выборе пути, по которому пойдет трамвай, при условии, что на одной колее работают пять человек, а на другой – один. Сама по себе проблема этически неразрешима. Однако выбор пути или отказ от выбора является, безусловно, волевым решением. В этом случае само рассмотрение этой проблемы, поиск дополнительной информации, уточнений относительно этих людей следует отнести к проблеме свободы воли.

Стимулирование свободы воли является важной задачей современных систем поддержки принятия решений. Одно из назначений такого рода систем – формирование альтернатив решений для пользователя и информационная поддержка выбора одной из них. При этом решение должно быть подготовлено и принято своевременно, для сравнения рассматриваемых вариантов используются несколько критериев, а формировать варианты приходится в условиях неопределенности.

В настоящее время при формировании альтернатив активно применяются технологии искусственного интеллекта. Они позволяют обрабатывать большие объемы данных в автоматизированном режиме и генерировать решения, неочевидные для пользователя. В этом смысле преимущество искусственного интеллекта состоит в отсутствии влияния человеческого фактора на принятие решения в процессе ограничения рассматриваемых вариантов. Яркий пример: искусственный интеллект может предложить в качестве решения для увеличения числа свободных коек в больницах повысить смертность, человек же такой вариант даже не рассматривает.

Однако ограниченность средств искусственного интеллекта как раз состоит в отсутствии свободы воли, что обусловлено противоречием. С одной стороны, интеллектуальная система используется для специальных запросов на новые неочевидные варианты решений. С другой стороны, при выборе решения пользователи требуют обоснования, логического объяснения, которое искусственный интеллект дать не в состоянии. Совокупность этих факторов позволяет отнести выбор решения среди опций, сгенерированных искусственным интеллектом, к разряду волевых. Соответственно эффективная система поддержки принятия решений должна стимулировать пользователей к проявлению свободы воли.

Процессный подход в интеллектуальной системе поддержки принятия решений

Рассмотрим пример интеллектуальной системы поддержки принятия решений, реализованной на цифровой платформе интегрального мониторинга (разработчик – ООО «Открытый код») [15]. Применение средств искусственного интеллекта в составе системы носит «сквозной характер» и осуществляется в течение всего процесса принятия решения, как на этапах приобретения, представления, использования и модификации знаний, так и на этапе организации человеко-машинного взаимодействия с лицом, принимающим решение. Таким образом, при решении практических задач система поддержки принятия решений выступает метатехнологией, объединяющей прикладные технологии искусственного интеллекта, такие как нейронные сети, средства обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, компьютерного зрения и др.

Общее решение визуализируется в виде набора множества критериев, описывающих текущую ситуацию и варианты развития событий (рис. 3). Искусственный интеллект осуществляет оценку развития ситуации в ответ на возникающие события и генерирует разные варианты решений по влиянию на нее.

Последствия описываются в виде прогнозного описания изменения значений критериев во времени. Принятие решения заключается в выборе одного из вариантов.

Рис. 3. Интеллектуальная система поддержки принятия решений

Визуально представить несколько вариантов в интерфейсе можно с помощью ветвей шкалы времени. Для выбранного варианта отображается прогноз изменения параметров обстановки, используемых в качестве критериев сравнения альтернатив и выбора решения. Фактически волевой выбор пользователя заключается в подтверждении выбора такого варианта. Однако для этого он должен выполнить определенную работу – сформировать варианты, сгенерировать прогнозы и в случае нехватки информации сформировать соответствующие запросы.

Система может отследить полноту описываемых вариантов, их противоречивость, наличие конфликта опций, а также их взаимное удаление по шкале оптимистичности оценки. Например, если сформированы два прогноза, оба оптимистичные, значит, наблюдается нехватка исходных данных и нужно продолжить проработку решений. Технически можно ограничить возможность принятия итогового решения только для случая подробной проработки альтернатив.

Заключение

Таким образом, преимущество стимулирования свободы воли на практике состоит не только в повышении информированности лиц, принимающих решения, и устранении принуждения в смысле информационного влияния, но и в ликвидации возможности избегания решений в случае высокой неопределенности либо наличия множества рисков. Этот фактор крайне важен в современных системах документооборота и поддержки принятия решений в различных областях государственного управления и отраслях деятельности человека.

Список литературы

1. Мишура, А. Поле битвы – свобода воли / А. Мишура // Логос. – 2016. – Т. 26. – № 5 (114). – С. 19–58.
2. Чечулин, И.А. Философская проблема свободы воли и предопределения в контексте социальных и управленческих процессов / И.А. Чечулин // Цифровые модели и решения. – 2022. – № 1 (18). – С. 7.
3. Волков, Д.Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI в. в аналитической философии / Д.Б. Волков // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 3. – С. 175–189.

4. *Торгашин, А.Ю.* О невозможности онтологической несвободы / А.Ю. Торгашин // *Философия и культура*. – 2012. – № 6. – С. 82–87.
5. *Цуркан, Е.Г.* Влияние интернет-технологий на трансформацию различения публичного и частного / Е.Г. Цуркан // *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия*. – 2021. – № 4. – С. 53–68.
6. *Губа, К.* Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? / К. Губа // *Социологическое обозрение*. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 213–236.
7. *Сорина, Г.В.* Субъект принятия решений: становление и деятельность / Г.В. Сорина, М.В. Виноградов // *Ценности и смыслы*. – 2013. – № 4 (26). – С. 59–72.
8. *Omoregie, J.* *Freewill: The degree of freedom within* / J. Omoregie. – Bloomington: AuthorHouse, 2015.
9. *Нейроэкономика: нейробиология принятия решений / В.А. Ключарев [и др.] // Экспериментальная психология*. – 2011. – Т. 4. – № 2. – С. 14–35.
10. *Яхно, В.Г.* Базовая архитектура системы, описывающей нейробиологические механизмы осознания сенсорных сигналов / В.Г. Яхно, С.А. Полевая, С.Б. Парин // *Когнитивные исследования*. – 2010. – Т. 4. – С. 273–301.
11. *Кашапова, Э.Р.* Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида / Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика*. – 2015. – № 2 (30). – С. 15–26.
12. *Викторова, Е.В.* «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет / Е.В. Викторова, Е.Р. Бадаева // *Коммуникология*. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 100–112.
13. *Раскин, А.В.* Рефлексивное управление как технология информационного воздействия / А.В. Раскин, И.В. Тарасов // *Информационные войны*. – 2014. – № 2. – С. 15–17.
14. *Foot, P.* The problem of abortion and the doctrine of the double effect / P. Foot // *Applied ethics: Critical concepts in philosophy*. – 2002. – Т. 2. – С. 187.
15. *Digital Integrated Monitoring Platform for Intelligent Social Analysis / A. Ivaschenko [et al.] // Conference on Creativity in Intelligent Technologies and Data Science*. – 2023. – С. 365–376.

References

1. *Tinsel A.* Battlefield – free will. Philosophical and literary magazine “Logos”. 2016;26(5): 19-58. (In Russ.)
2. *Chechulin IA.* The philosophical problem of free will and predetermination in the context of social and management processes. Digital models and solutions. 2022;1(18):7. (In Russ.)
3. *Volkov DB.* The problem of free will: a review of key studies of the late 20th and early 21st centuries in analytical philosophy. Philosophical journal. 2016;9(3):175-189. (In Russ.)
4. *Torgashin AYu.* On the impossibility of ontological unfreedom. Philosophy and culture. 2012;6:82-87. (In Russ.)
5. *Tsurkan EG.* The influence of Internet technologies on the transformation of the distinction between public and private. Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy. 2021;4:53-68. (In Russ.)
6. *Guba K.* Big data in sociology: new data, new sociology? Sociological Review. 2018;17(1): 213-236. (In Russ.)
7. *Sorina GV, Vinogradov MV.* Subject of decision making: formation and activity. 2013;4(26): 59-72. (In Russ.)

8. *Omoregie J. Freewill: The degree of freedom within.* AuthorHouse, 2015.
9. *Klyucharyov VA. et al. Neuroeconomics: neurobiology of decision making.* Experimental psychology. 2011;4(2):14-35. (In Russ.)
10. *Yakhno VG, Polevaya SA, Parin SB.* Basic architecture of a system that describes the neurobiological mechanisms of awareness of sensory signals. *Cognitive Research.* 2010;4: 273-301. (In Russ.)
11. *Kashapova ER, Ryzhkova MV.* Cognitive distortions and their influence on individual behavior. *Bulletin of Tomsk State University. Economy.* 2015;2(30):15-26. (In Russ.)
12. *Viktorova EV, Badaeva ER.* “New” and “old” sociocultural effects of information influence on the individual in the Internet space. *Communicology.* 2019;7(1):100-112. (In Russ.)
13. *Raskin AV, Tarasov IV.* Reflexive management as a technology of information influence. *Information Wars.* 2014;2:15-17. (In Russ.)
14. *Foot P.* The problem of abortion and the doctrine of the double effect. *Applied ethics: Critical concepts in philosophy.* 2002;2:187.
15. *Ivaschenko A. et al.* Digital Integrated Monitoring Platform for Intelligent Social Analysis. *Conference on Creativity in Intelligent Technologies and Data Science.* 2023. Pp. 365–376.

Информация об авторах

ИВАЩЕНКО Антон Владимирович – доктор технических наук, профессор, директор Передовой медицинской инженерной школы ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 3707-6260.
E-mail: anton.ivashenko@gmail.com

СЕРИКОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 5384-4749. **E-mail:** serikov.ae@ssau.ru

ГОЛОВНИН Олег Константинович – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской физики, математики и информатики ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ, г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 8845-6757. **E-mail:** golovnin@bk.ru

Information about the authors

IVASHCHENKO Anton V. – Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of the Advanced Medical Engineering School, Samara State Medical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 3707-6260.
E-mail: anton.ivashenko@gmail.com

SERIKOV Andrey E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolyov, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 5384-4749. **E-mail:** serikov.ae@ssau.ru

GOLOVNIN Oleg K. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Medical Physics, Mathematics and Informatics, Samara State Medical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 8845-6757. **E-mail:** golovnin@bk.ru

УДК 167.2

ФЕНОМЕН МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ЛАБОРАТОРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА: ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

С.А. Гузенков

Академия гражданской защиты МЧС России
им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,
г. Химки, Россия

Поступила в редакцию: 19.08.24

В окончательном варианте: 08.09.24

Аннотация. Рассмотрены некоторые философские аспекты междисциплинарных исследований на примере коррозионных испытаний материалов в биологически активной среде, выдвинуто предложение о применимости к подобным исследованиям философской концепции Фейерабенда.

Ключевые слова: философия эксперимента, междисциплинарные исследования, биологически активная среда, коррозия.

PHENOMENON OF THE INTERDISCIPLINARY LABORATORY EXPERIMENT (CASE STUDY): PHILOSOPHICAL REFLECTION ATTEMPT

S.A. Guzenkov

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia,
Khimki, Russia

Original article submitted: 19.08.24

Revision submitted: 08.09.24

Abstract. Some philosophical aspects of interdisciplinary research are considered on the example of corrosion testing of materials in a biologically active environment, a proposal is put forward on the applicability of Feyerabend's philosophical concept to such studies.

Keywords: philosophy of experiment, interdisciplinary research, biologically active medium, corrosion.

В последние годы одно из основных исследовательских направлений философии техники, рассматривающее взаимодействие по линии человек – техника, превратилось в осмысление многостороннего и многоуровневого взаимодействия проблематики, которую с достаточной долей условности можно назвать взаимодействием в «треугольнике»: человек – техносфера – социум.

В.И. Вернадский писал «...человек своим трудом – и своим сознательным отношением к жизни – перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни – биосферу. Он переводит её в новое геологическое состояние; его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу. Им создаются в биосфере новые, не существовавшие раньше биогеохимические процессы» [1, с. 36]. При этом человек так глубоко проникает в недра природы, что техническая деятельность в современном мире становится частью эволюционного процесса, а человек – соучастником происходящих изменений.

Ханс Позер (р. 1937), профессор Технического университета Берлина, предлагал рассмотреть цепочку *homo sapiens* – *homo faber* – *homo creator*, поскольку креативность предшествует инновации как изобретению нового [2, с. 382].

В настоящее время техническое развитие достигло уровня, когда создается впечатление, что всё меньше и меньше остается невозможного для владеющего техникой человека, и современные технологии позволяют произвести любую структуру с заданными свойствами, но отсюда вытекает проблема последствий технического развития (в философии техники часто употребляется выражение «проблема ответственности») [3]. Существуют противоположные мнения: как о бескрайних возможностях, открывающихся перед человечеством в будущем, так и об угрозах разрушения нашего мира посредством деструктивного воздействия на социум созданных человеком материалов, технологий, модифицированных человеком растений, животных, микроорганизмов и т. д.

На основании изложенного выше выделим основные закономерности развития взаимосвязи «инженер – оборудование»:

- новый культурный тип *homo creator* исходит из человеческих целей и контролируемых изменений;
- инженерное мышление становится невозможным без гуманитарной составляющей, позволяющей вписывать инженерные проекты в социальную среду;
- усиление гуманитарной составляющей тесно связано с вопросом об этической и социальной ответственности инженера;
- усиливается междисциплинарный, комплексный характер технического знания, появляются трансдисциплинарные методологии в связи с развитием технаук, проявилась зависимость развития техники, технических знаний от четырех объединенных технологий NBIC (нано-, био-, инфо- и когнитивистика);
- мир науки фундаментально меняют цифровые технологии.

В области технических наук различают научно-исследовательскую и проектно-конструкторскую деятельность. Технические и технологические науки – это прежде всего знания о соответствующих объектах и процессах, а конструирование и проектирование – это реализация знаний в технических решениях.

Техника в ходе влияния на трудовую деятельность человека преобразует его самого, образно говоря, освобождает человека от власти природы, поэтому система «человек – техника – природа» дуалистична, а технические объекты выполняют в ней прямую и обратную функции. Прямая функция связана

с взаимодействием человека и природы через технику. Обратная функция связана с воздействием технических объектов на человека и общество.

Именно социальные процессы, включая отношения социального заказа при производстве технической продукции, требуют от современного инженера обладания не только научно-техническими и естественнонаучными, но и социально-гуманитарными знаниями. То есть его профессиональные знания должны содержать и значительную гуманитарную составляющую.

Рассмотрим взаимосвязь в структуре химия – биология – технология. Резкое усиление взаимосвязи химии с биологией произошло в результате создания А.М. Бутлеровым теории химического строения органических соединений. В дальнейшем химики занялись направленным синтезом веществ. И сегодня мы можем уверенно сказать, что во многих случаях удалось превзойти природу, что такие специфические свойства живого, как рост, размножение, подвижность, возбудимость, способность реагировать на изменения внешней среды, связаны с определенными комплексами химических превращений.

Значение химии среди наук, изучающих жизнь, исключительно велико. Но главное заключается в том, что объективно в самой основе биологических процессов, функций живого лежат химические механизмы. Следует перечислить науки, возникшие на стыке биологии, химии и физики: биохимия, биоорганическая химия, физико-химическая биология, биофизика, биофизическая химия и радиационная биология. Аналогично процессы, связанные с устойчивостью материалов к воздействию внешней среды, в присутствии биологически активных сред не могут быть исследованы с помощью только химических или биологических методов; возникают задачи, решить которые можно, используя инструментарий междисциплинарной природы. Приведём далее конкретику, рассмотрим подобные взаимосвязи применительно к реальному междисциплинарному исследованию, проведённому автором.

Была проведена серия экспериментов по исследованию коррозионной стойкости материалов в присутствии биологически активных сред. Исходя из анализа литературных данных, в частности работ Н.П. Жука [4], А.А. Герасименко [5], в которых указывается на сугубо экспериментальный характер подобных исследований и отсутствие по многим причинам в настоящий момент теоретической базы, которая бы позволила создать заранее математическую модель происходящих процессов, планирование исследования несколько отличалось от распространенных схем [6, с. 36–40; 7, с. 5–11].

Стоит отметить, что классификация экспериментальных исследований, принятая за основу в части научного сообщества, как правило, не выходит за рамки условного деления на два типа: концептуально важные, характеризующиеся связью с теорией и проводимые для ее проверки, и технически важные, осуществляемые для более точного измерения какой-либо величины [8].

Постановка задачи, тем не менее, должна была быть обоснована методологически.

Целью исследования было выявить наличие или отсутствие влияния биологически активной среды на скорость протекания коррозии в металлах и сплавах и деструкции в случае полимерных органических материалов.

По мнению Раппа, «...естественнонаучные эксперименты являются артефактами, а технические процессы – естественными процессами. Уникальные

и выполняемые в лаборатории в уменьшенном масштабе естественнонаучные эксперименты – по сравнению с природными процессами, протекающими без вмешательства человека, – являются точно так же искусственными, как и созданные в больших масштабах и повторяемые технические системы» [9, с. 277–282].

Специфика конкретной задачи исследования протекания коррозионных процессов заключалась в многофакторности влияния (возможно, разнонаправленного). Следовательно, учесть или выявить приоритетное влияние какого-либо фактора было важнейшей задачей. Если рассматривать с точки зрения теоретической, то очевидно, что постановка задачи данного эксперимента формировалась под влиянием представлений термодинамики.

Термодинамика однозначно говорит о том, что стабильное состояние материалов есть результат влияния и действия коррозионных процессов. Но ещё необходимо было учесть и другие факторы, в том числе кинетические, которые могли тормозить процесс.

Кроме всего прочего кинетика процессов определялась ещё и наличием фактора, который не рассматривается в классической теории коррозии, – влиянием биологически активных веществ. Из вышесказанного следует, что поставленная научная проблема находится на стыке наук, выступая как пограничная, и имеет междисциплинарный характер, что, безусловно, создает дополнительные сложности.

Биологически активная среда может влиять разнонаправленно. Конечно, ускорение коррозии предполагалось, но наличие конкретной среды в ряде экспериментов не идентифицировали и, таким образом, различные среды могли дать противоположный эффект.

В экспериментах с *Aspergillus niger* (вид высших плесневых грибов) на основании данных классических работ [4; 5] и недавно проведённых исследований [6, с. 36–40; 7, с. 5–11] предполагалось увеличение скорости коррозии в присутствии микросреды, поскольку метаболизм данного гриба приводит к выделению сероводорода, что однозначно вызывает рост скорости коррозии.

Однако постановка эксперимента требовала учесть влияние и окружающей среды. В данном случае окружающая среда – это, конечно, атмосфера, и эксперимент проводился в два этапа: в присутствии атмосферы и в изолированном пространстве с минимальным влиянием окружающей среды. Кроме того, для изучения биологической среды использовались различные физические и химические приборы, представляющие собой сложные в техническом плане устройства, применялись различные физическо-химические методики. Соответственно исследование сразу же приобрело междисциплинарный характер.

Выявление влияния разных факторов определяло построение эксперимента, планирование вело к усилению влияния определенных факторов в натуральных условиях эксперимента, а также позволяло выявить их особую значимость, хотя такой подход, вероятно, уязвим для критики с позиций недоопределенности научной теории или тезиса Дюгема – Куайна и воспроизводимости результатов.

Как показали результаты исследований, выявление влияния разных факторов с точки зрения индуктивной логики в упомянутых экспериментах не должно основываться на подобных принципах дедукции; рассмотрение

нужно вести только в контексте частных случаев, как case study, не более того. Следует отметить, что в ходе экспериментов с микрокультурой *Aspergillus niger* при смене питательной среды был зафиксирован факт её гибели. Это лишний раз свидетельствует об актуальности утверждения: «Единственное средство против нависших опасностей – сами опасности» [10] – и одновременно подтверждает междисциплинарность проведённой работы.

Дополнительно можно констатировать, что определить синергетичность процессов, осложненных влиянием биологических сред, и учесть в вышеупомянутых исследованиях не представлялось возможным.

Проведенные исследования влияния биологически активных сред являются частью решения экологических проблем, напрямую связанных с долговечностью материалов трубопроводного транспорта, от которых зависит безопасная эксплуатация и загрязнение окружающей среды. Как видим, задача проведенного исследования была чрезвычайно сложной и многофакторной, междисциплинарной, для постановки экспериментов и интерпретации их результатов требовалось участие специалистов в разных областях: биологии, химии, материаловедении, металлургии и др. Такой синтез усилий представляется невозможным при установлении определенных правил исследования; базовая философская идея Пола Фейерабенда «все дозволено», вероятно, в наибольшей степени отвечает специфике задачи. «...Это доказывается и анализом конкретных исторических событий, и абстрактным анализом отношения между идеей и действием. Единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип «все дозволено». Идея метода, содержащего жесткие, неизменные и абсолютно обязательные принципы научной деятельности, сталкивается со значительными трудностями при сопоставлении с результатами исторического исследования. При этом выясняется, что не существует правила – сколь бы правдоподобным и эпистемологически обоснованным оно ни казалось, – которое в то или иное время не было бы нарушено. Становится очевидным, что такие нарушения не случайны и не являются результатом недостаточного знания или невнимательности, которых можно было бы избежать. Напротив, мы видим, что они необходимы для прогресса науки» [11, с. 151].

Философское осмысление междисциплинарных исследований направлено на выявление лучшего, что есть в разных дисциплинах. Оно помогает достичь более высокого уровня знания и за счёт совокупности знаний учесть понимание происходящих процессов с метатеоретических позиций, что недостижимо для отдельной науки (научной области) и позволяет активизировать межпредметный диалог. Именно наличие такого междисциплинарного диалога даже вне зависимости от желания исследователя показывает, что технология современных исследований технологических характеристик различных материалов в разнообразных средах не может быть рассмотрена изолированно и требует многофакторного анализа как для объяснения получаемых результатов, так и для обоснования путей дальнейших исследований. В свою очередь такой подход не может существовать без метапредметного философского дискурса.

Список литературы

1. *Вернадский, В.И.* О коренном материально-энергетическом отличии живых и косных естественных тел биосферы / В.И. Вернадский // Проблемы биогеохимии. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1939. – Вып. 2. – С. 36.
2. *Poser, H.* Homo creator. Technik als philosophische Herausforderung / H. Poser. – Dordrecht: Springer VS, 2016. – XIII, 382 p.
3. *Ленк, Х.* Размышления о современной технике / Х. Ленк. – Москва, 1996. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6037> (дата обращения: 14.08.2023).
4. *Жук, Н.П.* Курс теории коррозии и защиты металлов / Н.П. Жук. – Москва: Альянс, 2006. – 472 с.
5. *Герасименко, А.А.* Защита от коррозии, старения и биоповреждений машин, оборудования и сооружений: справочник в 2 т. / А.А. Герасименко. – Москва: Машиностроение, 1987.
6. Коррозия стали 45 в биологически активной среде / С.А. Гузенков, Н.М. Твердынин, Л.Р. Шарифуллина, А.С. Гузенкова // Успехи в химии и химической технологии. – 2023. – Т. 37, № 2 (264). – С. 36–40.
7. *Андреева, А.И.* Коррозионная стойкость стали 45 в присутствии среды продуктов биологического разложения / А.И. Андреева, С.А. Гузенков // Проблемы обеспечения химической безопасности: сборник трудов IV Всерос. научно-практ. конф.; Химки, 6 декабря 2022 г. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2023. – 147 с.
8. *Пронских, В.С.* Актуальные вопросы философии научного эксперимента (обзор конференции) / В.С. Пронских // Эпистемология & философия науки. – 2014. – Т. XLII, № 4. – DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201442479>. – URL: https://www.pdcnet.org/collection/fshow?id=eps_2014_0042_0004_0192_0196&file_type=pdf (дата обращения: 13.08.2023).
9. *Рапп, Ф.* Техника и естествознание / Ф. Рапп // Философия техники в ФРГ / Сост. и предисл. Ц.Г. Арлаканяна и В.Г. Горохова. – Пер. с нем. и англ. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 277–282.
10. *Тацит, К.* Анналы; История / Публий Корнелий Тацит. – Пер. с лат. А.С. Бобовича; под ред. Я.М. Боровского, Г.С. Кнабе. – Москва: АСТ: Астрель, 2011. – 828 с.
11. *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – Пер. с нем. А.Л. Никифорова. – Москва: Прогресс, 1986. – 543 с.

References

1. *Vernadsky VI.* On the fundamental material and energy difference between liquid and oblique natural bodies of the biosphere. Problems of biogeochemistry. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1939. Issue 2. P. 36.
2. *Poser H.* Homo creator. Technik als philosophische Herausforderung. Dordrecht: Springer VS, 2016. XIII, 382 p.
3. *Lenk H.* Reflections on modern technology. Transl. into Russian V.G. Gorokhov. Moscow, 1996.
4. *Zhuk NP.* Course theory of corrosion and protection of metals. Moscow: Alliance, 2006. 472 p.
5. *Gerasimenko AA.* Protection against corrosion, aging and biological damage of machines, equipment and structures. Reference book in 2 vol. Moscow: Mashinostroenie, 1987.

6. *Guzenkov SA, Tverdynin NM, Sharifullina LR, Guzenkova AS.* Corrosion of steel 45 in a biologically active medium. *Successes in chemistry and chemical technology.* 2023;37(2);36-40.
7. *Andreeva AI, Guzenkov SA.* Corrosion resistance of steel 45 in the presence of a medium of biodegradation products. *Problems of ensuring chemical safety: Collection of works of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, Khimki, December 06, 2022.* Khimki: Academy of Civil Protection of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after Lieutenant General D.I. Mikhailik, 2023. 147 p.
8. *Pronskikh VS.* Topical issues in philosophy of scientific experimentation (conference summary). *Epistemology & Philosophy of Science.* 2014;XLII:4. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201442479>. Available from: https://www.pdcnet.org/collection/fshow?id=eps_2014_0042_004_0192_0196&file_type=pdf (accessed 13.08.2023).
9. *Rapp F.* *Technique and Natural Science. Philosophy of Technology in Germany.* Moscow: Progress, 1989. Pp. 277–282.
10. *Tacitus Cornelius.* *Annals; History.* Transl. from Lat. A.S. Bobovich, ed. Ya.M. Borovsky, G.S. Knabe. Moscow: AST: Astrel, 2011. 828 p.
11. *Feyerabend P.* *Selected works on the methodology of science.* Per. from German A.L. Nikiforova. Moscow: Progress, 1986. 543 p.

Информация об авторе

ГУЗЕНКОВ Сергей Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры химии и материаловедения Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, г. Химки, Россия. **E-mail:** s.guzenkov@amchs.ru

Information about the author

GUZENKOV Sergey A. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Chemistry and Materials Science, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia. **E-mail:** s.guzenkov@amchs.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 122+930.85

РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Маслихин

Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия

Поступила в редакцию: 16.08.24

В окончательном варианте: 03.09.24

Аннотация. Работа посвящена осмыслению русской идентичности. Раскрывая ее содержание, автор особое внимание обращает на мудрость русского народа. Показано, что русская идентичность выходит за пределы национальных границ.

Ключевые слова: идентичность, русская идентичность, формирование идентичности, антропологический аспект идентичности.

RUSSIAN IDENTITY IN MODERN RUSSIA

A.V. Maslikhin

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

Original article submitted: 16.08.24

Revision submitted: 03.09.24

Abstract. The work is devoted to the understanding of Russian identity. Revealing its content, the author pays special attention to the wisdom of the Russian people. The process of the exit of Russian identity beyond national borders is revealed.

Keywords: identity, Russian identity, identity formation, anthropological aspect of identity.

Идентичность в современном мире является важным элементом общественно-политической и быденной жизни людей. Она служит одним из способов включения человека в общественные отношения, выступает механизмом социализации, что актуально для жизнедеятельности как на уровне непосредственного бытия, так и в общественной жизни. «Идентичность – некоторая устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоидентичность. Исходные уровни идентичности связаны с традиционной (национальной) культурой» [1, с. 357].

Изучение идентичности тесно связано с социальной структурой, социальными институтами, социальной ролью и индивидуальным статусом. В новейших условиях русская идентичность становится важным объектом социального познания, имеет не только теоретическое, но и практическое значение для реализации русской духовности в мире и жизни конкретных людей. Другими словами, идентичность, свойственная русскому этносу, не только находит отражение во взаимодействии с родственными славянскими народами и культурами, но и получает выход на конкретного человека, рефлексия жизни которого неизбежно сопровождается взаимопереходами между собственным «я», русским этносом и российским суперэтносом. С этой целью используется понятие «национальность», необходимое для характеристики национальной принадлежности. Человек, говоря о своей национальности (например, при переписи населения), чаще всего определяет свое отношение к нации, народности, национальной или этнической группе. При переписи населения человек отвечает так: «я русский», «я белорус», «я мариец» и так далее. В России, по данным переписи 2021 года, проживает свыше 105 миллионов русских людей, что составляет 71,33 процента населения страны. Русская идентичность является одной из ведущих характеристик современного человека-россиянина. Такой подход обусловлен современным вектором деятельности Российского государства, провозгласившего в качестве одной из важнейших концепцию «Русский мир».

Русский этнос, являясь частью российского суперэтноса, имеет свои особенности, которые формировались столетиями. В начале XXI века в России активно исследуется российская идентичность [2; 3], между тем на уровне раскрытия русской идентичности крупные работы практически отсутствуют.

Отдельные теоретические исследования в области русской идентичности позволяют констатировать наличие убежденных сторонников «русскости» далеко за пределами страны. Даже на Украине в ходе опросов летом 2022 года люди отметили, что не могут отказаться от русского языка. Они говорили: «Это общий язык с миллионами людей в других странах Восточной Европы», «Это язык сердца», «Это язык семьи и детей» [4]. Состояние межнациональных отношений во многих российских регионах позволяет рассуждать о наличии дружбы народов даже в условиях постперестроечной России. Большую роль в укреплении межнационального единства играет русский народ [5, с. 69–72].

Существуют разнообразные основания для определения идентичности. Во-первых, территория (Россия – СССР), в том числе «малая родина»; во-вторых, общественное сознание, следование нормам «русского духа»; в-третьих, общая культура; в-четвертых, отношение к социально-политическим реалиям, государственности; в-пятых, общая экономическая жизнь.

Идентичность ярко проявляется на обыденном уровне жизни человека. Внутренняя определенность русского человека закреплена в его языке, чувствах, психике, получает реализацию в повседневной жизни и деятельности. Такая идентичность определяет русского человека в системе общественных отношений, исходит из круга непосредственных взаимодействий.

Этническая идентичность на обыденном уровне включает осознание своей принадлежности к русской общности, подразумевает солидарность с общими ценностями, стандартами, идеалами. Она включает и оценку значимости этноса для индивида. Люди следуют культурно-смысловым ориентирам, образцам поведения и нормам взаимоотношения с окружающим миром. Идентичность с русским народом помогает человеку адаптироваться в обществе, найти свое место в нем, дает возможность гармонично строить свои отношения с окружающим миром, с представителями других этносов. Через стереотипы поведения, организованное взаимодействие, воспроизведение культуры локальная общность выходит на «большую» общность. Трудовая деятельность россиян в различных коллективах демонстрирует заинтересованность в наличии профессиональных и чисто человеческих качеств коллег. Работа в многонациональном коллективе предполагает наличие заинтересованности в благоприятной этнической среде. Аналогичная картина складывается среди учащихся.

В России русская идентичность сопряжена с идеей формирования российской идентичности. Осознание гражданской идентичности не вызывает больших сложностей для населения, поскольку ассоциации с административными границами и политической властью уже подводят индивида к выбору соответствующей идентичности.

Большую роль в становлении русской идентичности играет мудрость. Высшим доказательством мудрости русского народа служит жизнь в условиях постоянных контактов с представителями различных наций, народностей, национальных групп. У русских людей мудрость сопрягается с нравственностью, с обобщающей силой поступков. Исключительно высоко ценится храбрость. Нравственное сознание сориентировано на коллективные интересы, которые выступают мерилami добра и зла. Для русского человека важна правда как этическое проявление истины. Русская культура высоко ценит философию, которая рассматривает общечеловеческие, социальные качества людей, их исследовательские способности. Антиподами мудрости являются глупость, хитрость, коварство. Академик Д.С. Лихачёв писал: «Мудрость – это ум, соединенный с добротой. Ум без доброты – хитрость» [6, с. 12].

Реальным путем развития российской идентичности, на наш взгляд, служит рефлексия населения по отношению к существующим славянской, тюркской, угро-финской и другим общностям. Через рефлексию по отношению к крупным этносам возможно обретение российской идентичности в углубленном интеграционными процессами виде. Процесс сближения внутри этносов предполагает сближение самих этносов, что прежде всего возможно на цивилизованном уровне. Главный вопрос XXI в. для представителей суперэтноса России состоит в том, смогут ли россияне выработать общую социокультурную идентичность, не утратив собственной этнической уникальности.

В Российской Федерации наряду с индивидуальными носителями идентичности существуют и коллективные социальные субъекты. Идеи русской

идентичности проводят телеканал «Содружество», разнообразные печатные издания, многочисленные центры русской культуры. Для представителей русской интеллигенции идея идентичности связана с попыткой восстановления исторической преемственности, традиционного опыта советской и современной России, культурного воссоединения славянских народов.

Теоретическая рефлексия личности относительно русской идентичности складывается из обращения к общностям конкретных людей, культурным идеалам, истории, судьбе. Причем формирование российского суперэтноса, поддерживаемого социокультурными системами входящих в него народов, является объективным процессом.

Русская идентичность современных россиян неодинакова. И дело не только в том, что она объединяет людей с разным социальным, демографическим, образовательным или возрастным статусом, а в том, что, в конечном счете, не предъявляет к человеку каких-либо требований, кроме тех, которые предполагают быть самим собой: русским с белорусскими корнями, русским с марийскими корнями и так далее. Современный россиянин свободен от социального контроля в вопросах этнической идентификации, его выбор детерминирован, прежде всего, нравственными, духовными, социальными потребностями.

Русская идентичность свойственна многим личностям современной России. В полиэтнической среде рефлексия по отношению к своей русской природе позволяет личности быть автономной, свободной в принимаемых решениях и деятельности. Но в то же время личность является частью социальной действительности, так как осуществляет выбор в рамках непосредственного окружения.

Жизнь русских людей в тех или иных государствах неодинакова, а порой даже трагична, – она во многом зависит от сроков их проживания на конкретной территории, общественно-политического строя, уровня демократии, гражданских свобод, национальной политики правительств и т. д. После развала СССР, например, дискриминационным, трагическим является положение русских (25 млн) в странах Балтии, на Украине, в среднеазиатских странах – бывших союзных республиках. Поэтому не прекращается поток в Россию этнических мигрантов. Как известно, к этой категории в настоящее время принято относить в значительной мере русских людей, прибывающих в Россию по политическим, экономическим причинам, и членов их семей. В нашей стране они становятся заметной частью экономически деятельных слоев населения. Процесс идентификации индивидов предполагает возможность безболезненной адаптации к окружающей реальности. Даже если возникает какая-либо проблема, она связана, прежде всего, с определенными социальными ожиданиями и несовпадением этих ожиданий с реальностью. Ощущая принадлежность к русскому народу, жители стран СНГ, работающие в России, перестают испытывать дискомфорт, связанный с этническими различиями. В широком смысле к «своим» относят всех, кто прибывает в страну и при этом имеет русские корни.

Восприятие представителей русского этноса происходит на основе совершенно четкого определения «нашего», «своего»: во-первых, внешность, во-вторых, знание языка, в-третьих, следование обычаям и традициям. Близкая идентичность, соблюдение обычаев и традиций, общих для русских людей, позволяют гармонично адаптироваться в новом социуме.

Русская идентичность в условиях полиэтнических регионов – естественный фактор общественной жизни. Разная этничность воспринимается индивидами адекватно и осознанно. Это связано с тем, что фактически на всех территориях живут представители многочисленных этнических культур. Именно они, лично осознающие этническую пестроту общественной жизни, оказывают значительное влияние как на формирование этнической идентичности индивидов, так и на сближение соответствующих культур.

Многоаспектность русской идентичности обуславливает ее многокомпонентную структуру. Государственный аспект русской идентичности состоит в том, что Россия неоднократно брала на себя ответственность, выступая защитницей и спасителем русских людей от порабощения, угнетения и гибели. С государственным компонентом тесно связан культурный. Лучшие образцы искусства, материальной и духовной культуры являются достоянием всех русских людей независимо от места жительства их создателя. Классические произведения литературы, живописи, музыки, созданные представителями русского народа, культурные люди высоко ценят в любой стране. Важен и экзистенциальный компонент. Осознание себя русским – это процесс выделения ряда свойств, которые характеризуют народ в понимании человека и общества в целом. В современных российских условиях на первом месте находится культурная идентичность человека с русским миром.

Помимо внутренней самоидентификации людей, связанной с жизнью в России, русская идентичность имеет место и на международной арене. Точных статистических данных о количестве этнических русских, проживающих за рубежом, нет. По данным из Википедии, эта цифра составляет от 20 до 30 млн человек. Наличие крупных диаспор за рубежом позволяет говорить о «русском зарубежье», существующем не одно столетие. У русских людей, проживающих за рубежом, идентичность сохраняется благодаря следующим практикам: посещению России в ходе туристических и деловых поездок; наличию родственников, друзей и знакомых; выполнению договорных обязательств с деловыми партнерами и т. д. При этом уровень распространения индивидуальных и коллективных практик всё же ниже уровня духовной связи русских с россиянами. У русских людей, проживающих за рубежом, наблюдается сокращение разрыва между самоидентификацией по этническому признаку, с одной стороны, и уровнем рефлексии по отношению к суперэтносам – с другой. Люди, отождествляющие себя с русскими, демонстрируют высокий уровень этнической солидарности, позитивное этническое самовосприятие.

Таким образом, русская идентичность в современной России имеет экзистенциальное содержание, закреплена историей, причем идея единства русского народа нередко отождествляется с деятельностью государства и русской культурой. В полиэтнических регионах русская идентичность находится в тесном переплетении с идентичностями этническими и региональными. Объединяют русский народ сегодня исторические события, спортивные успехи, достижения в области культуры, науки, искусства. Разобщающими элементами являются гегемонистские устремления НАТО, социальная дифференциация населения, недостаточное распространение русской идеи, направленной на объединение населения страны.

Список литературы

1. Федотова, Н.Н. Идентичность / Н.Н. Федотова // Глобалистика: энциклопедия. – Москва: Радуга, 2003. – С. 357–358.
2. Барлыбаев, Х.А. Структура сознания и идентичность / Х.А. Барлыбаев. – Уфа: Гилем, 2011. – 116 с.
3. Российская идентичность в социологическом измерении: информационно-аналитический бюллетень. – 2008. – № 3. – 72 с.
4. Ukraine agonizes over Russian culture and language in its social fabric. – URL: <https://www.npr.org/2022/06/02/1101712731/russia-invasion-ukraine-russian-language-culture-identity> (дата обращения: 16.08.2023).
5. Маслихин, А.В. Дружба народов в условиях глубокой трансформации общественной жизни (на примере Республики Марий Эл) / А.В. Маслихин // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика. – Якутск: Сфера, 2013. – 288 с. – С. 69–72.
6. Лихачев, Д.С. Письма о добром / Д.С. Лихачев. – Москва – Санкт-Петербург: Наука-Logos, 2006. – 321 с.

References

1. Fedotova NN. Identity. Globalistics: Encyclopedia. Moscow: Raduga, 2003. 1328 p.
2. Barlybaev HA. Structure of consciousness and identity. Ufa: Gilem, 2011. 116 p.
3. Russian identity in sociological dimension. Information-no-analytical bulletin. 2008;3:72.
4. Ukraine agonizes over Russian culture and language in its social fabric. Available at: <https://www.npr.org/2022/06/02/1101712731/russia-invasion-ukraine-russian-language-culture-identity> (accessed 16.08.2023).
5. Maslikhin AV. Friendship of peoples in the conditions of deep transformation of public life (on the example of the Republic of Mari El)/ National question. Theory. Modernity. Politics. Yakutsk: Sphere, 2013. – Pp. 69–72.
6. Likhachev DS. Letters about good. Moscow – St. Petersburg: Science-Logos, 2006. 321 p.

Информация об авторе

МАСЛИХИН Александр Витальевич – доктор философских наук, профессор, депутат Государственного Собрания Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: maslikhin@yandex.ru

Information about the author

MASLIKHIN Alexander V. – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy of the State Assembly of the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: maslikhin@yandex.ru

УДК 111

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Ю. КОЛЧИГИНА «ИТАКА: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК»

В.Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 29.07.24

В окончательном варианте: 02.09.24

Аннотация. Рецензия посвящена анализу новой монографии доктора философских наук, профессора, заведующего отделом онтологии и теории познания Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан С.Ю. Колчигина «Итака: метафизический дневник», вышедшей в свет в 2023 году.

Ключевые слова: метафизика, философия, сознание, смысл.

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY S.YU. KOLCHIGIN "ITHACA: A METAPHYSICAL DIARY"

Faritov V.T.

Samara State Technical University,
Samara, Russia

Original article submitted: 29.07.24

Revision submitted: 02.09.24

Abstract. The review is devoted to a new monograph by Sergei Yuryevich Kolchigin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, "Ithaca: A Metaphysical Diary", published in 2023.

Keywords: metaphysics, philosophy, consciousness, sense.

Книга Сергея Колчигина написана в непривычном для рецензента академических работ формате. «Итака» – не научное исследование и не философский трактат. Перед читателем «метафизический дневник». И вот мы вспоминаем, что в нашей философии были не только монографии А.В. Гулыги и Т.И. Ойзермана, не только трактаты В.С. Соловьева, С.Л. Франка и Н.О. Лосского. Были и «Опавшие листья» В.В. Розанова, «Апофеоз беспочвенности» Л. Шестова. Были мистические озарения Андрея Белого. И даже такой до мозга костей академический мыслитель, как А.Ф. Лосев, не пренебрегал жанром философского эссе. Мы вспоминаем, что философия – не только и не столько наука, это в первую очередь непосредственный и живой опыт осмысления бытия. Образ мысли и образ жизни. И метафизика – не только тяжеловесные интеллектуальные построения в духе Канта и Фихте, но и живой диалог с основами мироздания. В эпоху засилья позитивизма, прагматизма и «аналитической философии» обо всем этом стали забывать. И вот мы открываем совершенно неожиданную в современных условиях книгу и отправляемся на Итаку.

«Однажды я что-то искал в моей сокровищнице книг, рукописей, забытых фрагментов прошлого. И обнаружил пожелтевшие страницы, испещрённые странным текстом. Это был какой-то свиток, манускрипт, подобный тем, что порой находят в бутылке, брошенной в море. И повествовал он о высоком и загадочном. Так в Океане дней, в Космосе жизни бывают порой неожиданные открытия. Если не сказать решительней – откровения. И я, старый Улисс, Агасфер, Путешественник во времени, подозреваю, что в незапамятные времена это я сам в отчаянии забросил этот манускрипт, потеряв надежду на то, что его когда-нибудь прочтут. Теперь эта рукопись, древняя, из прошлого тысячелетия, всматривается в меня» [1, с. 4]. Так начинается книга. Дальше – фрагменты. Небольшие или на несколько абзацев. С заглавием и без. Иногда датированные.

Нищего писал, что его книги предназначены для путешественников. Его сочинения не предполагают последовательного и методического изучения. Но их можно в любой удобный момент открыть на любой странице и на какое-то время выйти из горизонта привычного и обыденного. Увидеть все в ином свете. Метафизическое путешествие предполагает переход от перспективы конечного, временного и относительного к перспективе вечного и абсолютного. Если использовать устоявшуюся философскую терминологию – переход от имманентного к трансцендентному. Или обнаружение присутствия трансцендентного в имманентном. Но жанр метафизического дневника не располагает к понятийным абстракциям. Место категориально-понятийного аппарата занимают метафоры: «Ты – крохотное зерно, и ты под землёю, во мраке. Твоя задача – расти, подниматься из тьмы к свету солнца и, возвысившись до того, чтоб увидеть весь мир и возрадоваться его красоте и бескрайности, – забыть о своей корневой природе, шагнуть миру навстречу и, быть может, взлететь, свершая метаморфозу от зерна подземелья до парящей души небожителя. А пока ты – зерно в подземелье. Не медли, расти, доколе чья-то тяжёлая оступь не утратила землю, доколе земля не окаменела, не похоронила тебя навеки» [1, с. 7].

Цель книги не состоит в том, чтобы привести читателя к каким-то определенным выводам, убедив его посредством дедуктивных умозаключений. Здесь ничего не доказывают, ни в чем не убеждают. Чтобы увлечь читателя в метафизическое путешествие, автор обращается к различным формам духовного опыта.

Это может быть язык религиозного опыта: «Не предавайся гордыне! Вот, послушай о Славе Господней. Знаменитее всех – Бог. Мы поклоняемся Ему

в храмах; мы молимся Ему пред иконами; иные из нас хотят быть похожими на Него, а большинство повторяет Его имя всуе и постоянно: «Бог знает!», «Бог в помощь!», «Дай бог!», «Слава богу!». И правда: Он – величайший из всех. Кто из творцов может создать Вселенную? А жизнь? А человека? Кто из художников сравнится с Ним в силе и красоте творений? Кто из мудрейших ведаёт больше, чем Он? И однако – откуда Он родом? Никому неизвестно. Каков Его облик? Не знает никто. Как Его имя? Никто не ответит» [1, с. 8].

Или эзотеризм Востока: «Агни, Агни! Наконец ты проснулся во мне! Пробуждайся, танцуй свой неистовый танец! Пронзай меня насквозь, пляши, поднимаясь кверху! Пробей, пронзи эту плотную оболочку над головою моей! Танцуй, извивайся, становясь всё прямее, прямей! Агни, Агни! Прожги отверстие, дай ворваться в него зелёной силе, лучу из Космоса! Встречайся с ним, Агни, сливайся с ним! В единый поток, в единую нить сознания! Дай, дай лучу пронзить меня насквозь, пролиться в канал Сушумны, озарить светом изумруда темницу мою! Помоги, помоги ему пронзить меня сверху донизу!» [1, с. 31].

В других случаях это диалог с философской традицией: «Если долго вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя». Эти слова Ницше можно с полным правом применить к кантовской проблеме «вещи в себе». Чем дольше и пристальней мы пытаемся вглядываться в то, что кроется по ту сторону явлений, тем больше различаем бездонную глубину. А в ней – узнаём самих себя. Потому что глубина мира есть наша собственная глубина, иррациональная, непостижимая, страшная и зовущая. Чувственное многообразие, рассудок, разум – всё это исчезает в океане вечно живых, активных и неисчерпаемых иррациональных начал, смутных побуждений, зовов, интуиций, озарений, толчков изнутри... Ясный мир наличного бытия оказывается не более чем всплесками на поверхности этого океана. Они выныривают из глубины в виде волны, испарения, пузырька или диковинного создания – и свидетельствуют о нашем незнании» [1, с. 151].

Наконец, автор нередко апеллирует к личному опыту метафизического переживания и осмысления действительности: «С возрастом, уходя от детства, я приобретал всё больше – но и утрачивал что-то важное. Действительно, я накапливал опыт эмпирической жизни, тренировал навыки чтения, письма, иностранного языка, игры на музыкальном инструменте; я смотрел фильмы и театральные постановки, бродил по горам, по площадям и улицам мегаполисов. Впечатления наслаивались одно на другое, третье, четвёртое... И я всё реже и реже слышал Голос Безмолвия. Тайна, из которой я когда-то вышел на этот свет, с возрастом стала отодвигаться дальше и дальше. Удивительно: так же происходит и тогда, когда пытаешься Тайну познать. Она лишь усмехается и отодвигается в тень, снова и снова» [1, с. 160].

Впрочем, и читатель, ориентированный на более или менее традиционный язык философского дискурса и предпочитающий мистическим экстазам строгие рассуждения в понятийной форме, не останется здесь без пищи. «В доме Отца Моего обители многи суть» (Иоанн, 14:2). И традиционный философский язык не исключен из метафизического дневника. Метафизика, прежде всего, есть учение о границах. В онтологическом, гносеологическом, экзистенциальном, эстетическом аспектах. И еще старик Кант написал незабываемые строки о границах метафизического познания: «Однако ограничение сферы опыта чем-то в ином отношении неизвестным разуму есть все же познание,

еще остающееся разуму в этом положении, – познание, посредством которого разум, не замыкаясь в чувственно воспринимаемом мире, но и не фантазируя за его пределами, ограничен так, как это свойственно представлению о границе, а именно ограничен отношением того, что лежит вне границы, к тому, что содержится внутри нее» [2, с. 121]. Действительно, забавно? Вот и в метафизическом дневнике профессора Сергея Колчигина мы читаем: «Действительно, забавно. Но ведь вообще-то оно так и есть. Граница – это условное обозначение исчезающих моментов пространственного многообразия и темпоральных изменений. При этом исчезающее сливается с Единым, так как растворяется в неопределённости. Граница – понятие, фиксирующее преходящие моменты разнообразия, различия. Но реально границ не существует, потому что все и всё суть элементарные проявления абсолютного Единого. В отношении человека это означает: он универсален, он может всё, но сущность его – нравственность, духовность. То есть не безграничная свобода, не «беспредел», а любовь и внутренняя ответственность» [1, с. 175]. В кантовской проблематике содержится принципиальная и неустранимая амбивалентность, коренящаяся в самой диалектической природе чистого разума. Ограничение метафизического познания есть одновременно указание на саму границу и выход за пределы этой границы: «Сознание пустоты давит человека, ему кажется, что он висит над бездной – бездной бессмыслицы и смерти. Но вот парадокс: если я сознаю пустоту, она уже не пустота, она уже наполнена моими чувствами, образами, мыслями. Поэтому надо различать эту экзистенциальную пустоту, с одной стороны, и пустоту онтологическую и ментальную – с другой» [1, с. 175]. И вот мы уже не с Кантом. Кант преодолен.

Но не будем торопиться. Еще Ницше связывал с именем Канта глубочайший кризис метафизики: «Метафизика невозможна. Трагическая резиньяция, конец философии. Философия со времен Канта мертва» [6, с. 466–467]. Можно ли говорить сейчас о каком-либо возрождении метафизики? Очевидно, что нет. Современная философия преимущественно представлена научными исследованиями в отдельных областях. Занимающийся философией, как правило, не философ, а специалист в отдельной, достаточно узкой сфере: социальной философии, философии науки и техники, в лучшем случае истории философии. И могут ли быть названы философами все эти Попперы, Куны, Лакатосы, Дессауэры, Веберы и Бурдьё? Очевидно, что нет. Это все специалисты в своих областях. В лучшем случае ученые и исследователи. Философия как метафизика в современной культурно-исторической ситуации возможна только как спорадическое явление. И новая книга С. Колчигина лишь подтверждает справедливость данного тезиса.

«Метафизический дневник» – книга глубоко интровертированная. Хотя автор много говорит об объективности сознания и его эйдосов, содержание «Итаки» носит сугубо личный, субъективный характер. Метафизика из *prima philosophia* превратилась в частное занятие, ушла в сферу индивидуальных переживаний и размышлений. Это примерно то же самое, как если бы первая скрипка оркестра была вынуждена играть в подземном переходе... Да, это тоже музыка, но...

Сам автор рецензируемой монографии не всегда удерживается на высоте метафизических парений. Характерный пример – раздел под названием «Невероятный

смысл пушкинского Лукоморья». Не желая останавливаться на буквальном значении слова, автор ищет и находит другие, глубинные смыслы поэтического образа: «Быть может, глубинный смысл лукоморья – то, что это полусфера и граница миров, где встречаются океан бытия и мир астрально- земной» [1, с. 164]. Хорошо. «Дуб зелёный – очевидно, Мировое Древо» [1, с. 164]. Очевидно, что да. Но вот дальше: «Кот учёный... Вот, похоже, ключ ко всему тексту пушкинского «Лукоморья». Произнесём слово «кот». Оно будет звучать ещё и как «код» – довольно привычно для нас, но совершенно непривычно для слуха древних. И если так, то учёный кот – не что иное, как «умный код». Уж не код ли генетический? Ведь на дубе – цепь. Цепь азотистых оснований, образующих спираль ДНК?» [1, с. 164]. Вот здесь, похоже, нет. Проблема не в том, что Пушкин при всем своем поэтическом даре не мог, да и не хотел бы провидеть все «чудеса» генетики, и слово «кот» никак не могло для него звучать как «код», тем более генетический... Проблема в том, что цепь азотистых оснований и спираль ДНК – это уже не метафизические смыслы. Автор покидает область метафизики и нисходит к материализму самого грубого, вульгарного толка. Это и в самом деле «довольно привычно для нас», т. е. для тех, кто живет в эпоху, когда метафизика стала невозможной.

Если оставить в стороне духовную ситуацию нашего времени, то книга С. Колчигина «Итака: метафизический дневник» значима уже самим фактом обращения к метафизике. Это опыт ретроспекции, воспоминания о том, что в прошлом были целые эпохи религиозного и метафизического творчества. Вспоминать об этом полезно – как полезно во время археологических раскопок находить осколки древних цивилизаций.

Список литературы

1. Колчигин, С. Итака: метафизический дневник / С. Колчигин. – Алматы: SaGa, 2023. – 208 с.
2. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / И. Кант // Основы метафизики нравственности. – Москва: Мысль, 1999. – С. 3–147.
3. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ф. Ницше. – Т. 7. Черновики и наброски 1868–1873 гг. – Москва: Культурная революция, 2007. – 720 с.

References

1. Colchigin S. Ithaca: a metaphysical diary. Almaty: SaGa, 2023. 208 p.
2. Kant I. Prolegomena to any future metaphysics that can appear as science. Fundamentals of the metaphysics of morality. Moscow: Mysl, 1999. Pp. 3–147.
3. Nietzsche F. Complete works: in 13 vol. Vol. 7: Drafts and sketches 1868–1873. Moscow: Cultural Revolution, 2007. 720 p.

Информация об авторе

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия; Russia; eLibrary SPIN: 2668-5946. **E-mail:** vfar@mail.ru

Information about the author

FARITOV Vyacheslav T. – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 2668-5946. **E-mail:** vfar@mail.ru

УДК 008:130.2

**ЗЕРНА ЖИЗНЕННОГО СМЫСЛА В АКАДЕМИЧЕСКОМ КУРСЕ ФИЛОСОФИИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ»
Д.Ф.Н., ПРОФЕССОРА В.И. КУРАШОВА*****В.Б. Малышев***

Самарский государственный технический университет,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 30.08.24

В окончательном варианте: 04.09.24

Аннотация. Представлена рецензия на учебное пособие «Иллюстрированное введение в философию» д.ф.н., профессора В.И. Курашова. Отмечается, что пособие основано на поиске первичных кодов философского сознания, которые можно выразить рисунками. В контексте «графической репрезентации» рассматриваются проблемы сознания, свободного критического мышления как основы философствования, становления личности в условиях российской культуры. Отдельный раздел посвящен изучению основ неклассических тенденций искусства. Описаны методические приемы построения занятий со студентами. Подчеркивается, что пособие является примером наглядного представления курса философии в вузе в доступной и интересной для студентов форме.

Ключевые слова: методика преподавания философии, иллюстрированный учебник, учебное пособие, наглядность, философские смыслы культуры.

**GRAINS OF LIFE'S MEANING IN THE ACADEMIC COURSE OF PHILOSOPHY.
THE REVIEW OF "ILLUSTRATED INTRODUCTION TO PHILOSOPHY"
BY DOCTOR OF PHILOSOPHY, PROFESSOR V.I. KURASHOV*****V.B. Malyshev***

Samara State Technical University,
Samara, Russia

Original article submitted: 30.08.24

Revision submitted: 04.09.24

Abstract. The article presents a review of the textbook "Illustrated Introduction to Philosophy" by Doctor of Philosophy, Professor V. I. Kurashov. It is noted that the manual is based on the search for primary codes of philosophical consciousness that can be expressed in drawings. In the context of "graphic representation", the problems of consciousness, free critical thinking as the basis for philosophizing, and the formation of personality in the context of Russian culture are considered. A separate section is devoted to the study of the foundations of non-classical trends in art. Methodological techniques for organizing classes with students are described. It is emphasized that the manual is an example of a visual presentation of a philosophy course at a university in an accessible and interesting form for students.

Keywords: methodology for teaching philosophy, illustrated textbook, teaching aid, educational visibility, philosophical meanings of culture.

В настоящее время в условиях общества потребления особенно актуальным становится возвращение к истокам истинного философского знания, наполнение новым смыслом текстов и сюжетов философской классики. Для современного молодого человека, чье сознание формировалось в среде активной медиакоммуникации, свойственен отрыв от первичной реальности. В конечном счете вышесказанное выливается в простой вопрос – как в процессе изучения философии в вузе заинтересовать студента в приобщении к философскому знанию, привить ему культуру философского мышления, направить на путь собственного поиска истины? Безусловно, подобных попыток предпринималось уже немало, но все ли они были удачными, отличает ли их простота, наглядность, цельность, оригинальность, а также знание дидактических основ научения философии? Сложность задачи еще и в том, что философии нельзя научить «извне», только сам человек способен раскрыть в себе силу критического философского мышления «изнутри», в области своего внутреннего мира. Чтобы инициировать такой процесс изнутри сознания обучаемого, его внутреннего мира, необходимо большое искусство педагога. Анализируя текст «Иллюстрированного введения в философию» профессора В.И. Курашова, можно отметить следующее. Пособие основывается на поиске неких первичных кодов философского сознания, зерен смысла, которые можно выразить спонтанными рисунками автора мелом на доске или фломастером на графических схемах к занятию. В контексте «графической репрезентации» философской мысли представлены такие тематические блоки, как проблема сознания, проблема свободного критического мышления как основы философствования, проблемы становления личности в условиях российской культуры (культурной среды отчего дома, родины, эпохи). Как пример вышесказанного – самобытная жизнь детей на улицах Казани в советское время, картины из жизни детворы советского времени, иллюстрированные соответствующими фотографиями. Интересным методическим приемом является построение занятия на основе наследия того или иного великого философа – Сократа, Фридриха Ницше, Иммануила Канта. В частности, это проведение сократических бесед (диалогов); рассмотрение разномастного, «слишком человеческого» окружения пророка Заратустры, выступающего в качестве концептуального персонажа у Ницше, фигуры «звездного неба над головой» Иммануила Канта.

Отдельный тематический блок образуют феноменология научного познания в европейской культуре и аспекты истории техники, страницы, посвященные проблеме исторической памяти, связи поколений, особенностям детской субкультуры в советское время и в современную эпоху. В пособии В.И. Курашова отдельный раздел посвящен изучению классических основ и рассмотрению неклассических тенденций искусства. По соседству с феноменологией произведений искусства представлена авторская методика поиска счастья через философскую рефлексию о верном понимании счастья, об особенностях его достижения.

Стихи Федора Тютчева, Александра Блока, фрагменты сочинений Федора Достоевского, Владимира Соловьева выступают в качестве своеобразного оптического прибора для философской рефлексии о западной философии, преломляя философские образы, представленные в этих сочинениях, в контексте русской философской культуры. Помимо сказанного важно отметить обилие цветных иллюстраций в каждой тематической рубрике пособия. Это

фотографии, сделанные на проведенных автором занятиях, лекциях и семинарах, архивные кадры, репродукции картин знаменитых живописцев.

Таким образом, «Иллюстрированное введение в философию» д.ф.н., профессора В.И. Курашова являет собой великолепный пример продуктивного построения и наглядного представления учебного курса философии в современном высшем учебном заведении в доступной и интересной для современного студенчества форме. Здесь презумпция «преподавать философию» органично сливается с презумпцией «быть философом в жизни». Пособие станет отличным подспорьем в изучении таких дисциплин вузовской программы, как «Философия», «Концепции современного естествознания», «Философия науки и техники», «История и философия науки». Кроме прочего рассмотренное учебное пособие содержит и результаты научно-философских изысканий самого автора.

Список литературы

1. *Курашов, В.И.* Иллюстрированное введение в философию: учебное пособие / В.И. Курашов. – Москва: КДУ, Добросвет, 2023. – 182 с. – DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1297-6-2023-182.

References

1. *Kurashov VI.* Illustrated introduction to philosophy: textbook. Moscow: KDU, Dobrosvet, 2023. 182 p. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1297-6-2023-182.

Информация об авторе

МАЛЫШЕВ Владислав Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7981-8777. **E-mail:** vlmaly@yandex.ru

Information about the author

MALYSHEV Vladislav B. – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 7981-8777. **E-mail:** vlmaly@yandex.ru

УДК 141+161.12+162.6

**КЛАССИЧЕСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ: ОПЫТ СОПРИЧАСТНОСТИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э.А. ТАЙСИНОЙ
«ОЧЕРКИ О ФИЛОСОФСКОЙ КЛАССИКЕ»***И.А. Беляев*Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург, Россия

Поступила в редакцию: 05.08.24

В окончательном варианте: 06.09.24

Аннотация. Данная рецензия посвящена анализу и оцениванию книги Э.А. Тайсиной, в которой представлены результаты компаративистских исследований классических философских идей Аристотеля, Эпикура, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и др. При написании рецензии была предпринята попытка рассмотреть содержание книги как репрезентацию опыта сопричастности ее автора этим идеям. Вместе с тем это содержание трактуется и как побуждение читателей к обретению подобного опыта.

Ключевые слова: античная философия, классическая немецкая философия, философские идеи, опыт сопричастности.

**CLASSICAL PHILOSOPHICAL IDEAS: THE EXPERIENCE OF COMPLICITY.
REVIEW OF E.A. TAYSINA'S BOOK
"ESSAYS ON PHILOSOPHICAL CLASSICS"***I.A. Belyaev*Orenburg State University,
Orenburg, Russia

Original article submitted: 05.08.24

Revision submitted: 06.09.24

Abstract. This review is devoted to the analysis and evaluation of the book by E.A. Taysina's, which presents the results of comparative studies of the classical philosophical ideas of Aristotle, Epicurus, I. Kant, G.V.F. Hegel, etc. The review attempts to consider the content of the book as a representation of the author's experience of complicity to these ideas. At the same time, this content is interpreted as encouraging readers to gain such an experience.

Keywords: ancient philosophy, classical German philosophy, philosophical ideas, experience of complicity.

Непосредственное рассмотрение содержания рецензируемой книги [1] следует предварить пояснением того, что далее будет пониматься под «опытом сопричастности».

Быть сопричастным – это значит, с одной стороны, иметь отношения с чем-то внешним и, с другой стороны, глубоко ощущать свое единение с ним и общую принадлежность к некоему масштабному целостному человекообразному агрегату. Сопричастность возникает и проявляет себя как результат процесса преодоления исходной отчужденности и раскрытия каких-либо фрагментов внешнего мира для внутреннего мира человеческого существа. При этом внутренний мир человека воспринимает поступающую извне разнообразную информацию и, преломляя ее в соответствии со своими особенностями, внедряет в собственное содержание.

Опираясь на дух мало пригодных для попутного изложения представлений Платона о сопричастности идей и вещей [2; 3] и одновременно уходя от их недвусмысленности, мы полагаем возможным сосредоточиться на том, что возникает в процессе приобщения человека к доступным фрагментам бытия, в нашем случае – к философским текстам как средоточию эвристически ценных мыслей. А возникает в этом процессе опыт, целостно и универсально обобщающий все то, что может быть приобретено при прямом контакте с содержательным наполнением этих текстов и вынесено из взаимодействия с теми обобщенными образами избранных фрагментов бытия (равно как и присущими им субъективно важными деталями), которые порождены творческими усилиями их авторов.

Важно отметить, что под опытом сопричастности не следует понимать нечто раз и навсегда зафиксированное. Имеет смысл выразить согласие с Н.Н. Карпицким, ведущим речь о специфичности опыта такого рода и отмечающим, что «в нем актуально переживается лишь фактическое содержание жизни, сопричастная же ему реальность еще актуально не раскрывается и носит потенциальный характер. Из этого следует, что стремление жить мотивирует не фактическое содержание момента жизни, а сопутствующее ему потенциальное содержание» [3, с. 6].

Книга Эмили Анваровны Тайсиной, вышедшая в связи с 300-летним юбилеем Иммануила Канта, состоит из пяти очерков, являющих собой относительно самостоятельные тексты, посвященные, прежде всего, сравнительно-историческому изложению основного содержания и элементов «биографии» различных философских идей. При этом и внутри каждого из очерков, и вне их, на дистанции возможного соприкосновения, так или иначе представлены две потенциальные составляющие интересующего нас явления сопричастности. В роли указанных составляющих выступают сами философские идеи и люди, генерирующие, интерпретирующие, развивающие их, а также пытающиеся критически проанализировать их место и роль в процессе становления философии. В очерках мы ясно видим раскрытие общего характера конкретных философских идей, а также соотношения их нюансов в концепциях классиков мировой философии. Вместе с тем в них можно усмотреть также тяготеющий к оригинальности образ фрагмента реальности, результирующий доступный читателю опыт сопричастности автора книги и обсуждаемых философских идей.

Тексты, содержательное наполнение которых подвергается анализу в рецензируемой книге, признаны классическими. Эти тексты прошли проверку временем; философы разных поколений находили и находят в них нечто эвристически ценное применительно к собственным исследованиям. Вместе с тем избранные Тайсиной философские тексты характеризуются достаточной для проведения ее исследований идейно-концептуальной и понятийно-терминологической целостностью. Им свойственны контекстуально приемлемые логичность и доказательность рассуждений, а также опора на доступное их авторам научное (и/или преднаучное) знание, благодаря чему выстраиваемые теоретические конструкции оказываются образцами соответствия идеалам рациональности, принятым в определенную эпоху.

Рассмотрим содержание каждого из очерков в том порядке, в котором они представлены в книге.

Очерк I. Методологические различия диалектики познания Канта и Гегеля

Отдавая дань уважения Иммануилу Канту, автор подчеркивает, что в процессе написания данного очерка в фокусе ее внимания было преодоление Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем «известных слабых звеньев кантианства ради придания завершенности философской системе» [1, с. 5–6], разрабатываемой им самим.

Стоит заметить, что философское учение основоположника классического немецкого идеализма богато идеями, содержание которых вполне заслуженно привлекло внимание других мыслителей, чья реакция в одних случаях явилась по большей части позитивной, в других, что неизбежно, – негативной. Как в том, так и в другом случае кантовские идеи подвергаются критике, подчас в той или иной степени далекой от конструктивности, которую допустимо признать универсальной. Критика этих идей Гегелем продиктована спецификой присущих ему взглядов, нашедших концентрированное выражение в его учении – системе абсолютного идеализма. Будучи конститутивно-самодостаточными применительно к учению И. Канта, обсуждаемые идеи естественным образом оказались чуждыми учению Г.В.Ф. Гегеля. Поэтому гегелевскую критику кантовских идей, осуществлявшуюся в контексте его собственного учения, следует признать локально конструктивной.

Гегель – автор диалектико-логической концепции, согласно которой познание должно происходить на основе объективной диалектики. Двойственность кантианства для него, в своей концепции отождествляющего бытие и мышление, органически неприемлема. Непосредственной мишенью совершаемых им критических усилий явился субъективный идеализм, свойственный Канту в рамках критического периода его творчества. Центром данной мишени выступает субъективно-идеалистическая диалектика Канта.

Диалектика Канта имеет эмпирические корни, которые де-факто играют роль онтологической основы его теоретических (прежде всего гносеологических) построений. Ключевыми элементами понятийно-категориального аппарата этих построений выступают понятия последовательности, сосуществования, чувственности, рассудка, разума, всеобщности и др. Субъект, согласно Канту, не имеет врожденных знаний, однако обладает «набором инструментов, орудий, при помощи которых он познает мир. Пространство, время и категории – основные инструменты познания и его условия» [1, с. 12]. Формы логического

для него субъективны, объектная же сфера познавательного процесса разделена им на две группы представлений. Во-первых, это представления о самом себе, относимые к сфере внутреннего чувства. Во-вторых, представления об ассоциированных с внешним чувством материальных предметах, которые непознаваемы по своей сути и в связи с этим обозначаются понятием «трансцендентальный объект». Кроме того, Кант предлагает симптоматичную для его диалектических взглядов трактовку соотношения законов тождества и противоречия, отдавая приоритет первому из них, инициируя тем самым возникновение проблемы «антиномий и отличия рассудка от разума, запутывающегося в противоречиях» [1, с. 14].

Диалектика Гегеля есть, в конечном счете, альтернатива диалектике Канта, причем весьма весомая. Не приемля кантовское отношение к материи, Гегель отказывается ему в конструктивности, объявляя аналитическим. В рамках гегелевской диалектики демонстрация диалектического перехода рассудка в разум выступает одним из главенствующих методологических принципов. Если кантовский антиномизм, делающий акцент на противоречиях, загоняющих разум в тупик, стимулирует возникновение сомнения в познаваемости мира, тем самым подталкивая мыслящего субъекта к агностицизму, то гегелевская диалектическая концепция явственным образом исходит из того, что противоречия снимаются в познавательном процессе. Если диалектика Канта предполагает, что вещи, существующие сами по себе, мысли неподвластны, то претендующая на универсальность диалектика Гегеля постулирует не только возможность познания, но и его необходимость. Думается, что верное понимание данного обстоятельства автором книги допустимо считать неопровержимым свидетельством обладания ею опытом сопричастности рассмотренным выше кантовским и гегелевским идеям. Стоит также выразить надежду на то, что читатель найдет в себе желание и силы пойти по проторенному автором пути обретения глубоко личного опыта сопричастности этим идеям.

Очерк II. Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории

Этот очерк посвящен разработке ряда вопросов, касающихся соотношения методологического инструментария, используемого двумя классиками мировой философской мысли – Аристотелем и И. Кантом.

Каждый из указанных мыслителей в своих теоретически отрефлексированных изысканиях ориентировался на традицию опоры на базисный набор категорий. Кроме того, подходы к познанию действительности, реализованные этими классиками мировой философии, допустимо именовать формально-логическими. Казалось бы, далее должно последовать указание на близость методологических арсеналов Аристотеля и Канта, однако такое впечатление будет коренным образом неверным. Попытка полного или даже частичного отождествления подходов этих мыслителей самым очевидным образом обречена на неудачу. Более того, существенные различия характерны не только для аристотелевского и кантовского подходов, но и для проистекающих из их специфики вариантов понимания того, чем должны являться и являются философские категории.

В учении Аристотеля категории – это понятия, имеющие статус основных, предельно общих и предельно абстрактных. Вместе с тем категории являют собой «не только единые основания бытия и познания, но... и языковые границы мира,

а тем самым и пределы познавательных возможностей» [1, с. 32]. В аристотелевых представлениях о категориях слиты воедино сам познаваемый объект, понятие о нем и его языковое обозначение. Акцентирование данного обстоятельства, которое имело место, в частности, в исследованиях представителей схоластики, стало сегодня прерогативой логической учебной литературы.

В наши дни на повестке дня специальных изысканий, как полагает автор обсуждаемой книги, оказался ряд теоретически малоосмысленных и, как следствие, дискуссионных вопросов. Например, стоит обратить внимание на отсутствие уверенности исследователей относительно языковых эквивалентов тех конкретных значений, которые сам античный мыслитель, будь он нашим современником, приписал бы каждой из десяти выделенных им категорий.

Рассматривая нюансы аутентичных представлений Аристотеля о категориях, Тайсина подает пример читателям своей книги, демонстрируя наличие собственного опыта сопричастности идеям, принадлежащим не только античному мыслителю, но и таким интерпретаторам его интеллектуального наследия, как средневековые философы Боэций и У. Оккам, а также современные западные исследователи Г. Райт, К. Америкс и П. Штудтманн.

Заметный, хотя и не первостепенный вклад в учение о категориях внес И. Кант. Данный мыслитель под категориями понимал «априорные формы рассудка, правила упорядочивания опыта, детерминанты, которые, действуя как инструменты получения и одновременно условия существования форм необходимого и всеобщего знания, упорядочивают хаос ощущений после того, как координаты “момент и место” уже заключили их в конфигурацию феномена» [1, с. 40]. В отличие от своего античного предшественника Кант изначально ведет речь о суждениях и только потом, по мере развертывания и фиксации своих идей, частично и, как нам представляется, по большей части формально переходит к применению номенклатуры аристотелевских категорий с учетом вклада ряда интерпретаторов в их понимание, свойственное XVIII веку. Впрочем, заимствование Кантом предложенной Аристотелем терминологии не нивелирует различий тех способов мыслительных действий, которые при использовании определенных категорий подразумевает каждый из них.

Предлагая свое видение философских категорий, Кант не только отказывается от львиной доли наследия Аристотеля, но и критикует сделанный им выбор понятий, объявляя его случайным, не основанным на каком-либо принципе. Свой же подход, позволяющий выстроить классификацию на основе четко очерченного признака, он полагает плодотворным. Здесь стоит признать правоту Тайсиной, отмечающей, что всякая попытка выработать основания выбора категорий для их каталогизации неминуемо вызовет у философов фундаментальные трудности. Кроме того, автор книги подчеркивает, что в случае с рассматриваемыми теоретическими построениями Аристотеля и Канта имеет место «различие подходов к методологическому арсеналу мышления» [1, с. 44], которое она конкретизирует и философски корректно подвергает критическому анализу, что, безусловно, подтверждает мысль о ее обладании специфическим опытом сопричастности.

Очерк III. Гегель критикует Канта (и преодолевает его?)

В следующем очерке автор возвращается к противопоставлению кардинально различающихся аспектов содержания философского наследия И. Канта

и Г.В.Ф. Гегеля. Указанных мыслителей, классиков немецкой философии сближает, с одной стороны, то, что они оба выступают с позиций идеализма, рационализма и диалектики. С другой стороны, результаты творческого поиска каждого из них существенно разнятся. В данном очерке во главе угла оказалось критическое отношение создателя абсолютного идеализма Гегеля к субъективно-идеалистическим и агностицистским идеям Канта. При этом основное внимание Э.А. Тайсиной было направлено на «сравнительную оценку законов природы, двуступенчатого разбиения мышления и рассмотрение функций опыта обоими классиками» [1, с. 56].

В процессе сопоставления избранных философских идей автор делает вполне уместный акцент на «преодолении Гегелем Канта». Состоялось ли оно? какой вопрос она, вслед за своими предшественниками, ставит и намечает контуры ответа не него. От определенного ответа на данный вопрос она не уходит, однако дает его в резюмирующей части своих размышлений в следующей формулировке: «Гегель действительно преодолевает Канта – но не отменяет его философию навсегда» [1, с. 83]. Данное обстоятельство может, на наш взгляд, интерпретироваться следующим образом: знакомя читателя с особенностями представлений Гегеля о системе Канта в целом и о некоторых ее деталях, автор демонстрирует свой опыт сопричастности к тому, в чем концентрированно выразились различия позиций двух классиков. Вместе с тем отсутствием спешки с обозначением собственных взглядов она, как представляется, вполне недвусмысленно побуждает читателей к обретению подобного опыта сопричастности.

Оценивая трансцендентальную логику, составляющую весьма весомый компонент содержания кантовского философского наследия, Гегель заявляет о присутствующем в нем неподобающем отношении к природе и к разуму как ее жалкому подражателю. Выступая против того, что ему видится некорректным во взглядах «противника», он стремится абсолютным образом преодолеть «признание существования внешней к сознанию, принципиально непознаваемой “вещи-в-себе”, устранить разрыв между явлением и сущностью и общую “недостроенность” философии Канта» [1, с. 61]. Роль едва ли не универсального инструмента, пригодного для того, чтобы придать кантовской философии, неспособной преодолеть взаимополярности противоположностей, импульс к развитию в должном направлении, Гегель отдает рефлектирующему разуму. Истинной, по Гегелю, является та философия, которая есть область разума, свободного от гнета обыденного сознания. Только такая философия имеет потенциал избавления разума, низведенного у Канта до рассудка, от множества заблуждений, ограничивающих его возможности.

Гегель – мыслитель, творчество которого приближало масштабы философии к тому, что метафорически можно обозначить термином «масштабы бытия». Он, «добываясь совершенства от своих предшественников, себя самого и философии в целом, пишет законченную картину абсолютного идеализма» [1, с. 82] и получает заслуженную известность как «создатель непревзойденной диалектики как метода, равно как и системы, первой универсальной концепции развития. <...> В целостности, последовательности, законченности его философия выигрывает, конечно, у философии Канта» [1, с. 83]. Тем не менее в наше время, характеризующееся процветанием постмодернизма, кантовское наследие

востребовано весьма широко. С одной стороны, в теоретических построениях Канта находят опору для своих изысканий как позитивисты, так и весьма, казалось бы, мировоззренчески далекие от них феноменологи и экзистенциалисты. Однако, с другой стороны, его идеи не чужды и современным философам, стремящимся не только выдвигать и обосновывать нечто новое, но и обеспечивать взаимопонимание с коллегами посредством корректного применения сложившегося понятийно-терминологического аппарата. Так, эвристическая ценность принятых в сфере логики кантовских определений основных форм мышления – понятий, суждений и умозаключений – не подвергается сколько-нибудь обоснованному сомнению благодаря их практической эффективности.

Очерк IV. Принцип единства бытия и познания в метафизике Аристотеля и диалектике Гегеля

В настоящем очерке нашла отражение попытка автора соизмерить идеи, составляющие неотъемлемые части хронологически локализованных воззрений двух классиков мировой философии, касающихся единства бытия и познания как фундаментального философского (онтогносеологического, а точнее – онтогносео-лингвологического) принципа. Этот принцип более или менее явственным образом обозначается и наполняется определенным содержанием в трудах многих мыслителей – носителей европейской культуры. В данном случае автор рецензируемой книги сосредоточилась на раскрытии особенности идей соответствующего рода, характерных для «позднего Аристотеля и раннего Гегеля – в силу внятной рациональности демонстрации позиций и сходства взглядов в отношении совпадения основ бытия и основ познания» [1, с. 88].

Поставив перед собой задачу восстановления в правах обсуждаемого принципа, Э.А. Тайсина обратилась «к истокам философской классики, дабы вернуть на авансцену современности эссенциализм “больших нарративов”, достоинство и фундаментальность рационалистической функции философии» [1, с. 86]. Стремясь как можно более точно зафиксировать позиции Аристотеля и Гегеля относительно рассматриваемого принципа, она уделяет значительное внимание лингвистическим проблемам, сопряженным, прежде всего, с корректностью межъязыковой трансляции нюансов значений, которые в рамках избранных ею конкретных систем философских взглядов придаются отдельным терминам. Добиваясь высокой продуктивности своего исследования, она обращается к получившим известность мыслям идейных предшественников Аристотеля – Парменида, Эмпедокла, Пифагора, Анаксагора, Демокрита, анализирует особенности трактовки деталей концепции Гегеля, представленные в работах Е. Дюринга, Ф. Энгельса и других более поздних философов.

Отталкиваясь от представления о том, что «для Аристотеля совпадение мышления и предмета мышления было возможно только в уме (философского) бога – сознающего себя разума» [1, с. 91], Тайсина погружается в бездну противоречий, преодоление которых требует верного понимания духа и буквы тех положений, которые представлены в дошедших до нас произведениях великого философа. Четкой фиксации позиции Аристотеля по обсуждаемому вопросу препятствует не только и не столько сложность вычленения и воспроизведения его подлинных мыслей сама по себе. Более весомым здесь является то, что при наличии спорных результатов деятельности переводчиков весьма нелегко

признать что-то из их числа всецело приемлемым, не имея к тому должных оснований, пусть даже являющихся конвенциональными. Вследствие этого, надо полагать, Тайсина не доходит до заявлений типа: «У Аристотеля рассматриваемый принцип выступает как...», ограничиваясь глубоким, надо отдать ей должное, анализом тяготеющих к объективности обстоятельств, что представляет собой залог обоснованного выбора верного вектора дальнейших философских поисков. Тем самым автор, возможно непреднамеренно, личным примером побуждает читателя, заинтересованного в получении опыта сопричастности прошедшим многовековую проверку идеям Аристотеля, к совершеннью собственных интеллектуально-творческих усилий.

А вот относительно того, «как был воспринят, изложен и трансформирован Гегелем принцип единства бытия и познания» [1, с. 91], в очерке имеется информация, представленная в удобной для восприятия читателем форме. При усвоении этой информации, проникновении в ее суть, нахождении места для нее в собственной философской картине мира читатель также получит шанс на обретение уже имеющегося у Тайсиной опыта сопричастности идеям незаурядного немецкого мыслителя.

Гегель, преодолевавший в процессе разработки избранного круга вопросов кантовский дуализм, сделал упор на диалектику субъекта и объекта и сформировал установку на рефлектирующий разум. При этом он много размышляет о раздвоении как форме «поляризации противоположностей в противоречии, которые у Канта, да и в формальной логике вообще, застывают в неподвижности» [1, с. 101]. В фокусе его нашедшего продуктивное воплощение внимания оказываются также свойственное И.Г. Фихте «чистое мышление самого себя (тождество субъекта и объекта в форме Я есмь Я)» [1, с. 102] и принцип тождества Ф.В.Й. Шеллинга. Осмысление и творческое преобразование этих и многих других сопутствующих им вариантов концептуализации бытия, познания и их соотношения позволили «раннему» Гегелю выйти на размышления «о согласованности/совпадении разума/мышления и бытия/природы именно в ключе абсолютного идеализма» [1, с. 105]. Создаваемый немецким мыслителем вариант абсолютного идеализма, призванный охватить собой весь универсум, сконцентрировал в себе колоссальный объем оригинально структурированной информации о различных аспектах бытия. Представление о единстве бытия и познания в его рамках наделено статусом принципа, из которого проистекает и концентрированно его выражает понятие абсолютной идеи. Это единство, будучи всеобщим, проявляется соответственно во всем; в частности, любое развитие, согласно Гегелю, происходит по одним и тем же законам.

Очерк V. Истоки зарождения античного скепсиса, философии Эпикура и стоицизма в эпоху империй

Содержательное наполнение последнего из очерков, включенных в книгу Э.А. Тайсиной, в сравнительно небольшой степени тематически корреспондируется с теми сведениями, которые читатель может почерпнуть из рассмотренных нами выше фрагментов рецензируемого материала. Обратившись к анализу философских реалий эпохи эллинизма, автор осознанно ограничивает предметную сферу своих изысканий особенностями учений мыслителей, являющихся представителями трех направлений, выбранных из числа доминирующих в соответствующий период: скептицизма, эпикуреизма и стоицизма.

Античная философия – отправной пункт весьма сложного процесса становления западной философской мысли. Вместе с тем это исключительно важная часть мировой философии, на протяжении многих веков оказывающая влияние воистину беспримерного масштаба на самые разные культурные феномены.

Эпоха эллинизма, ставшая объектом философского анализа, может, по мысли Тайсиной, помочь нам «лучше понять сегодняшний день» [1, с. 117]. При работе над данным очерком автор поставила перед собой две задачи: во-первых, «показать, как сходные условия социального бытия порождают сходные приемы и способы мышления» [1, с. 117], и, во-вторых, «вызвать интерес читающей публики, используя близкую к художественной манеру изложения, ради того, чтобы исторические сведения обратить в запоминающиеся “постигающие” представления» [1, с. 117]. Анализ содержания очерка позволяет вести речь о том, что обозначенные задачи были в целом решены. Причем если эвристическая ценность сколько-нибудь интенсивного обсуждения второй задачи в контексте процесса и результата ее решения не выглядит высокой, то первая задача имеет, надо полагать, право на внимание со стороны любого из читателей соответствующего очерка.

То, что мы «живем в эпоху перемен», сомнению не подлежит. Современный человек утратил ранее незыблемую, казалось бы, укорененность в бытии. Он «в известном смысле является наследником всех предыдущих эпох – и ни одной конкретно» [1, с. 116]. При этом реалии вчерашнего дня уходят в прошлое семимильными шагами, а приходящие реалии, не успев закрепиться, то есть социокультурно опредметиться и синхронизироваться с человеком, утрачивают толком не проявившуюся актуальность. Нечто подобное – с поправкой, конечно же, на особенности исторически обусловленных деталей – имело место в эпоху эллинизма. Приобщаясь, пусть даже фрагментарно, к основам философии мыслителей данной эпохи, читатель рецензируемой книги имеет реальную возможность получить, по примеру ее автора, опыт сопричастности соответствующим идеям. Кроме того, у читателя появляется перспектива проецирования на конкретные ситуации, в которые его вовлекает реально-жизненный процесс, потенциально плодотворное содержание, присущее этому опыту.

Сочетая в своих исследованиях использование исторического и логического методов познания, расширяя их возможности посредством присовокупления к ним ряда иных составляющих философского инструментария, Тайсина выявляет основные варианты хода мыслей философов эпохи эллинизма.

Так, она показывает, что участие Пиррона из Элиды в военных походах Александра инициировало формирование мировоззрения скептиков; вследствие этого в философский обиход вошли такие понятия, как «“адиафорон” – “безразличие”, “атараксия” – “бестревожность”, “апатия” – “бесстрастие”, “эпохэ” – “воздержание от суждения” и “эвдемония” – “блаженство”, состояние мудреца» [1, с. 122–123]. Общий «настрой» содержания, мыслимого в перечисленных понятиях, симптоматичен. Сомнение, которое явилось базисом обсуждаемого мировоззрения, постепенно усилиями Тимона Флиунтского, Секста Эмпирика и их единомышленников не только обрело теоретико-эмпирические основания, но и стало точкой отсчета при выдвигании идей, востребованных не только внутри сообществ скептиков, но и за их пределами.

«Наиболее оптимистичное, светлое и спокойное мировоззрение, – как вполне резонно отмечает Тайсина, – сложилось у первых эпикурейцев. Пришли, например, выдержка и усмешка: а что случилось? Вспомните о спасающей силе разумной деятельности! Вы же философствующие субъекты – так примите эту реальность» [1, с. 124]. Автор показывает, что в мировоззрении представителей данного направления нет места негативному восприятию чего-либо из происходящего вокруг. Людям, как учили Эпикур и его последователи, следует избегать того, что их волнует, страшит и разобщает. Не надо заниматься политической, вести идейные споры. Наряду с этим необходимо стремиться к счастью, усматривая его «в отсутствии жажды, голода и холода, а пуще всего в невозмутимом спокойствии философа» [1, с. 125].

Мировоззрение, категорически противоречащее тому, которым обладали эпикурейцы, было выработано и получило распространение усилиями представителей стоицизма – от Зенона до Марка Антонина Аврелия. Космос есть, согласно их представлениям, «большой живой организм, целесообразный до мелочей: поэтому следует делать свое дело на своем месте и радоваться, что этим служишь вселенскому телу» [1, с. 127]. Если эпикурейцы проповедовали этику счастья, то для стоиков приемлемой оказалась этика долга, диктующая необходимость бесстрастия, терпения, жизнестойкости, покорности судьбе.

Трудно не согласиться с Тайсиной, завершающей рассматриваемый очерк следующим утверждением: «Более глубокое знакомство с эллинизмом должно помочь обрести самосознание и/или утраченную идентичность современным людям. И понять если не философию, то политику всех диктаторов: правь, иначе управятся тобой» [1, с. 130].

Сумма представленных выше результатов анализа каждого из очерков, составляющих содержание обсуждаемой книги, являет собой только некоторую часть возможной целостной картины изложенного автором историко-философского материала. И чем значительнее будет глубина и точность приобщения читателя к этой картине, тем больше шансов на эвристическую ценность обретаемого им опыта сопричастности идеям, соприкасающимся и противоборствующим в книге, обобщающим их философским концепциям и выдвинувшим их мыслителям, а также взглядам автора, имплицитно и эксплицитно присутствующим в книге.

В сущности любое достаточно грамотное историко-философское исследование может трактоваться, да и на самом деле является презентацией имеющегося у автора собственного уникального опыта сопричастности соответствующему кругу философских идей. Внимательное чтение рецензируемой книги свидетельствует о том, что ее автор приобщилась к идеям выдающихся мыслителей, являющихся представителями античной и классической немецкой философии. Стоит надеяться, что обретенный и продемонстрированный ею опыт сопричастности выступит действенным побуждающим началом для тех, кто только стоит на пороге приобщения к историко-философскому знанию. Здесь имеет смысл упомянуть известный немалому числу людей принцип армейского обучения, обозначаемый фразой: «Делай как я». Думается, содержание обсуждаемой книги можно интерпретировать как призыв автора к своим читателям делать как она, искать и находить свой глубоко личный путь приобщения к философской классике.

Таким образом, материал книги Э.А. Тайсиной «Очерки о философской классике» следует признать достойным вкладом в осмысление идей ряда выдающихся мыслителей прошедших эпох. Рекомендую книгу к прочтению, считаем необходимым особо подчеркнуть то, что она может использоваться как достойный образец грамотного осуществления историко-философского поиска и как ценный источник информации философами с разным уровнем профессиональной квалификации, занимающимися проведением собственных исследований. Вместе с тем стоит обратить внимание предполагаемых читателей и на педагогический потенциал рецензируемой книги. В этом отношении книга Эмили Анваровны Тайсиной принесет практическую пользу вузовским педагогам, преподающим дисциплину «История зарубежной философии» и, надо полагать, в еще большей степени студентам, изучающим ее.

Список литературы

1. *Тайсина, Э.А.* Очерки о философской классике / Э.А. Тайсина. – Пенза: Социосфера, 2023. – 134 с.
2. *Платон.* Сочинения: в 4 т. / Платон. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 2. – 626 с.
3. *Карпицкий, Н.Н.* Всеединство как основа ощущения жизни / Н.Н. Карпицкий // Соловьевские исследования. – 2008. – № 3 (18). – С. 5–13.

References

1. *Taisina EA.* Essays on philosophical classics. Penza: Research and Publishing Center “Sociosphere”, 2023. 134 p.
2. *Plato.* Works: in 4 vol. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg university: Oleg Abyshko publishing house, 2007. Vol. 2. 626 p.
3. *Karpitsky NN.* Unity as the basis of the feeling of life. Solovyov studies. 2008;3(18):5-13.

Информация об авторе

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 8918-7755. **E-mail:** igorbelyaev@list.ru

Information about the author

BELYAEV Igor A. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia; eLibrary SPIN: 8918-7755. **E-mail:** igorbelyaev@list.ru

УДК 340.12

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Ю.Е. ПЕРМЯКОВА
«СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ»***Л.А. Шестакова*

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 26.07.24

В окончательном варианте: 03.09.24

Аннотация. Представлена рецензия на учебное пособие для вузов кандидата юридических наук, доцента Ю.Е. Пермякова «Современная философия права: обзор основных проблем». В пособии приводится обзор новых философско-правовых концепций, объясняющих юридическую силу правовых норм и идейные основания современного правосудия, что выгодно отличает его от других учебников. Раскрыты темы провинциального правопонимания, права в контексте национальной культуры. Указано, что несомненной новизной обладает исследование автором специфики российской ментальности и правового мышления. На основе представленного материала автор стремится показать, каким образом в правовых ситуациях используется опыт философского диалога и правового мышления.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, юриспруденция, философия права, философия морали, философия политики.

**REVIEW OF THE TEXTBOOK BY YU.E. PERMYAKOVA
"MODERN PHILOSOPHY OF LAW: AN OVERVIEW OF THE MAIN PROBLEMS"***L.A. Shestakova*

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

Original article submitted: 26.07.24

Revision submitted: 03.09.24

Abstract. A review of the textbook for universities by Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Yu.E. Permyakov "Modern philosophy of law: an overview of the main problems" is presented. The manual provides an overview of new philosophical and legal concepts that explain the legal force of legal norms and ideological foundations of modern justice, which distinguishes it from other textbooks. The topics of provincial legal understanding, law in the era of national culture are revealed. It is noted that this is the latest scientific study conducted by the author of the specifics of the Russian mentality and legal thinking. Based on the presented material, the author proposes to show how the experience of philosophical dialogue and legal thinking is used in law.

Keywords: social sciences and humanities, jurisprudence, philosophy of law, philosophy of morality, philosophy of politics.

В интерпретации исторического развития как объективного и поступательного движения проблема должностования в правовой теории не получила серьёзного теоретического освещения, поскольку такой взгляд на право не допускал для него ни собственной истории, ни собственных оснований. Лишь в последних публикациях советского периода стали обращать внимание на субъективные, человеческие факторы в онтологическом обосновании права. Однако такое допущение обычно сопровождалось оговоркой о том, что за целями человека скрываются движущие им силы, поэтому из сферы ценностных представлений мысль перемещалась в область гносеологии. В результате смещения аксиологической и гносеологической проблематики должное исключалось из предмета философии права, что объясняет длительный период не востребоваемости этой отрасли теоретического познания права в советском правоведении [1, с. 79]. Переосмысление господствующей марксистской доктрины права впервые произошло в работах В.С. Нерсесянца, В.М. Сырых, О.Э. Лейста.

Первые постсоветские публикации, в которых сущность государства осмысливалась с позиции философии, опирались на метафизические понятия народа и истории. Возвращение к метафизике в постсоветской философии права произошло на основе интереса к свободе, справедливости, равенству, воле, закону и порядку [1, с. 89].

В ходе политических и конституционных реформ 1991–1993 годов российское общество предприняло попытку подчинить государство и весь правоприменительный процесс непривычной для институтов власти задаче реализации правовых притязаний граждан. Права и свободы человека и гражданина в соответствии со статьей 18 Конституции Российской Федерации 1993 года стали определять смысл и содержание применения законов. В новых условиях само государство необходимо было переосмыслить как объект социального контроля и правовой оценки. Для решения этой исследовательской задачи необходимо располагать знанием онтологической состоятельности государства и права.

В конце девяностых годов XX в. на юридических факультетах высших учебных заведений постсоветского пространства была возвращена дисциплина «Философия права». В этот период в России, а также в странах ближнего зарубежья были изданы учебные пособия, введены лекционные курсы, которые знакомили студентов с новой учебной дисциплиной. В частности, можно назвать учебники И.П. Малиновой «Философия права (от метафизики к герменевтике)», С.С. Алексеева «Философия права», С.И. Максимова «Правовая реальность: опыт философского осмысления» и другие. Однако в этих учебниках многие важные темы не были затронуты или сам предмет философии права представлялся авторам не вполне определённым. Спустя некоторое время философия права заняла своё законное место во всех учебных планах по специальности «Юриспруденция», что повлекло за собой издание довольно большого количества новых учебников и пособий, к которым можно отнести «Философию права» В.С. Нерсесянца, «Основы философии права» В.П. Малахова, «Актуальные проблемы теории философии права: курс лекций» Ю.В. Сорокиной и др.

Указанные учебники по философии права фактически не имели отличий от монографий и учебников по дисциплине «История политико-правовых учений», материал в некоторых из них излагался неоправданно сложным языком.

Некоторые учебники страдали невниманием к формально-юридической стороне вопроса, в большей мере были ориентированы на исторический обзор философско-идеологических основ. Имея в виду эти недостатки учебной литературы по курсу «Философия права», Ю.Е. Пермяков поставил себе задачу не просто информировать студентов о философских воззрениях в различные эпохи, а уделять внимание самому процессу философского анализа и рассуждения. По мнению автора, именно формирование способности к философскому рассуждению и диалогу составляет основную задачу преподавания философских дисциплин.

В учебном пособии «Современная философия права: обзор основных проблем» Ю.Е. Пермякова, изданном в 2023 г., содержится обзор новых философско-правовых концепций, объясняющих юридическую силу правовых норм и суждений и идейные основания современного правосудия и правовой политики, что выгодно отличает рецензируемое учебное пособие от других учебников, где по большей части рассматривается классическая философия права, разработанная ещё в трудах Гоббса, Канта, Гегеля, Кельзена.

Ю.Е. Пермяков одним из первых детально анализирует основные положения либертарной концепции права В.С. Нерсесянца, «интегративной» теории права В.Г. Графского, положения современного нормативизма М.И. Байтина, концепцию социальных оснований права Г.В. Мальцева, коммуникативную концепцию права А.В. Полякова, постклассическую теорию права И.Л. Честнова. В учебном пособии также приводится обзор современных критических оценок идей, касающихся прав человека (С. Жижек, А. Бенуа). Следует также выделить уникальные для учебных пособий по философии права темы, которые раскрыты в работе Ю.Е. Пермякова, – это проблематика провинциального правопонимания, права в контексте национальной культуры, логики национальных правовых систем и некоторые другие.

По замыслу автора задача учебного пособия по философии права состоит в том, чтобы развернуть перед читателем систему философско-правовых воззрений и показать, каким образом в правовых ситуациях используется опыт философского диалога и правового мышления. Каждая глава рецензируемого пособия посвящена отдельной теме философии права и завершается вопросами, обсуждению которых способствует знакомство с рекомендованной литературой. Методические рекомендации в помощь студентам и преподавателям содержатся в приложении.

Материал учебного пособия не рассчитан на запоминание, изложение отдельных тем подчинено задаче их последующего обсуждения. Обозначенная логика учебного пособия создаёт условия для аудиторной работы со студентами в форме дискуссий, дебатов, подготовки сообщений и докладов, их дальнейшего обсуждения. Данный подход позволяет избежать схоластических философских споров, поскольку философия невозможна без интереса к другому. Автор учебного пособия обоснованно настаивает, что недопустимо превращать занятия по философии права в свободный обмен мнениями, вынесение ни к чему не обязывающих оценок или попеременный монолог исповедующих свои воззрения студентов.

Учебное пособие Ю.Е. Пермякова ориентировано на обзор современной философской проблематики, то есть той, которая следует из европейского

опыта построения правового государства, повседневной практики правоприменения, реформ внутренней и внешней политики современной России. Автор пособия отмечает, что далеко не всё, что составляет историческое и культурное своеобразие России, может быть без ущерба представлено в категориях классической и современной европейской философии, для которой разговор о праве начинается с выяснения обязательной силы его норм и тех обстоятельств, которые сопровождают следование правилу. В условиях российской действительности тезис о существовании норм права вряд ли был бы удачным началом для его философского осмысления, если иметь в виду устойчивую традицию формоборчества в русской культуре, её исторический опыт и перманентный политический контроль при осуществлении правосудия [1, с. 410].

Большой новизной обладает исследование специфики российской ментальности и правового мышления, представленное в рецензируемом учебном пособии.

Усиливающиеся в последние десятилетия попытки найти новую политико-правовую идеологию для России свидетельствуют о состоянии её вневпадности. Она – нигде, свой нынешний статус Россия не признаёт соответствующим реальному. Именно поэтому существенно важным представляется вопрос о том, в силу каких причин право утрачивает для россиян свою ценность и в силу каких оснований право способно обрести её вновь.

Если признать, что у права нет особой сущности, свойственной именно для него, то невозможно приступить к изучению правового мышления, поскольку оно не может сложиться по приказу свыше. Законы правового мышления могут быть выведены из той сферы, которая не поддаётся локализации и растворяется в политической реальности, поскольку мышление не безучастно к бытию.

Вторая половина XX века классической модели науки и научного познания противопоставила мотивированного субъекта, у которого есть некая история, ценностные предпочтения, судьба. У теории стали признавать помимо философских оснований ещё и культурный контекст, соответствующую ей научную картину мира. Именно в постклассической традиции право способно выступить объектом познания лишь при том условии, что по отношению к нему у субъекта сформировано ценностное отношение [1, с. 78].

Именно в этот исторический период в науке государства и права правовые нормы, институты видятся через призму индивидуальных правовых притязаний. Отечественная философия права стала уделять внимание непосредственным участникам правового общения, которые при выборе поступка, правового решения самостоятельно руководствуются понятиями ими смыслами, добиваются логического обоснования юридически значимых целей. Создаваемый в такой парадигме текст не претендует на истинность норм права, поскольку не нормы, а притязания личности выступают онтологическими основаниями правовых институтов и конструкций. Правовая реальность стала раскрываться через практику правовых суждений, множество интерпретаций стратегии социального поведения, которые ранее были за границами предмета юридической науки. Учитывая многомерное изображение права в различных системах описания, невозможно свести его сущность к какому-либо единому значению. Монизм в описании права остался в классической философии, которая претендовала на истинность суждений с позиции внешнего наблюдателя [1, с. 412].

Ю.Е. Пермяков отмечает, что в российском правосознании господствуют стереотипные представления о праве как особой сфере социальной деятельности, взаимосвязанной со многими другими областями жизни, но относительно замкнутой и самостоятельной, расположенной на отдельном участке социального пространства. Нарушение правовой нормы наказуемо лишь в его пределах, новых измерений – морального или нравственного – в правовых поступках не существует. Такое плоскостное видение права свойственно человеческому сознанию, ибо государственные границы административно создают впечатление горизонтальной расположенности права.

В рецензируемой работе также анализируются основные черты российской правовой ментальности, обусловленные природными, географическими, климатическими условиями. Автор отмечает, что в российском правосознании мир воспринимается дискретно, нечто обладает нравственным содержанием, но не имеет в себе правового. В российской культуре нет опыта согласования разноуровневых ценностей, абсолютное не содержится в конкретном, духовное не содержится в материальном, но противопоставлено ему. В праве видят не меру достигнутой свободы и справедливости, а безмерность невоплощённой свободы и справедливости. Проявление этой черты можно увидеть в «лишних людях», открытых в русской классической литературе; «маниловщина», «обломовщина» и другие понятия обозначают пространственное бытие русской культуры, в которой местонахождение субъекта нельзя определить точно, этот субъект точно знает лишь то, кем он не хотел бы быть [1, с. 413].

Резюмируя, следует сказать, что для каждого преподавателя, читающего курс «Философия права», учебное пособие Ю.Е. Пермякова «Современная философия права: обзор основных проблем» станет незаменимым подспорьем в профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Пермяков, Ю.Е. Современная философия права: обзор основных проблем / Ю.Е. Пермяков. – Санкт-Петербург: Лань, 2023. – 516 с.

References

1. *Permyakov YuE.* Modern philosophy of law: an overview of the main problems. St. Petersburg: Lan, 2023. 516 p.

Информация об авторе

ШЕСТАКОВА Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 1335-0515. **E-mail:** lyuboshestakova@yandex.ru

Information about the author

SHESTAKOVA Lyubov A. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 1335-0515. **E-mail:** lyuboshestakova@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

АСТАПОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону.

E-mail: snastapov@sfedu.ru

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург.

E-mail: igorbelyaev@list.ru

ГОЛОВНИН Олег Константинович – доцент, кандидат технических наук, заведующий кафедрой медицинской физики, математики и информатики ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Самара.

E-mail: golovnin@bk.ru

ГУЗЕНКОВ Сергей Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры химии и материаловедения Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, г. Химки Московской обл.

E-mail: s.guzenkov@amchs.ru

ДАНИЛОВА Вера Софроновна – доктор философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет», г. Якутск.

E-mail: nnkozhev@mail.ru

ЕЛХОВА Оксана Игоревна – доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа.

E-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

ЗВЕЗДИН Лев Александрович – кандидат философских наук, инженер 1 категории АО «ЗАСЛОН», г. Санкт-Петербург.

E-mail: lev.zvezdin@rambler.ru

ИВАЩЕНКО Антон Владимирович – доктор технических наук, профессор, директор НОЦ «Передовая медицинская инженерная школа», ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Самара.

E-mail: anton.ivashenko@gmail.com

КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет», г. Якутск.

E-mail: nnkozhev@mail.ru

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург.

E-mail: kostavictor@yandex.ru

КСЕНОФОНТОВ Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры идеологической работы и социальных наук УО «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: nksena777@gmail.com

КУДРЯШЕВ Александр Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа.

E-mail: philozof@mail.ru

МАЛЫШЕВ Владислав Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара.

E-mail: vlmaly@yandex.ru

МАСЛИХИН Александр Витальевич – доктор философских наук, профессор, депутат Государственного собрания Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола.

E-mail: maslikhin@yandex.ru

СВИНЦОВА Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

E-mail: mnsvintsova@fa.ru

СЕРИКОВ Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара.

E-mail: serikov.ae@ssau.ru

СУГАИПОВА Элина Ибрагимовна – доцент кафедры философии, политологии и социологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный.

E-mail: sugaipova20@gmail.com

СУСЛОВ Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов.

E-mail: suslov85@inbox.ru

ТОНКОВИДОВА Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», г. Краснодар.

E-mail: tonkovidova@mail.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара.

E-mail: vfar@mail.ru

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, зам. заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», г. Москва.

E-mail: tsyganokp@mail.ru

ЦЫМБАЛ Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных наук УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: aleksander.g.t@gmail.com.

ШАЛАГИН Сергей Викторович – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры компьютерных систем ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ», г. Казань.

E-mail: sshalagin@mail.ru

ШАЛАГИНА Гульнара Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», г. Казань.

E-mail: galanova@rambler.ru

ШЕСТАКОВА Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева», г. Самара.

E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СамГТУ». СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник СамГТУ». Серия «Философия» **необходимо представить:**

- файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):
 - скан рекомендации кафедры;
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендацию кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (при наличии) автора полностью.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – например, аспирант).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и номер телефона (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать иные дополнительные сведения о себе. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи:

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям, предъявляемым к научной публикации.
2. Представленная статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию.
5. Во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу.

6. Выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам.
7. Результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким.
8. За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ы) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
9. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97–2003; файл со статьёй получает название по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на латиницу. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее – 2,5 см, правое – 2 см, верхний колонтитул – 2 см, нижний колонтитул – 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объёмом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объёмом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии до 0,5 п. л.

Общий порядок расположения частей статьи:

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при её наличии) включает в себя наименование статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Наименование основного места работы (учёбы), города (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
6. Ключевые слова на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
7. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
8. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
9. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
10. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

11. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
12. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиографический список выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчёркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
13. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов), библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только те источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). Сведения об источниках следует располагать в списке в порядке появления ссылок на источники в тексте статьи.
15. Сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы организации, адреса (юридического) с почтовым индексом, e-mail, eLibrary SPIN) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

**ПОДПИСКА – 2024
на январь-декабрь**

в «Объединённом каталоге «УРАЛ-Пресс»
на сайтах www.pressa-rf.ru и www.akc.ru

Уважаемые читатели!

Обратите внимание, что с 1 сентября 2023 г.
проводится подписная кампания на журналы
Самарского государственного технического
университета на 2024 год

**18106 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Технические науки»**

**18107 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Психолого-педагогические науки»**

**18108 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Физико-математические науки»**

**41340 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Философия»**

70570 Градостроительство и архитектура

Условия оформления подписки вы найдёте
на сайтах www.pressa-rf.ru и www.akc.ru